

Предисловие

Почему пишем воспоминания?

Польский поэт Константин Ильдефонс Галчиньский написал: «... чтобы сохранить от забвения».

Человек - самое прекрасное творение Бога. Только Он знает величие и цену каждой жизни. Мы же медленно открываем наши глаза на спрятанную в ней жемчужину. Нуждаемся во времени и не только... В этом нам помогает опыт жизни, драмы людей и, прежде всего, наши собственные испытания.

Очень важно перечитывать книгу своей жизни заново. Во-первых, взглядом на Бога, чтобы действительно «достойно и праведно» отблагодарить Его за этот прекрасный дар.

Во-вторых, взглядом на человека, чтобы размышлять о ней, о ее путях и присутствующей в ней благодати.

Только тогда начинаем понимать, связывать, казалось, случайные события и открывать прекрасный замысел Бога, Его любовь.

Жизнь человека - святая бесценная. Спасибо Татьяне, что рассказала нам о своей судьбе. Это знак ее доверия к нам. Еще раз убедились в том, что Бог «пишет прямо на кривых линиях человеческих судеб», с любви для нашего счастья.

Каждая биография является хагиографией, потому что Бог идет вместе с нами через всю нашу жизнь. Неисповедимы Его пути – говорит пословица.

о. Анджей Мадей. ОМІ.

Ашгабат, Пасха Христова 2006

Татьяна Абраменко

Стихотворения

I.

Эхо разных лет.

MAME

Я колючей, сдержанной была
От смущенья или от поспешности.
Ну, а ты ждала, ждала, ждала,
Так тебе хотелось моей нежности!

А теперь ты писем ждёшь моих
На листках из клетчатой тетрадки.
Наизусть ты выучила их:
«Я здорова, значит, всё в порядке»

Мне б вовек не одолеть одной,
Горя, что на плечи мне легло.
Справится с тяжелою бедой
Мужество твоё мне помогло.

За окном давно уже темно,
Спят подруги в комнате притихшей
Я сажусь писать тебе письмо,
Длинное-предлинное письмище.

Столько впечатлений и каких!
Только бы успеть за всем угнаться.
В пестроте и путанице их
Ты одна сумеешь разобраться.

Письма, беспокойные стрижи,
Вы летите к самой лучшей, самой..
Ты почаще письма мне пиши!
Как я жду их, ты же знаешь, мама!

1964 г.

*****

Ах, листья клёнов- золотые уши!
Вы осенью, как уши стариков,
И вам, премудрым, всё бы слушать, слушать,
Легенды из затерянных веков.

Вам их нашепчет ветер Кара- Кумский,
А , может, прозвенит в ночи ручей,
Напевом, полным радости и грусти,
Далёкий... Близкий. Мой он, иль ничей?

Вам слышится из дальнего тумана,
Из сонной потревоженной дали
Звучит вам, словно песня, «Согдиан-а!»
Так тихо, чтоб услышать вы могли:

Кольчуги звон, коня степное ржанье...
Вам безразличны смены всех эпох.
Вы знаете, что вечно мирозданье,
И песня девичья, и мой негромкий вздох.

Вам всё равно, что век, что миг летучий.
Всё, что узнали не с кем разделить.
И вы решили, что, пожалуй, лучше
Себя на радость людям раздарить.

20.09.78.г.

***

Секретничают листья полушепотом,
Мальчишка- ветер улицей бежит.
Наш рыжий кот, хитрюга конопатый,
Весёлый лучик солнца сторожит.

А темной ночью голубые звёзды,
Смеясь беспечно, водят хоровод.
Наш старый дом... Он днем такой серьезный
Детишкам колыбельные поёт.

Поёт он про невиданные страны,
Про озорных, лукавых обезьян,
Про радужные, тихие туманы,
Про синий и огромный океан.

Под эту песню снятся детям нашим
Цветные, удивительные сны.
Про маму, что всех фей на свете краше,
Про чудо - небо сказочной страны.

1979 г.

Дождь

Дождь- проказник шумит бестолково
Этот шум никому не унять!
Вы прислушайтесь, честное слово,
Листья тополя тихо звенят.

Дождь, а солнышко крыши утюжит.
Шепчет клену: «Дружок, не робей!»
На свое отражение в луже
Хочет глянуть смешной воробей.

Дождь ликует веселом азарте
Сам себя подгоняет: «Сильней!»
По промокшему за день асфальту
Ночь рассыплет изломы огней.

Октябрь, 1980г.

Ковровщице

Руки - птицы летят над основой,
Благороден орнамент и строг.
Оживает в нем снова и снова
Нежность матери, яркий цветок.

Ты запомнила с раннего детства:
Черный цвет- вековая печаль,
Алый цвет, цвет пролившейся крови,
Что народ за свободу отдал.

Узелки- в верной дружбе порука
Неподкупных и честных сердец.
Человечную эту науку
Передал тебе воин- отец.

Вдохновенно, светло и счастливо,
Вечной мудростью женской добра,
Солнца нашего жаркие нити
Ты вплетаешь в рисунок ковра.

Невозможно от дивного чуда
Оторвать очарованных глаз!
Ну, скажи мне, скажи, откуда
Твоя песня без слов взялась?

Апрель 1981г.

Меджеку Чарыеву.

Твоя палитра Солнцем рождена.
Мне Бог судил искать спасенье в Слове.
Я сердцем и умом убеждена
Собрат по духу ближе, чем по крови.

Твоих картин святая простота,
И разговоров мнимая беспечность...
За ними - вдохновенья маета.
Попытка разглядеть за мигом вечность.

Пейзаж на полотне предельно строгий:
Искрится бледным золотом дорога,
Да облака над синею горой.
Ведь человеку надо так немного!

Чтоб теплый голос друга прозвучал
Сквозь все помехи в телефонной трубке,
Чтоб душу не корежила печаль,
А врачевала соль застольный шутки.

Мы не из тех, кому удача=дура
С усмешкой раздает свои дары.
У творческой, у пламенной природы
Все спрятано, все скрыто до поры.

И вдруг взметнется яростным прибоем,
Нет удержу ни кисти, ни перу.
За то, что так похожи мы с тобою,
Я Господа сто раз благодарю!

22 декабря 1997 г.

*****

Мазурка фа-диез... Чужое вдохновенье.
А у меня - опять с собою спор.
Звучит Шопен, как радость и спасенье,
Звучит, судьбе моей наперекор.

Пусть танца ритм изменчиво капризен,
Рояль рукам послушен, точно раб.
Пан Фредерик давно известен, признан,
Но счастлив ли? Не думаю, что так.

Мне не увидеть Желязовой Воли,
В костеле том колен не преклонить...
Как и Шопен, я голос польской крови,
Хочу в себе навеки сохранить.

Времен и жизни связь не расторгима,
Хоть и незрима слов и звуков нить.
Сберечь бы всех, прекрасных и любимых!
Ошибок бы своих не повторить.

15 марта 1998г.

*****

Как из песни не вычеркнешь слова,
Так из жизни не выбросишь встреч.
Убеждаюсь я снова и снова,
Что себя не умею беречь.

Обжигалась душой не однажды
И, бывая, сама не права,
Я терзаюсь сильнее, чем от жажды
Поточнее ищу слова.

Сердце, словно цветок на ладони
Стало душно ему взаперти.
Не спасает и самоирония.
От себя никуда не уйти .

28 января 1998г.

В.Х.

В день Татьянин застуженный,
Знаю, вспомнишь меня,
Дорогой, да не суженный,
Для души западня.

Глаз моих светло-карих
Золотистый окрас,
Для твоих, для усталых,
Темно-сумрачных глаз.

Только жизнь не изменишь.
Много разных дорог
Через муки сомнений
Проложил для нас Бог.

А теперь – не дозваться
Сколько хочешь кричи
В безголосо- глазастой
Нашей южной ночи.

10 января 1999.

В.А.

Долог день, бесконечен, как век,
Когда сердце съедает тоска.
Но плывут от меня к тебе
Невозвратные облака.

Ты погладь их тихонько рукой,
Взглядом ласковым проводи!
Я тебя не дождусь домой,
Значит, ты меня подожди.

Нет сиротства страшней вдовства.
Самый страшный по жизни прочерк.
Только память, память жива,
И тебя отпустить не хочет.

Нет мне дела теперь до весны!
Ненавижу предатель март.
Снятся странно тревожные сны
Десять тысяч сто дней подряд.

8 марта 1999.

*****

Мы – посев лихолетий военных.
Потому и уходим до срока,
Не изведав ни ласки, ни счастья,
Тяжко, горестно, одиноко.

Есть у нас и друзья, и семьи,
Но в душе-то, внутри - пустыня
Лгали нам. Мы росли в безвременье.
Но насколько же хуже ныне!.

Нет страны, которой гордились,
Будто в доме рухнули стены.
И всему, что мы все любили,
Уж не будет, не будет замены.

Вместо жизни - театр абсурда
С неизбывною болью потерь.
Очень трудно немислимо трудно!
Можешь- верь, а не можешь - не верь.

Сделать шаг за черту невозвратную...
Не хочу! Или нету сил ?
Позовите меня, кто радовал,
Кто со мной на земле дружил.

26 марта 1999г.

*****

Острота трагических предчувствий,
Фраз обрывки, всплески междометий
Сквозь меня летели. В сердце- пусто.
Некого позвать, ответить нечем,

Нет согласия ни с собой, ни с Богом,
В круговерти суетных тревог.
На каких неведомых дорогах
Все теряли? Где он, наш порог?

В чем мы безисходно виноваты?
Для чего разрушили свой дом?
Неужели мы – за всех расплата?
И на плаху за других идем?!

Платим за чужие чьи-то распри
Жизнями мужей и сыновей
Словно весь народ навеки распят
На бездумной доброте своей.

7 апреля 1999 г.

Письмо

Ваших глаз журавлиная ясность
Не растопит мою печаль.
Как не мучайся, жизнь - прекрасна,
И прошедшего чуточку жаль.

Мне бы руку подать при встрече
При разлуке блеснуть слезой.
Но боюсь из-за ласковой речи,
Стать непонятой и чужой.

Все на выворот, все с тревогой!
Вас гнетет такой же тоской.
Неужель, и пред Вечной дорогой,
Нам не знать, что такое покой?

16 марта 1999

Сонет

Успокойся, сердце, не боли!
Улетают люди журавли.
Ищут то, что сроду не теряли,
Тех зовут, кого совсем не знали.

Так и Вы, журавлик сероглазый,
Друг ли, нет ли - отсеклось всё разом
Незачем терзать себя без цели.
Раньше бы сказать, да не сумели.

Вы боялись собственных седин:
«Радость не для нас. Пусть молодым.
Солнце улыбнется поутру,
Я слезу украдкой сотру».
Там, где степь бежит навстречу морю,
Дай Вам Бог, ни дня не ведать горя.

19 июля 1999

*****

Я б хотела родиться в Одессе,
А потом переехать в Марсель.
Мир земной удивительно тесен!
Он вращается, как карусель.

Возвращаясь «на круги своя»
Миллионами судеб и лет,
Есть ли радость? А, может – нет?
Никому не дает ответ.

Что же скрыто завесой годов!
Не узнать ни тебе ни мне.
Где чье счастье, и где чей кров?
На родной ли? В чужой стороне?

Всем нам нужно не так уж много:
Рядом чье-то родное плечо,
Солнце, ветер, домой дорога,
Чтобы кто-то любил горячо.

Чтоб в звезду твою свято верил,
Вместе плакал и вместе пел.
Чтоб не стал он твоей потерей,
И покинуть тебя не сумел.

2 января 2002

II.

«Сотвори во мне сердце чистое...»

Иоанну Павлу II

Сердце не может смириться
С Вашим уходом с Земли.
С кроткой душой-голубицей
К Господу Вы пришли.

- Кароль, служитель верный,
В мире так много тревог.
- Боже, Творец Милосердный,
Сделал я все, что мог.

Ныне молю, как и прежде,
Каждого пожалей,
Веру, Любовь, и Надежду
В каждое сердце излей!

Мира дай всякому дому,
В семьи пошли Благодать!
Боже, Тебе, Всеблагому,
Все я пришел отдать.

10 апреля 2005г.

Отцу Анджею Мадею.

Тебя ведет Господь, Облат,
С Тобою - Божий Дух.
Ты –чей то сын и чей- то брат,
А мне- надёжный друг.

В тебе живет Любовь Христа
И Девы Пресвятой.
Хранят они тебя всегда,
Они везде с тобой.

Пусть взгляд твоих лучистых глаз
Печаль не замутит.
Служа Христу, живешь для нас,
Как Бог тебе велит.

Поэт, священник, дипломат,
Всем сердцем и душой
Я за тебя молюсь, мой брат,
С наивной простотой.

8 июня 2005 г.

Отцу Войцеху Пеля.

Дай мне, Господи, сон о сыне!
Радость тихую подари,
Когда в небе февральском синем,
Просияет полоска зари.

А ему в этот час приснится
Божьей Матери любящий взгляд.
За тебя мы будем молиться
Наш с Кристиной родной Облат.

Для тебя мы попросим, Войцех,
Света радости и тепла.
Постучатся в твоё оконце
Белых Ангельский два крыла.

В Закопане –гнездо родное,
В Ашхабаде- частица души.
Если любишь, и если помнишь,
Хоть два слова нам напиши!

14 февраля 2005 г.

Отцу Томашу Кошчинскому

Отец Томаш играет на скрипке,
Чуть заметно смычком поводя.
И в задумчиво - тихой улыбке
Что-то есть от грустинки дождя.

Как далеко любимая Польша!
Там закаты- под цвет янтаря.
А с годами все чаще и горше
Снится милая эта земля.

Здесь рассветы похожи на пламень,
Здесь- чужие, сухие, пески.
Только память, сердечная память,
Бережет от объятий тоски.

Путь Облатов Божественно светел,
В нем –молитва и Слово Христа.
Все они- Божьей Матери дети,
Всей душой, навсегда, до конца.

1 августа 2005г.

Гимн Миссионеров Облатов. I

Пречистая Святая наша Матерь,
Я без сомненья в жертву приношу
И душу, и Любовь, и преклоненье,
Всё, что во мне, чем мыслю и дышу.
В Тебе одной и Свет и Непорочность,
Облатства моего венец и прочность.

Мне мысль Благая днём и ночью светит:

Христос и я- Святой Марии дети.

Лишь Ты одна сияешь звёзд превыше
В нетленности небесной высоты.
Сам ангел тьмы в своем наряде царском
Нас не прельстит подобьем красоты.
Обетом Бедности в Твои Святые руки,
Мария, приношу свою Любовь и муки.

Мне мысль Благая днём и ночью светит:

Христос и я- Святой Марии дети.

Вызываю к Милосердию Господню.
В раскаяньи сердечной простоты.
Обетом ЦЕЛОМУДРИЯ и веры.
Со мною вместе молишься и Ты
Предивная, всех любящая Мать,
Позволь Тебя душою воспевать!

Мне мысль Благая днём и ночью светит:

Христос и я – Святой Марии дети.

Ты предана Святому Милосердью!
Единины в нём Отец -Господь и Ты.
Пречистая, прими мою молитву,
Залогом обетованной мечты.
К Твоим ногам слагаю, как регалии,
Всё, что Господь и Дух Святой мне дали.

Мне мысль Благая днём и ночью светит:

Христос и я- Святой Марии дети.

Моя душа Христовой пашней стала.
В ней проросло священное зерно.
Обетом ПОСЛУШАНИЯ и воли
Стократ оно Тебе возвращено.
Я об одном прошу, Святая Дева,
Благослови, даруй мне благодать неба!

Мне мысль Благая днём и ночью светит:

Христос и я –Святой Марии дети.
Не призываю суетно и тщетно.
Я об одном в смирении молю,
Чтоб взор Твой чистый, радостный и светлый,
Ответил на сыновнее «Люблю!»
Облатства своего не опорочу.
Дай СТОЙКОСТИ и днём, и тёмной ночью!
Мне мысль Благая днём и ночью светит:
Христос и я –Святой Марии дети.

Январь 2003

Гимн Миссионеров Облатов II.

Тебе несём своё мы почитанье,
Тебе, Святая наша Госпожа!
Тебе, одной Тебе, пристало званье:
Царица Мира, Чистая Слеза.

Облаты мы, и наш союз навеки.
Обетом братства свято скреплены.
Мы все, мы все- Твои родные дети,
Христовы братья, Божии сыны.

Мне мысль одна звездою яркой светит,
Что Он и я –Твои родные дети.
Я счастлив тем, что призван я Предвечным,
Как Первый, чтоб нести Благою Весть
Всем нищим, бедным, грешным и увечным,
Чтоб души их спасти и уберечь.

Во Славу Божью я оставил близких,
Прими, О Матерь, в круг своей родни!
Пусть взор Твой ясный, радостный и чистый
Меня и братьев бережно хранит.

Мне мысль одна звездою ясной светит,
Что Он и я –Твои родные дети.
В тебе -вся Слава, власть и Милосердьё.
Всё, чем живу, в Тебе заключено.
Всегда с Тобою разум мой и сердце,
Оно Любовью Божией полно..

О, не оставь меня, Святая Матерь!
Прими Обеты и прибавь нам сил.
Я день и ночь коленопреклоненно
Любви Твоей Божественной просил.

Мне мысль одна звездою ясной светит,
Что Он и я- Твои родные дети.

Январь 2003

О.М.І

Не плачь, не плачь, ноктюрн Шопена,
Под небо Польши не зови!
Ведь из печали, как из плена,
Не вырваться моей любви.

Ах, если б только было можно,
Пешком бы он туда пришел,
В тот скромный, милый, придорожный,
Незабываемый костел.

И там не вспомнил бы о боли,
Что сердце рвет напополам.
Далеко Желязова Воля...
Хоть на минутку бы к друзьям!

Вот так и вы, как он, в Париже
И многолюдном, но пустом.
В разлуке голос крови ближе,
Прочнее связь души с Христом.

Храни вас, Пресвятая Дева!
Храни, Податель всяких благ!
Об этом я прошу и верю:
Да будет так, да будет так.

3 декабря 2002г.

Преображение Господне

Чист и тонок Свет Преображенья,
И одежд прозрачна белизна.
Иисус, лишь Ты – моё спасенье,
Ты один - души моей весна.

Шла к Тебе я долго и непросто.
И сейчас порой покоя нет,
Что-то ранит горестно и остро
Мыслью: где искать на все ответ?

Тихо прошепчу я: - Авва, Отче,
Для всех нас Любви не пожалей!
Помоги мне стать добрей и кротче,
Простоты Твоей приняв елей.

6 августа 2005г.

*****

Всем, замученным круговертью
Бесконечных забот и тревог,
Как себе говорю: - Поверьте,
Знаю точно – нас любит Бог.

Наша жизнь, как строка в конверте,
Тяжелы письма потерь.
С каждым вздохом и с каждым шагом
В невозвратное ближе дверь.

Может быть, лишь за ней мне простятся
Все ошибки мои, все грехи.
Может быть, мне не надо бояться,
Милосердной Его руки
Февраль 2003г.

*****

Безысходно горька моя Чаша.
К Сыну Светлому долг мой путь.
Но теперь ничего мне не страшно:
Я Христовой Любовью спасусь.

Припаду к Его добрым ладоням
И заплачу, ни в чём не таясь.
Он поймет, Он простит, Он прогонит
Мыслей тяжких давящую вязь.

До чего же мы все одичали
От безумного бытия!
За всех нас, за все наши печали.
Пусть помолится Матерь Твоя!

Пусть уронит слезу золотую
За меня, за него, за нее...
Всех живых и ушедших приемлет
Материнское сердце Её.

14 октября 2002 г.

*****

Ты не падай с Небес звезда!
Мне загадывать больше нечего.
Не единый миг, а всегда, всегда
Было сердце моё опрометчиво.

Судьбы - встречные поезда.
Разминулись на полпути
Никогда, никогда, никогда
Им друг к другу не подойти.

Мне бы жить никуда не рваться,
Размышлять обо всем не спеша,
Без случайных улыбок и глаз.
Где ты, где ты, родная душа!

Все потери-больные царапины
На усталом сердце моем.
Я так редко так мало плакала.
С Божьей помощью все живем.

25 октября 2002г.

*****

Нет, не смутят души моей печали,
Как не страшили тяжкие труды.
Со мною Ты, Предвечный, изначально
Призрев меня с Небесной высоты.

И ничего другого мне не надо,
Чтоб только Ты, всей силою Любви,
Хранил меня и был моей отрадой
Великим Воплощеньем Красоты.

И простоты, что от Отца и Сына
Явилась мне сквозь долгие года.
Всю жизнь мою Она преобразила
Надеждою и верой навсегда.

12 марта 2003

*****

«Сотвори во мне сердце чистое!»
Ни о чем другом не прошу.
Я молюсь Тебе, Боже, истово,
И светло беспечально грущу.

Ты не вспомнишь грехи мои прежние
Накануне Пасхального дня.
Ты Любовью Своей безбрежную
Навсегда одарил меня.

Дал мне сына, сестер и братьев
Самых лучших, родных во Христе.
Ты открыл мне Возвышенность веры
В лучезарной её простоте.

16 апреля 2003

*****

Жил Пилат, несчастный человек,
Всем чужой и с совестью больной.
Годы шли, земной недолог век,
И прошел он как-то стороной.

Жил и помнил ясные глаза
Иудея, преданного мужа:
«Что Иуда? Тот лишь указал
Ну а я, Пилат? Гораздо хуже!

Чем ты, Понтий, урезонил совесть?
Как-нибудь, мол, разберутся сами.
Но, с тех пор не знаешь ты покоя,
Мучимый чужими голосами.

Вот они кричат: «Распни! Распни!!!»
Ты идешь с Ним Крестною дорогой.
Долго ли? Кого теперь спросить?
Только Одного, конечно, Бога.

Ну, а Бог захочет ли простить
Гибель Сына, слезы Приснодевы?
Только бы забыть! Скорей забыть
Той земли тягучие напевы!»

Февраль и март 2004

*****

«Да будет мне по слову Твоему»
И радость, и печаль и тихая молитва.
Да буду я готова ко всему,
И на Любовь Твою всегда открыта.

Прости мне, Отче, грусть мою и боль,
От глаз чужих прикрытую улыбкой.
Прошу Тебя не дай мне, не позволь
Стать заживо ненужной и забытой.

Не дай мне в храме ощутить тоску,
Что жалит сердце злее сотни змей!
Дай Милосердья, строго не взыскай,
Я - сильная, но все же пожалей!

10 марта 2004г.

*****

Созрей, душа моя, для Бога,
Чтобы Ему, служить сполна!
Суди себя безмерно строго,
Живем в такие времена.

И жаждем не всегда, что свято
«За око – око, зуб - за зуб».
Мы в этом сами виноваты,
Жестоки сердцем, ум наш груб.

Ищу в себе Твое подобье,
Но часто не могу найти
Страдаю от тоски и скорби,
Помилуй, Боже, и прости!

Хочу понять родных и милых,
Друзей не огорчить ничем.
Дай нам, Господь, Духовной силы,
Будь милосерден к нам ко всем.

21марта 2004

*****

Христос за нас прошел Путем Страдания
По «Виа де ла Роза» до конца.
Превыше всех законов мироздания
Величие тернового венца.

Ступая по земле Обетованной,
Молился за других и за себя.
Сын сердцем пел Создателю «Осанну»,
Прощая всех и каждого любя.

Взывал с Креста: «Помилуй, Авва Отче!
Воистину, не знают, что творят.
Бросают жребий...» День – чернее ночи.
Как злы и грубы окрики солдат!

Мария молча заломила руки.
В бесслезной муке сердце запеклось:
-О, Боже мой, не вынесу разлуки!
Мой Первенец! Сбылось... Сбылось... Сбылось.

Идешь к Творцу, к Божественной природе
Восходишь Человеком во плоти,
Чтобы людские радости и беды
К Его престолу бережно нести.

2 сентября 2005г.

*****

Чудо то, что я живу донине,
Голову пред Господом склоня,
Я в житейских бурях, как в пустыне,
Вижу Свет Пречистого Огня.

Свет Любви и Веры беспредельной
Мне сияет с горней высоты.
По молитвам Матери и Девы
Иисус, со мною рядом Ты.

28 сентября 2005

*****

Звездой рассветной Ты взошла над миром,
Даруя Сына людям во спасенье.
Ты любишь нас усталых, грешных, сирых,
В своей любви не ведая сомненья.

Пречистая, молитвой неустанной
Нас к Иисусу, к Агницу приведи!
Услышав голос ласковый, желанный,
Он всех поймет и все грехи простит.

Едины Сердце Матери и Сына,
А в них – песчинка сердца моего.
В единстве этом обретаю силы,
И больше мне не надо ничего.

26-29 декабря 2005г.

Анджей Мадей

Стихотворения.
(Авторизованный перевод с польского Т. Абраменко)

I.

Огонь любви и веры.

Монах

Человек в монашеской сутане
Переходит улицу неспешно.
Для кого-то он, возможно, странен,
Кто-то сдержит колкую насмешку.

Он поймет. И мыслью не осудит
Никого из встреченных прохожих.
Потому что милосердно любит,
Потому что он –служитель Божий,

Вера в нем возвышенно тверда.
С нею шли в концлагерь и на плахи.
Господом хранимы города,
Где живут пророки и монахи.

Разорванное небо

Крик взметнулся с земли:
-Боже мой! Боже мой!

От Его нестерпимой боли,
Звезды вздрогнули: - Боже мой!
-Боже мой!

Пребывая из века в век,
Подчиняюсь Отцовой Воле.

По сей день, у Небес, на заре,
Левый бок во все дни кровоточит.
Сам Спаситель тебе и мне
Даровать утешение хочет.

Кто?

Кто поверил, тот и выжил.
Выжил, кто не убежал.
Кто свои грехи и раны
От Тебя не укрывал.

Иконы

Иконы рисуются Светом ,
Ниспосланным Богом на землю.
Их ликов великую тайну
Всем сердцем своим я приемлю.

Темны и тонки у них веки,
Но как лучезарен зрачок!
Как живо лицо, как открыто!
И в нем, и во мне живет Бог.

Тихонько свеча угасает
Истаяв в горячей руке.
Идут по домам, забывая
О грусти своей и тоске.

Не знать бы про злобные вихри,
Что души терзают порой!
Пусть Пламя Молитвы Пречистой
К себе принесут домой.

Елиазаровский Избавитель.

Почему Христос не улыбается?
Почему Его печален взгляд?
Что хотел сказать Елиазарий
Ровно шесть веков тому назад?

Светозарна аура Господня,
Сквозь неё чернеет тень Христа.
Смотрит Он сурово и серьезно
Многим поколениям в глаза.

Вот Его Божественная Книга,
В ней сияют наши имена.
Жизнь и смерть, тревоги и обиды,
Истина для всех, на всех одна.

Не могу унять души смятенья.
Боже, Отче, научи как жить!
Дай мне сил, избави от сомненья,
Чтобы мог я, как Христос, любить.

Андрей Рублев.

Перед постом усердно помолясь,
И в тишине открыв пред Богом душу
Андрей Рублев был праведен и свят,
Ничем обетов схимы не нарушив.

В глазах нет тьмы , и ни единой тени
На светлом и возвышенном челе.
Художник знал и верил без сомнений:
Христос был Человеком на земле.

Ну вот и все. Закончена работа.
Пред Богом –свят, а для себя- суров,
Творил и жил монах и живописец
Господний Раб Андрей...Андрей Рублев.

Тесные Ворота в Царстве.

Я в церковь вхожу не спеша,
Стараюсь не ранить увечных.
Прощения просит душа
У нищих забытых беспечно.

Уж церковь полна прихожан,
Вот кто-то стоит у порога.
Молюсь за него и за всех,
Молюсь перед Господом Богом.

Узка в Его Царство тропа.
Тесны для неправых Ворота.
Там Ангелов песня слышна,
И грешник бормочет чего-то.

Царские Врата.

В церкви, словно на торжище, давка.
Боже, грешных людей прости!
Все спешат, как в меняльных лавках,
И не знают к Тебе пути.

У икон сотворяя знамения,
Вряд ли помнят о святости их.
В суетном и ненужном томлении
Лиц не видят своих и чужих.

Но распахнуты Царские Двери
Для того, кто не в силах ходить,
Но всем сердцем надеется, верит,
Всей душою умеет любить.

Крест из Майнца.

Нет, варварство себя не изжило!
Не назовешь его никак иначе .
Я видел это. Сердцу тяжело,
Оно болит, оно бесслезно плачет.

Не знаю кто, какие злые руки
Терзали землю, вырывая крест,
Топили в Рейне, чтоб о Нем забыли,
Не слыша Глас, глаголющий с Небес.

Уж скоро утро. До восхода Солнца
Рыбак увидел и позвал друзей.
Течение баюкало не рыбу.
Достали крест из вымокших сетей.

Спасенный крест лежал в рыбачьей лодке,
Он плыл в костёл от Солнца золотой.
Сиял, светил Звездю Вифлеемской,
Той самой, незакатной и святой.

Лагевники

Ах, Лагевники, как вы красивы!
Лучше места не отыскать.
Здесь монахиня Фаустина
Всё сумела людям отдать.

Милосердье, любовь и силу,
Те, что ей заповедал Христос.
На том месте, святом и милом,
Несгорающий куст возрос.

Семь горящих ветвей- как сестры.
Хочешь верь мне, а хочешь –нет:
Не сжигая ног наших босых
Нам несут негасимый свет.

Так умей даровать милосердье
Ради мук и терпенья Христа,
И Святого Его Воскресенья,
Будь же прост, как Его простота.

У Бенедектинок в Кшешове.

I.

В Кшешове январские снега
Драгоценной россыпью сверкают.
Я иду один через поля,
Заячьи следы по ним читаю.

II.

Вижу ель. В тени её нечёткой
Различаю робкой серны бег.
Все в природе благостно и кротко:
Небо, звезды, зверь и человек.

III.

Множество часовенок в округе,
Словно маргариток по весне .
Два креста. Один – в широком поле,
А второй –под крышей на стене.

IV.

За изящной кованной оградкой -
Богоматерь в стиле рококо.
Как легки Её покрыва складки
Под прекрасной тонкою рукой!

V.

Над костёлом гордо-величавым
Золотые Ангелы парят,
К Небу вознося сердца святые,
Песнь Ему хвалебную творят.

VI.

На вечерне им монашки вторят.
Чист, высок григорианский тон.
Столько в нем и радости и горя!
Он с Небес на землю принесен.

VII

На мосту стоит и ясно слышит,
Слушает хором Господних звук
Рыбалов, про удочку забывший,
Иоанн Святитель, Непомук.

Полночь в Мальмё

Опять я принесу с дороги дальней,
Домой вернувшись снова налегке,
Совсем немного инея на шарфе,
Мелодию, что слышал вдалеке.

А пыль дорог... Она мне так знакома!
Мня томит желание одно:
Ведь скоро вновь от отчего порога
Мне в дальний путь надолго суждено.

Миссионеры.

Сегодня мы прощаемся с друзьями.
Побудем вместе несколько часов,
Потом дороги лягут между нами,
Останется лишь эхо добрых слов.

Нам путь осветит первый лучик Солнца.
В руке моей- потертый чемодан.
Должно быть, мы на долго расстанемся...
Нас разделяет много, много стран.

Облатов Бог призвал в миссионеры,
Нам даровал служенья благодать.
Но первыми огонь любви и веры
Зажгли во мне мои отец и мать.

II.

Картины памяти моей.

Картинки из детства.

I.

Не могу и не хочу забыть
Аистов на нашей старой риге,
Чью-то песню, чей-то поцелуй,
И глаза... Я так давно их видел!

II.

Или вот: сквозь огненный туман,
Лик мелькнул прекрасный и нездешний,
Обрамленный золотом хлебов,
Серебром росы омытый вешним.

III.

А зимой так радостно искрится
Белый снег укывший наше поле.
Псы спугнули зайца. Заяц мчится,
Дорожа своей недолгой волей.

IV.

Подзывал к себе я голубей
И кормил их прямо из ладони.
Старый снимок , сердце мне согрей,
Обо мне и о родных напомни!

V.

Вот он я, в коротеньких штанишках.
Бабушка в нарядной черной юбке.
Слышу голос: «Анджей ! Шалунишка!»
Помню эти ласковые руки.

Прежде.

Сестре Барбаре.

В детстве счастье было, как ракушка,
Перламутром радуги светилось.
Бася, ты как в детстве, улыбнулась,
Значит, помнишь, значит, не забылось.

Пляж пустой, затихший перед бурей...
-Все минует, скоро шторм пройдет.
Радуга над морем и землю
Нам, сестренка, счастье принесет.

Полыхал закат солено- горький ,
Стало счастье радостней ещё.
Мы с тобой в мышинной тесной норке
Спрятали сокровище своё.

Старые фотографии.

По берегу моря идем
На старом, чуть выцветшем фото.
Там волны, ласкаясь к земле,
Свою совершают работу.

То близко совсем, то вдали,
Песнь моря на миг затихает.
Соленые брызги слепят,
Ненадолго взгляд застилают.

Ни звука, ни слова вокруг.
Покой наши души объемлет.
Я море всем сердцем люблю,
Но славлю прекрасную землю.

*****

Чаяк крик беспокоен и горек.
На песке, у морской волны,
Мы помолимся, не нарушив
Предрассветной сырой тишины.

Море кашляет и вздыхает.
Вдруг да выплюнет черный прут,
Вот зевая, глаза протирает:
Скоро люди на берег придут.

Волны глядят следы девичьи.
Как красиво она идет!
Собирает ракушки в платье,
И о чем-то негромко поет.

Солнце бросило луч золотистый.
Море молится вместе со мной,
Чью-то юность безоблачно чистую
Обнимая зеленой волной.

На Волыни.

От деревни Окопы осталось
Только кладбище укрытое в
тени деревьев.
(Надпись под фотографией).

I

Нет в живых никого. Ни единого.
О любви там не скажет никто.
Только небо - высокое, синее,
Да вдали зеленеет плато.

II.

Из сеней не выходят хозяйки,
И крапивой сады заросли.
Жутко. Тихо. Собаки не лают.
А когда-то цветы цвели.

III.

Облака, плывя над околицей,
Иногда заплачут дождем.
Все колодцы давно засыпаны
Пеплом времени и песком.

IV.

Подниму я кольцо заржавелое
С сиротливой этой земли.
Вспомню всех, кто с надеждой и верою,
С чистым сердцем по ней прошли.

V.

Жили просто: солили огурчики,
Свадьбы правили, скот пасли.
А теперь из-под плуга сыплется
Серый пепел вместо земли.

VI.

Ветер воет с тоскливой скорбью
Над овином, над бывшим жильём.
И в груди наполняется болью
Беспокойное сердце моё.

VII.

Отыскать бы хоть чей –то след!
Ничего невозможно заметить.
Даже фото хорошего нет.
Говорят, жив последний свидетель.

Вечная память

«А ваши кости оживут
как весенняя трава.»

Исаия.

Здесь не прочтешь фамилий и имен.
Всех породнили горестные даты:
Тридцать седьмой –и пятьдесят восьмой,
Кровавых лет безбожные солдаты.

Вы со своим народом воевали.
В лесу, под Киевом, все кости заодно.
Они лежат и ничего не просят,
Да только нам, живым не все равно.

Тут нет цветов невинно убиенным,
Но люди помнят эти имена.
Иду один. О памяти нетленной
Мне тихо шепчут травы и сосна.

Всем сердцем помолясь, затеплю свечку.
А Кто-то звезды им зажжёт в ночи.
Прими их, Боже, всех! Да будет память вечной!
Пусть наша совесть больше не молчит.

Памяти Александра Меня.

Иконы померкли от горя,
Иконостас ослеп,
Звон колокольный глохнет.
Боже, как мир нелеп!

Церковка в Новой деревне
Плачет печальной вдовой.
Голуби грустно кружатся
Над опустевшей тропой.

Стынет в кадилнице пепел.
Здесь –твой последний приют.
Пусть облака над тобою
Божьей слезою падут.

В Светлый Праздник.

Здесь базар просыпается рано.
Он собой доволен вполне:
Всё пристойно. Ах, ящик? Ящик?!
Ящик мусорный- в стороне.

Как всегда, в нём копаются нищие.
Их обходят, как- будто чуму.
Но сегодня я там увидел
И запомнил старушку одну.

Подошла. Вдруг услышал я фразу:
-Нынче Праздник. Родился Христос.
На ресницах блестели алмазы
Просветленных и радостных слез.

В Ашхабаде, на «Русском» базаре,
Тихим шепотом о Христе!
Поклонился её страданью
И безмерной её доброте.

На «Русском» базаре.

На узком прилавке базара
Сушенный шиповник лежал.
-Мне нужно четыре стакана, -
Я тихо туркменке сказал.

Цветастое длинное платье,
И черных очей глубина.
Добавила щедро: - На счастье!
И мне улыбнулась она.

Казалось бы, что тут такого
Две горсти чужой доброты,
Улыбка, приветное слово,
Средь рыночной той суеты.

От дома вдали, в Ашхабаде,
Подумав: «Как милостив Бог!»
Я снова всем сердцем прославил
Все встречи далеких дорог.

«...Мерой доброю, утрясенной...»
Пусть стократно воздастся вам,
«...Нагнетенной и переполненной...»
Всем любимым и всем друзьям.

Меню

I

Отдадим же должное застолю
За дары земли, лесов и моря.
Но, прежде, чем поесть, повременю:
А ну-ка, что указано в меню?

II

В желе прозрачном заливной тунец-
Искусства кулинарного венец!
Деликатес-боровичок с ракушкой
Похожий на изящнейшее ушко.

III

Барашек сочный, он такой хороший,
С гарниром из зеленого горошка!
Тут руки как-то потянулись сами:
Филе говяжье лучше с овощами.

IV

К десерту –винограда славный сорт
И яблочный, воздушный чудо=торт.
Вот, заискрилось рубином вино
Санта- София - Бордалино.

V

Двадцатый век, год –девяносто первый.
Напитка тонкий вкус немного терпкий.
За все, что со стола сейчас беру,
Тебя, Тебя, Господь, благодарю!

Проза.

Анджей Мадей

Размышления

Диалог.

Редко удается побыть одному...

В такие минуты, всем своим существом обращаюсь к Богу. Говорю Ему:

- Непослушен я. А Он отвечает: - Люблю тебя. – Живу, Господи, иллюзиями. В облаках витаю. –Мечтай. Я тебя люблю- Нет у меня терпения. Эгоист я.

– Терпи, потому что Я люблю тебя. Возлюби и ты ближнего своего, как самого себя.

Секрет красоты.

Художница из Кракова застенчива и молчалива. Ей не нужны слова. У неё есть холсты и краски. В выставочном зале, на берегу Каспийского моря, ясно слышится не громкий шепот зеленных волн. Кто-то говорит: - На твоих картинах мы более красивы, чем в жизни. Она с улыбкой отвечает: - Секрет прост: - Когда человек любит и любим, он – прекрасен.

Восхищение.

Около храма в Италии увидел группу молодежи из Казахстана. Они вошли в церковь, вошел и я.. Одна из девочек, не в силах сдержать восхищения, воскликнула: - Такое чудо мог построить только тот, кто верит в Бога.

Цена.

Один человек, искушаемый дьяволом, решил испытать себя грехом – украсть карандаш из супермаркета принадлежащего миллионеру. Какие мысли и чувства одолевали его, когда входя в супермаркет, он не мог нарушить седьмую Божию заповедь: «Не укради»? Однако, лукавый не оставлял человека в покое. Наконец, измученный, доведенный до нервного срыва, он украл заветный карандаш. Достиг желаемого. Но, вместо ожидаемой радости, вдруг ощутил жгучий стыд, ненависть и презрение к самому себе. Страдание, какого он, никогда ранее, не испытывал.

Победа любви

Трудно человеку говорить о себе плохое. Мужчина из Яроцина рассказал: - В молодости я был настоящим пьяницей. Приду домой, иной раз «пьянее вина», а сестра встречает словами: «Бог тебя любит». Невмоготу мне стало: приду, снова услышу те же слова: «Бог тебя любит». Это меня -то ?! Лучше бы уж кричала, проклинала ... Нет, каждый раз кротко и тихо: «Бог тебя любит». И надо же такому случиться ! Налил однажды полный бокал, сижу, смотрю на него. И вдруг ясно увидел любящее, расстроенное лицо сестры. С тех пор не выпил ни грамма спиртного. Любовь сестры, её вера в меня, победили мою пагубную страсть.

Охота в снегах.

Канадские эскимосы называют себя «детьми вечных снегов». У них существует своеобразный метод охоты на волков. Охотники, чтобы подманить хищника, смазывают кровью острие вставленного в лёд ножа. Слизывая ее, волк ранит язык и, с первой минуты пьет собственную кровь. До последней капли пока не рухнет мертвым.

Горькие конфеты.

« Претерпевший же до конца
спасется.»

Мф. 24,13.

Постились весь день, до самой полночи. Пробили часы. Кто-то взял коробку конфет и начал нас угощать. Господи, никогда не пробовал ничего горше этих конфет.

Иоанн Зезя.

Сердце этого человека было великим, как целый мир. Всю свою жизнь он защищал святость жизни – величайшего Божьего дара. Его завещание всем нам очень кратко: не убивай никого. Никогда.

Даром дано вам.

Встретились у друга, с которым не виделись много лет. Разговаривали, пили чай. Друг зачем-то вышел на минутку. Вижу, лежит на полке пачка бумаги. Подумал: «Возьму немного. Буду в поездках вести записи, делать заметки на память». Взял, не решившись сказать об этом другу. Провожая меня, он по - братски спросил: - Не нужно ли тебе чего-нибудь ? И дал мне стопку бумаги: - Вот, возьми, - улыбнулся, - знаю, что любишь писать.

Вера.

Покупая молоко на Текинском базаре в Ашхабаде, мужчина недоверчиво поинтересовался: - Воды в молоко не долила? Женщина с достоинством ответила, вопросом на вопрос: - Ты думаешь, что я некогда не умру?

Доброта ли?

Зазвонил телефон. С минуту поговорили о здоровье и о погоде. Обычный, ничего не значащий разговор, неожиданно натолкнул на размышления. О чем? О том, что, добро, совершаемое человеком, не всегда бывает чистым. По – настоящему добрым, хотя иногда таким кажется. Как часто наши дела похожи на яблоки, румяные и прекрасные на вид, но червивые внутри.

Жажда прозрения.

Студент комментирует Евангелие. Говорит об исцелении слепого, имея в виду самого себя. – Во время Крещения, Иисус открыл мне глаза. И все равно, я часто слеп. Единственного прозрения не достаточно, поскольку ежедневно, шелуха житейской суеты затмевает наш взгляд. Прозревая духовно, мы снимаем её с глаз слой за слоем. Этот процесс бесконечен для жаждущих ходить в Свете Христа.

Свидетельство.

Брат Роже из Тэзэ в свои, без малого девяносто лет, высказал мысль, показавшуюся парадоксальной: только теперь, пробыв монахом шестьдесят лет, он начал читать Евангелие по слогам.

Он хотел сказать, о том, как прекрасно Евангелие, несущее в себе сокровенные тайны. И как богаты, как удивительны глубинным постижением величия Бога эти тайны.

Комментарий к трем словам.

«Не получилось».

Как часто мы говорим это, когда следует сказать: «Извините!».

«Нормально».

Очень сложно понять значение этого пустого по смыслу слова.

«Случайно».

Ничего случайного не бывает. Все взаимосвязано и вытекает одно из другого, подчиняясь Воле Творца.

Ботинки.

Почему я задумался о смерти? Точнее, о своей смерти, увидев среди нескольких пар своих ботинок одну, сшитую особенно добротнo. Эти ботинки прослужили мне несколько зим. Но подошвы не стерлись, ни одной дырочки! Невольно подумал: « У этих ботинок есть шанс пережить меня».

Прошу крестик.

Человек просит крест, и я радуюсь его отваге: отныне он будет носить на груди Распятую Любовь, возрастать в учении Креста. А это значит, терпеливо принимать унижения и побеждать зло добром. Занимать последнее место и любить врагов. А главное – прощать бесконечно . Только так можно идти по трудному, но счастливому пути блаженств.

Сущность святости.

Человечными хотят быть все. Но мало кто хочет быть святым. Люди не знают того, что хотят быть святыми. Люди не знают того, что в полноте святости заключается полнота человечности.

Тайна греха.

Многие годы размышлял о тайне греха. Что есть грех? Греховно само стремление человека обрести счастье, любовь, смысл жизни и даже Бога, не слушая Самого Творца, вне Его Любви.

О плаче.

Самые чистые слезы покаяния в Духе Святом проливали святые. Но есть и другие слезы. Горькие слезы обыкновенных людей, которыми мы оплакиваем себя, сожалея о приближении собственной старости, о жизни, прожитой на бездорожье . Это слезы старого сотворения.

В поиске.

Счастлив тот, кто найдет жемчужину смысла жизни, за которую без сожаления отдаст саму жизнь.

Секрет счастья.

Люди сотворены Создателем из Его Любви и для любви. Но грех убил в нас способность любить. По-настоящему живет только тот, кто принимает Любовь и кто любит. Секрет счастья в том, чтобы жить бескорыстно, отдавая себя в дар Богу и людям.

Не просто принять.

Человек по доброй воле пришел в церковь. Предложил свою помощь, хотел что-то сделать. А мы ответили: - Приходи, смотри и слушай. Он больше не пришел. В чем была наша ошибка? Может быть, человек оказался из тех, кому проще что-то отдать, а принять – гораздо сложнее.

Диагноз.

Встретил в коридоре монастыря отца Кароля, монаха –бenedиктинца. Мы оба куда-то торопились. Я спросил его: - Как дела? Он на минутку задумался и ответил: - Многие дети изранены с детства не имеют Отца, не знают Его иконы. Вот в чем глубокий корень кризиса современной культуры.

Пути свободы.

Помню, в детстве, выводил лошадей на сочный зеленый луг, и крепкой веревкой связывал им передние ноги. Тогда я, конечно, не мог осознавать, что есть в этом некий таинственный смысл. Понял это, читая святого Августина, когда задержал взгляд на простых словах: «...только в путях Божией Любви мы свободны».

Кто есть человек?

Мать Тереза из Калькутты ответила на этот вопрос коротко и ясно: - Я-карандаш в руке Бога.

Выбираю.

Мир предлагает лукаво: -Выбирай между злом и добром. Бог говорит: - Выбери добро «...ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих.»

Втор. 30, 20.

Прежде и теперь.

Много лет я просил Господа: - Отче, выслушай меня ! А сейчас прошу: -Дай мне услышать Тебя! Произошла смена духовных акцентов.

Виноградник.

Стоим с отцом Рене в винограднике, вдыхая аромат пронизанных солнечным светом ягод. Гроздья, переполненные солнечным теплом, клонятся к земле. Отец Рене любуется красотой виноградника, возделанного людьми. Повернулся ко мне, задумчиво спросил: - Почему виноградник является символом Церкви ? Помолчав минуту, сам ответил на свой вопрос: - Господь ожидает обилия и вкуса плодов, которые принесут Ему радость.

Драма сухого зерна.

Размышляю об Истине Христианства. Она в том, чтобы жить Святым Крещением и, пребывая в благодати Божией приносить плоды новой жизни.

Многие приняли этот дар. Но больно, когда зерно Крещения высыхает, не принеся плода.

Дар смирения.

Учение одного святого: осознать свой грех, думать о нем. И открыто, громко молить о спасении. Это гораздо важнее, чем воскрешать из мертвых.

Как бьется моё сердце?

(Сакральная диагностика)

В Азии некоторые врачи не спрашивают пациентов *что* у них болит. Просто берут их руки в свои и, по ритму пульса, слышат как бьется чье-то, например, мое сердце.

Попытка оправдаться.

Часто люди оправдываются: нет времени на молитву. В ответ можно сказать только одно: ты не молишься потому, что в тебе нет веры.

Будьте солью.

Говоря Апостолам: « вы соль земли», Христос не волновался, что соли мало. Он беспокоился о её качестве: «... если же соль потеряет силу, то чем сделать её соленую ?»

Мтф: 5, 18

«Да будут все едино».

Ин.: 17, 25.

Все живем на одной земле, и небо над нами одно. Одна Любовь призывает всех, к одной цели ведут нас наши пути. Если мы ищем Царствия Божьего, наши

сердца открыты для всех. Вот почему уже здесь, на земле, мы в любом доме чувствуем себя как в родном.

Не излеченная память.

Каждый раз, закрывая дверь, ощущаю чье-то присутствие за спиной. Так дает знать о себе жажда общения со всеми людьми, жажда Вселенского сопричастия. А может, это - зов памяти, израненной расторжением связи с Богом? След первородного греха, не стершийся до конца.

Эпилог. Христос воскрес.

«Встань спящий и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос.»

Еф.: 5, 14.

Воскресший царствует. Многократно возрастает зерно Воскресения, направляя историю человечества к победе Любви.

Татьяна Абраменко

Мое сердце открыто Тебе.

**«... Возьми крест свой и следуй за Мною...»
(Лк. , 9. 23 // Библия, 4-е изд., Изд-во «Жизнь с Богом .» Брюссель, 1989, с. 1592**

Пролог.

«Я у дверей твоих стою...» - Эти слова, обращенные к каждому из нас с любовью, произносит Иисус Христос. И я, испытав тяжесть сомнений, колебаний и даже бунтов против Тебя, сегодня искренне, с чистым сердцем, могу ответить: - Авва Отче , это я стою у Твоих дверей. Я еще не приняла Таинство Крещения, но я жду этого дня как самого светлого праздника.

Если бы не Ординарий Церкви «Преображения Господня» в Ашхабаде, отец Анджей Мадей, я не осмелилась бы взять на себя столь высокую ответственность за каждое слов написанное моей рукой.

Боже мой, как счастлив тот, кто верует в Тебя с детства, знает что он - Твое подобие! А моя жизнь, как и жизнь, почти всех моих ровесников, текла совсем по иному руслу, далекому от Источника Истины. Воспитанные на лобовой до примитивности атеистической пропаганде, мы были убеждены: все в нашей жизни зависит только от нас самих и больше ни от кого. Понимаю, насколько это страшно звучит: бунт против Самого Бога. Но с полной ясностью осознаю я это... только уверовав в Него всем сердцем, душой, разумом. А в детстве и отрочестве... У меня – один из врожденных детских параличей. Болезнь необратимая, прогрессирующая. Кроме того, все детские заболевания буквально «липли» ко мне из-за общей ослабленности организма. Трудно, очень трудно жилось и живется со мной моей матери. Отец умер, когда мне исполнилось немногим больше трех лет: сказались тяжелые фронтовые ранения. Мама – человек сильный, с волевым характером. От родителей передалось это и мне. Сопrotивляясь болезням и жизненным трудностям, уже будучи подростком, я дерзко вопрошала Бога: - Господи, почему нам так трудно жить?! Неужели Ты ничего не видишь? А Ты видел все. Благодаря Твоему присутствию в моей жизни и благодаря Твоей Отцовской Любви, я живу до сих пор; несмотря на многочисленные медицинские прогнозы, смысл которых сводился к краткому: «Не выживет». Ты дал мне прекрасных друзей в школьные и студенческие годы. У нас были прекрасные учителя, и лечили меня замечательные врачи.

Мне так хочется, Боже, чтобы моё свидетельство о Тебе стало скромным ответом на Твою безграничную Любовь ко мне. И еще... мне бы очень хотелось, чтобы все, о чем я расскажу, избавило хотя бы несколько человек от тягостного, гнетущего и унижающего человеческого достоинство безверия. Чтобы каждый про себя знал: я любим Богом. Что только Его Любовь и наш ответ на неё делают человека сильным духовно, счастливым, несмотря на все трудности земного бытия.

Мне выпало много испытаний, случалось всякое. Но с Божьей помощью - еще не осознанной мной – я многократно убеждалась: в жизни больше доброты и сердечности, чем черствости и злобы. Больше благородства, чем эгоизма, потому что все мы – Твои дети. Поняла я это, по- настоящему, около трех лет назад, когда вошли в мою жизнь Облаты Марии Непорочной, священники Католической церкви Преображения Господня в Ашхабаде.

Дневников я никогда не вела: во-первых, считала, что нет моей жизни ничего интересного. Во-вторых, моя личная жизнь не касается никого, кроме меня и моих близких. Не хотелось, чтобы мои чувства и мысли, рано или поздно стали достоянием чужих, праздно любопытных глаз. Поэтому мое свидетельство о Боге, ближе не к скрупулезно датированным дневниковым записям, а к размышлениям и воспоминаниям. К счастью, Господь одарил меня прекрасной памятью!

Помню события, лица, голоса. Весна 2002 года стала началом моей жизни с Богом. Благодаря ежедневному молитвенному общению с Ним, через Иисуса Христа и Деву Марию, я могу просить счастья и радости для всех, кто мне дорог. Молюсь за тех, кто когда-то причинил мне боль, которая очень долго казалась мне нестерпимой. Не знаю, кому как, но мне первое время очень трудно было преодолеть себя, чтобы молиться за своих обидчиков. С Божьей помощью, научилась искренне молиться за них, потому что им тоже часто жилось очень нелегко. Надеюсь, кто-нибудь молится за нас с мамой.

Благодарю отца Анджея Мадея за благословение на этот ответственный и радостный труд.

Глава первая.

1.

Настало время разобраться в причинах моей жизни без Бога. Выводы из подобного анализа не утешительны. Как и все советские люди, я – продукт бездуховной социально – политической системы. И это не вина, а беда трех поколений моих современников. Тем более, мои родители стали коммунистами задолго до моего рождения. Насколько я теперь понимаю, только бабушка была человеком, почитавшим Бога с простодушной искренностью. Молилась, должно быть, когда нас не было дома. Мама постоянно работала и выполняла многочисленные партийные поручения, отказаться от которых было практически невозможно. А у меня в школе были свои дела, сначала пионерские, а потом - комсомольские.

Ходить не могла до четырех лет. Но никому и в голову не приходило, обратиться к врачам. Считали: вырасту, окрепну, и все наладится. На пятом году жизни, мама привезла меня в Ашхабад на медицинскую консультацию. Осмотрев меня, маленький худенький, старичок сказал ей: - Говорите, корью переболела? Осложнение. Годам к семнадцати пройдет. Это я узнала уже, став подростком. К сожалению, академик Борис Леонидович Смирнов ошибся. Этот, неверно поставленный диагноз, сыграл горестную роль во всей моей жизни.

Операцию нужно было сделать не на семнадцатом году, а гораздо раньше. Желательно до четырех лет, пока я не умела ходить. Пишу это не в упрек врачу. А для того, чтобы родители и родственники повнимательнее приглядывались к детям. Очень важно с самого рождения заметить, как ребенок ходит, видит, слышит и говорит. Нельзя упускать время, надеясь на «авось».

* * *

...Наконец-то пришло долгожданное письмо из Ташкента! Три–четыре строчки суховатого, официального текста, словно окрылили меня.

Появилась надежда: там помогут, исправят мою походку. И тогда никто не будет оглядываться на меня на улице или передразнивать. Перестану падать, разбивая до крови колени и локти, сдерживать слезы боли и невероятного, унижительного стыда за свою неуклюжесть. А еще обязательно научусь танцевать !

До чего же унижительна жалость, лишь слегка прикрытая видимостью сочувствия и сострадания! Видимо потому, что крепко засел в моей голове лозунг, придуманный Максимом Горьким: «Жалость унижает человека». С раннего детства у меня несколько завышенное чувство собственного достоинства. Защищая его, я нередко доходила до откровенной дерзости, при которой уже не думаешь ни о возрасте другого человека, ни о его положении в обществе.

О Боге впервые услышала лет в пять. Снова упала во дворе. Ушиблась не очень сильно. Одна из соседок подбежала меня поднять, а другая, пожилая бросила: - Бог наказал! Пришла домой, села на детский стульчик и заплакала молча, без единого звука, как плачут взрослые. Бабушка не видела, что я упала, но, подойдя ко мне, сразу спросила: - Очень больно?- Нет! – А

почему тогда плачешь? - Бог меня наказал!!! Бабушка сразу села на пол, как - будто ноги у неё подкосились. Наши лица оказались на одном уровне.

- Никогда, слышишь, никогда больше так не говори! Бог Тебя любит. Если бы не Он, тебя бы давно на свете не было. Сколько уж раз болела, а всегда выздоравливаешь. Бог так хочет. - Аня лечит, уколы делает, - возражаю я.

-Правильно. Но Ане то- кто помогает? Бог. – А где Он? - Везде. Слушает нас с тобой . Вырастешь, поймешь.

Бабушка тяжелоатом поднимается с пола, подходит к этажерке с книгами и показывает мне две картинки на дощечках. Таких картинок я раньше не видела. На одной – красивая молодая женщина с мальчиком на руках. Малыш тоже очень хорошенький, похож на неё. – Вот, гляди внимательно. Это- Божья Матерь, а это – Он Иисус Христос. Женщина с картинки смотрит на меня также ласково и печально, как на своего маленького Сына. Взгляд Её действует на меня успокаивающе: перестаю шмыгать носом, вслушиваясь в негромкие бабушкины слова о Боге, который любит и жалеет всех людей. Особенно детей. - А это кто ? –спрашиваю про Человека с книгой в руках. –Бабушка отвечает: - Иисус. Но тут Он уже большой... Бог- Сын ... Спаситель. Ничего не понимаю! Мне очень нравится молодое, красивое, ясноглазое лицо, освященное прозрачно – золотистым светом. Бабушка мягко спрашивает :- Разве Он может наказать ? - Нет, - вздыхаю я с облегчением. – Не может. Добрый. Красивый.

Вот так, на чисто эмоциональном уровне, произошла моя первая встреча с Иисусом Христом и Девой Марией, в которых я наивно, по – детски увидела воплощение Божественной Красоты и Доброты.

* * *

Годы спустя, я поняла, как мудра была моя бабушка. Потому что сумела найти самые простые, доходчивые слова, чтобы рассказать мне, обиженному, строптивому ребенку о Божьей Любви. Ведь если бы не желание Бога помочь мне избавиться от врожденной болезни, не держала бы я тогда в руках этого письма из Ташкента! Не вспомнила бы сейчас того, давнего разговора с бабушкой. Ждем маму на обеденный перерыв. Она прочитает письмо, а потом я возьму его в школу, покажу одноклассникам.

Начало октября 1961 года. В школу идем не спеша. Я молчу, Инна Иванова рассуждает вслух: - Ну, пропустишь дней десять.... Подумаешь! Класс- то ведь не выпускной. Такого же мнения наш классный руководитель, преподаватель физики Искандер Хайдарович Ирани: - Надо ехать. Классный шутник Юра Свинцов такое решение одобряет: – Езжай, подруга! Не пропадешь! Ташкент- город хлебный! Юркина реплика вызывает дружный смех.

Раз так, надо собираться в дорогу. Интересно, что скажут там? Тревожно все-таки на душе. Вечером из школы торопиться некуда. Можно идти прогулочным шагом. Вот и Православная церковь без креста и купола, обезглавленная в начале 30-х годов. Видны только остатки мозаики на наружной стене. Ни за что не догадаешься, чей это лик. Почему я тогда так внимательно смотрела на это здание? Нет, не молилась, просто смотрела. И где-то, в самой глубине сердца, крепла смутная надежда. На что? Сама не знала. Подруга, ушедшая немного вперед, зовет: – Чего стоишь? – Так... Инка возвращается и тоже смотрит на то, что уцелело от храма. –Ладно, пошли. Жалко, конечно.... Говорят, красивая церковь была. Еще бы! Домовая, то есть семейная церковь царской семьи, поскольку наш курортный городок Байрам-Али был Закаспийским имением Романовых, правящих Российской империей более 300 лет.

При Советской власти во дворце располагался знаменитый почечный санаторий. А в церкви....В церкви чего только не было – от дворца пионеров до склада, где хранилась продукция местного масложирокомбината. Все эти нововведения моя бабушка коротко и ясно называла дурью. Впрочем, наше с мамой увлечение общественными делами, она определяла точно также.

Зато накануне каждой Пасхи, пекла не меньше десятка куличей разной величины, и мы красили множество яиц. Жили мы в самом центре, на главной улице города. Подруг и знакомых у мамы, у её сестер, и у меня тоже было много. Значит, каждого полагалось встретить, приветить, угостить, похристосоваться и подарить куличик.

Ёлку всегда наряжали за неделю до Нового года. К двадцать пятому декабря, она уже радовала глаз своим стеклянно – мишурным великолепием. Повзрослев, я сообразила: так делали в память о моей польской родне – моем отце и его родителях. Ведь бабушка и четыре её дочери были русскими православными, но всегда с огромным уважением вспоминали их. Лет в двенадцать я узнала, что Целемецкие, хоть и совсем обедневшие, но дворяне. Правда, бабушка строго предупредила, чтобы я нигде и никому об этом не говорила. – Сама знаешь, и хорошо. Вся ты в них. Может быть, и так. Теперь говорить об этом можно.

В Ташкент берем с собой только самое необходимое. Едем на несколько дней, на консультацию. Остановимся у Евдокимовых, родственников наших близких друзей. Всю дорогу от дома до вокзала, бабушка тихонько приговаривает: - Господи, Господи, помоги ! Не оставь нас, Иисусе Христе!

Поезд медленно отошел от перрона. Монотонный стук вагонных колес и однообразие пустынного ландшафта, изредка переходящего в зеленные квадраты хлопковых полей, не мешало моим мыслям о школе, оставленной на несколько дней, и о том, что нам скажут в Ташкенте. Мама тоже, конечно, думает об этом, но молчит. Наверное, так лучше: иногда слова мешают людям понять друг друга.

2.

Ташкентский вокзал ошеломил бы своим невероятным многоголосьем и яркой суетой, если бы летом 1959 года я не увидела Казанского вокзала Москвы. Там нас встречала мамина сестра Мария. Здесь – тоже Мария, хрупкая женщина с сыном Витей, мальчиком лет десяти.

Квартира у Евдокимовых, как и у нас, «с удобствами во дворе». Разница в том, что мы втроем живем в одной большой комнате, а они – пятеро в двух маленьких. – Ничего! – утешает себя тетя Муся. - На очереди стоим, ждем улучшения жилищных условий. – Мы тоже, - отвечает мама , - десять лет.

Пока мы умываемся с дороги, хозяйка успевает приготовить завтрак. Едим быстро: дети торопятся в школу, а мы - на улицу Каблукова 9, в Среднеазиатский филиал Центрального института ортопедии и травматологии СССР. Тетя Муся крестит меня со словами: -Дай Бог удачи!

Трамвай, постукивая колесами на стыках, везет нас по ташкентским улицам в неизвестность. Город позолочен осенней листвой, но мне до его красоты нет сейчас никакого дела. Приехали! В глубине небольшого зеленого дворика стоит ничем не примечательное двухэтажное здание. Раннее утро, а во дворе уже полно народу, «живая» очередь на консультации.

Сердце тоскливо заныло: «Боже мой, сколько нас?!» В инвалидных колясках, с костылями, на руках измученных матерей и отцов. Время тянется мучительно долго , но отлучится нельзя ни на минуту, иначе пропустишь свою очередь. Как избавиться от странного чувства, доводящего до тошноты? Мама шепчет: - У нас еще не самое страшное. Люди негромко переговариваются между собой. Женщина рядом вздыхает: - Говорят, после консультации, вызова на операцию ждут несколько лет. – Мы тоже слышали, - соглашается мама.

Наша очередь подошла во второй половине дня. В приемном покое за столом сидела усталая женщина в белом халате. Взяв вызов и направление, она жестом указала на дверь смежной комнаты. Женщина – врач, бегло осмотрев меня, вяло оправдывается: - Народу–то вон у нас сколько, не успеваем. Мама спрашивает: - Значит, напрасно приехали? – Нет. Если хотите, направлю вас в наш филиал, на Пушкинскую, 80. Они только открываются, все с нуля начинают.

Мама заметно растеряна. Вот тут-то и сослужил мне, мой дерзкий с детства язык, хорошую службу: – Профессор Берлинер где работает? Здесь или там? – Там. – Едем туда! Дама в белом халате облегченно переводит дыхание. Это видно по выражению её лица, когда она пишет несколько слов на бланке вызова. Успеть бы только на Пушкинскую! Повезло! Такси «поймали» буквально за две–три минуты. Сидя в машине, мама немного успокаивается. – Как это ты сразу фамилию профессора вспомнила? У меня от расстройства все из головы вылетело. – Наталия Яковлевна, когда направление давала, про него говорила. Как не вспомнить? Борис Исаевич Берлинер.

Голодные, усталые до упаду, мы почти «под занавес», успеваем на улицу Пушкина 80, поднимаемся на второй этаж. По сравнению с тем, что произошло дальше, наша усталость –сухая мелочь.

Боже мой, Отче Всемогущий, как глупа и самонадеянна я была в свои семнадцать лет! В голову не пришло, что в тот день, Ты взял меня за руку и повел, куда пожелал. Иначе, почему с такой легкостью нас направили сюда, в филиал? Почему мама сразу уступила мне? Не стала откладывать поездку даже на утро следующего дня? Сама того не осознавая, полностью доверилась Твоей милосердной любви. А ведь она с ранней юности считала себя неверующей. Часто повторяет: от судьбы не уйдешь. А что такое судьба? План Господа Бога на жизнь каждого человека, который мы привыкли называть судьбой. Сказать по правде, я тогда очень гордилась собой. А как же! Ведь я решила бросить вызов своей болезни, а значит, и своей судьбе. Господи, сколько же дерзостной, греховной гордыни было во мне до тех пор, пока Ты не обратил меня к Себе? Пока не вразумил верой, надеждой, и любовью, о которых я не задумывалась. Принимала, как нечто, само собой разумеющееся.

«Времена не выбирают», как не выбирают Родину и родителей. Можно выбрать образ мышления, да и то, лишь тогда, когда научишься мыслить самостоятельно. Надо сказать, что в Советском Союзе стереотипы мышления формировали у людей с самого юного возраста целенаправленно и достаточно жестко. Богу, в этой системе подавления личности, места не было. Даже понятие «милосердие» давным-давно вытесненное из обихода, нашему поколению решительно ничего не говорило. Сами того не осознавая, в каждой конкретной ситуации, помогая друг другу, люди ощущали присутствие Бога в своей жизни. Потому что это присутствие заложено в каждом человеке уже самим фактом рождения. Именно поэтому так естественны все проявления взаимопонимания и доброты. Его Любовь объединяет всех нас, живущих на земле. Мне, специалисту гуманитарнику не легко говорить об этом. Но все же замечу: в формировании мировосприятия и мировоззрения советских людей огромную роль сыграли литература и другие виды искусства. Произведения, созданные людьми, зачастую очень талантливыми, которые даже классику истолковывали весьма своеобразно. Можно ли их за это винить? Художники были вынуждены загонять свои таланты в рамки социально-политических мифологем, где атеистическая пропаганда занимала одно из первых мест. Соотечественники уважали этих людей, к их мнению прислушивались. Возможно потому, наш путь к Богу оказался далеко нелегким и непростым.

... Вернемся в Ташкент, на улицу Пушкина, 80. На стульях в полутемном коридоре сидят два молодых человека и девушка. Да разве это очередь? Приблизительно через час, медсестра приглашает нас в кабинет с табличкой на двери: «Доцент Сорокина В.А. Доцент Лузина Е.В.» - За столом – женщина - лет сорока с небольшим, с правильными, даже красивыми чертами лица. Из-под медицинской шапочки видна узкая полоска темных прямых волос, причесанных на прямой пробор. Глаза – темно серые большие, лоб высокий и чистый. – Лузина Евдокия Васильевна. Она просто назвала свое имя, но то ли тембр голоса, то ли интонация сразу сняли внутреннее напряжение, давившее нас с самого утра. Когда Евдокия Васильевна начала подробно спрашивать маму о всех моих детских болезнях, на меня опять напала лютая тоска: « Как мне все это надоело! Меня первую, что ли, видит?! – с раздражением, вызванным усталостью, думаю я. – Скорей бы уж главное сказала!»

Мрачные мысли не мешают мне улавливать каждое слово доцента Лузиной: - Болезнь Литтля. Мама слегка привстала со стула: - Разве не осложнение после кори?! И не церебральный паралич?! –Нет, хотя внешне и есть сходные симптомы. К счастью, форма нетипичная. Времени упущено много. Жаль. Результат операции был бы намного эффективнее. -Что же делать? Ехать домой? Она отвечает: - Почему же ? Положим на операцию. У нас пока есть места. Правда, операционная еще не оборудована, но скоро закончим все работы. Стараемся – Как?! Прямо сейчас?! –встречаю я в разговор. –Да, девочка, - улыбается врач. Не дав маме опомниться, громко радуюсь: - Это же Чудо! Хорошо - то как, Господи! Не надо ждать несколько лет. Спасибо Господи!!! Мама, пораженная моими словами, вытирает слезы. Евдокия Васильевна говорит: - Ходить, как балерина, не сможешь, но улучшение, несомненно, будет. Вполне профессионально охладила взрыв моих эмоций.

Минут через двадцать, стою у окна палаты на втором этаже, и смотрю вслед маме, тихо - тихо идущей к автобусной остановке. Я никогда не видела, чтобы она ходила так медленно, с трудом отрывая ноги от земли. Господи, сделай, пожалуйста, чтобы она не вернулась за мной! Не забрала бы меня отсюда! Правду бабушка говорила, Ты любишь меня такую, какая я есть. Но хочешь, чтобы я стала лучше, чтобы моя хромота не мучила меня, не унижала, не мешала жить. Боже мой, это Ты, Самый Сильный и Добрый услышал бабушкину молитву. Тетя Муся Евдокимова пожелала удачи от всей души. Мысленно уговариваю маму: «Иди, иди, не оглядывайся! Не поеду я домой без операции. Ни за что !» Вон он, автобус, Слава Тебе, Господи! Высокая, стройная мамина фигура исчезает - до завтра - в дверном проеме машины.

Вечерет. Небо над улицей уже не голубое, а сиреневое. В палате появляется очень красивая, смуглая девушка среднего роста, с огромными темно-синими глазами, слегка прикрытыми длинными пушистыми ресницами. Темные, длинные локоны свободно спадают на плечи. Бывают же такие! Я–то, в большом не по росту, страхолудном больничном халате, должно быть, похожа на огородное пугало. А она и в нем очень хороша! Поморщившись от боли, девушка садится на свою кровать: - Шарова Галина. Студентка здешнего института связи. – Целемецкая Татьяна. Учусь в десятом классе. Из Байрам-Али, в Туркмении.

Поскольку нас во всем отделении всего несколько человек, вечерний обход заканчивается быстро. До отбоя времени - хоть отбавляй. Кроме разговора, заняться нечем. Галя говорит, что ей придется взять академический отпуск. Ведь третий курс во всех вузах – самый трудный. В школе академические отпуска не полагаются. Стало быть, останусь я в десятом классе на второй год, чего мне очень не хочется. И так пошла в школу ни с семи, а с восьми лет. Из–за менингита, которым заболела в шесть с половиной лет. Могла бы тогда умереть или ослепнуть. Но вот, живу до сих пор, храня Божьей Любовью.

Начинается совсем другая, больничная жизнь. Надолго ли? Неизвестно. Главное, палатный врач у нас Ольга Алексеевна Ерёмкина, милая молодая женщина, которая нас понимает. Дня через три «нашего полку» прибыло. Появились Александра Михайловна Пирумова и Надежда Иосифовна Мелконян, одна - из Баку, другая - из Еревана. Приехали на второй этап операции. Обе хорошо знают профессора Берлинера и говорят о нем не просто с уважением, а с настоящей влюбленностью. Обеим чуть больше тридцати лет, но отношение у нас с ними сразу сложились по-дружески равноправные и простые. Заметно, Надя иногда напускной бравадой пытается скрыть какую-то боль души. Да все мы так!

Утром, после обхода, ко мне приходят мама и тетя Муся. Мама смотрит вопросительно и встревожено: может, еще не поздно вернуться домой? Операция дело не шуточное. Но я стою на своем: - Мама, неужели лучше ждать несколько лет? Бог нас сюда привел. Ведь и правда... сразу на операцию положили. Не бойся, на второй год не останусь. Мы на классном часе все решили. Одноклассники у меня были- дай Бог каждому! Боже мой, Ты, через Духа Святого, дал мне самые нужные слова, спокойствие и уверенность в правильности выбранного тогда решения. А то, что я тогда не осознавала этого так, как теперь, много лет спустя, для Тебя, Отче Предвечный, не имело и не имеет никакого значения. Твоя Любовь была и есть со мной!

С мамой прощаемся очень сдержанно. Не принято у нас выставлять свои нежности на показ. Особенно, когда нам обеим труднее трудного, горше горького. Бабушка считает, от гордости мы такие. А сама? Сроду никому не пожалуется, последним с людьми поделится. Все знают про её вспыльчивость, но её доброта - тоже у всех «притча во языцех». Поэтому наш дом никогда не бывает безлюден. Не важно, по делу или просто поговорить, повидаться пришел человек. В последние годы у нас останавливались друзья, приезжавшие в Ашхабад оформлять документы для выезда на постоянное жительство в ближнее или дальнее зарубежье.

Колючая я всю свою жизнь и упрямая. За словом в карман не лезла, но и не завидовала никогда, никому зла не желала, хотя и обижали меня частенько, опять же из-за моей походки. Некоторые, вероятно, по глупости, по недомыслию пытались «пришибить» морально. Вот уж этого –то я никогда и никому не позволяла. Что это, Господи? Греховная гордыня или способ самозащиты? Наверное, все-таки самозащита, дозволенна Богом, которую Он не вменяет в грех Своим детям.

3.

Хо́да назад уже нет. Теперь остается одно- ждать операцию. Долго ли? Друзья учатся, а я вот лежу, прохлаждаюсь. От безделья время тянется невыносимо медленно. Лезут в голову противоречивые мысли, одна начисто опровергает другую. Хорошо, что я в палате одна. А то, чего доброго, начнут жалеть, утешать, успокаивать. В нашей десятиместной палате уже нет ни одного свободного места. Так же и в других. Общий язык мы нашли быстро, возможно, потому, что наш возраст, в основном - от шестнадцати до двадцати трех лет.

В больничной палате ничего не скроешь, все у всех на виду. Мы видели как расцветала Александра Михайловна, получая письма от мужа и свекрови. И какой тоской наливались большие, темно-карие Надины глаза. На память приходило: « Я вижу печальные очи, я слышу веселую речь». В такие минуты к ней было нельзя приставать с разговорами.

Дней через пять получаю из дома посылку с учебниками, тетрадами и письмами от одноклассников. Письма веселые, полные понимание и поддержки. На душе стало легче. Ох, уж этот Юрка Свинцов! И тут верен себе. Приписал в письме Тани Федченко: «Держись! Нас мало, но мы - в тельняшках!» Юрка, Юрка , ты бы еще про «цыпленка жареного» вспомнил. Нас в классе и правда мало - всего восемнадцать человек. Дети, родившиеся во время Второй Мировой войны. Может быть, поэтому мы и помним друг друга, несмотря на долгие годы разлуки и огромные расстояния, разделившие нас.

* * *

Мы с Галей Шаровой начинаем «грызть гранит науки». Главным образом, это математика, химия и физика. Галя в океане формул и теорем чувствует себя, как рыба в воде. Для меня этот мир чужд и неясен, я – ярко выраженный гуманитарий. Заниматься со мной, ей вовсе не мёд. Ну и мне самолюбие не позволяет ударить лицом в грязь. Поэтому кое-что у нас получается. Кроме того, вся наша палата занялась общественно полезным делом. Не помню, кто предложил делать маски и тампоны для операционной. Их потребуется очень много. А персоналу и без того работы хватает. Дали нам бинты, марлю, вату, иголки, нитки, показали что и как нужно делать. Во время работы пели и разговаривали, подшучивали друг над другом.

Вскоре наши врачи и медсестры заметно засуетились. С чего бы это? Надя Мелконян, которая всегда была в курсе всех новостей, сообщила: -Послезавтра Борис Исаевич на работу выходит. И сама же сомневается: -У него ведь только половина отпуска прошла... Идет «на разведку». Вернувшись, докладывает точно: -Девчонки, Борис Исаевич всех посмотрит. Успеет, пока операционную доведут до ума. Хорошая новость действует на всех вдохновляюще. По этой причине, по словам Кати Найбич, «производительность труда возрастает вдвое».

Утром следующего дня, к нам в палату буквально врывается широкоплечий человек лет пятидесяти, ростом значительно ниже среднего. Крупная голова с высоким выпуклым лбом. Черты лица правильными не назовешь, но оно из тех редких физиономий, которые запоминаются сразу и навсегда. Быть может, из-за глаз – орехово-карих, солнечно светлых, печальных и мудрых, как все еврейские глаза. Своеобразен и голос с немного каркающими интонациями. Этот человек явно не соответствует тому образу профессора, который я создала в своем воображении. Отсутствие внешней важности, вызывает к нему необъяснимую симпатию и доверие. На его «Здравствуйте!» отвечаем вразнобой. Только Шурочка и Надя восклицают радостным дуэтом: - Борис Исаевич!!! Он отвечает: - С приездом, девочки! Ну, как дела? Порядок? С вами все ясно. Новенькими займусь.

Знакомится с каждой из нас. В конце обхода, поворачивается к нашему врачу: - Ольга Алексеевна, запишите на завтра... показывает на Галю, Фариду, Катю и меня. Господи, счастье – то какое! Чудо! Мог же он назначить на первую консультацию кого-нибудь другую. Правильно, бабушка! Любит меня Бог, сама теперь вижу. Вот только за что? Ой, не моего ума это дело! Он Сам знает.

Сначала на консультацию идут Галя и Катя, потом мы с Фаридой Мусиной. Ночью не спалось, как всегда перед чем-нибудь очень важным. Изводила себя мыслями об одном и том же: «Почему я не родилась здоровым ребенком? Оказывается, корь совсем не причем. И церебрального паралича у меня нет. Чем только не болела... Сама мучаюсь и маму мучаю. Лучше бы умереть в детстве. Болезнь Литтля. Что это?! Почему?! Форма какая-то нетипичная... Господи! Все не как у людей!!» Слышу Галин шепот: - Не спишь? – Думаю... Для чего на свете живу? – Ну вас, девчонки! Спите! Ночь ведь, - взывает из своего угла Надя.

И тогда, и потом, я часто думала: есть ли хоть какой-нибудь смысл в жизни людей, подобных мне? Неужели, мы родились только для того, чтобы страдать самим и приносить горе близким? Ответа не было, пока я не обратилась к Богу и не нашла дорогу к храму. Как-то Облат Марии Непорочной, самой молодой из священников церкви Преображения Господня в Ашхабаде, отец Войцех Пеля принес мне книгу Дж. Вейгеля «Свидетель надежды». На мучительный для меня вопрос ответил Его Святейшество, Папа Римский Иоанн Павел II: «Вы, слабые и страждущие, станете источником силы для своих братьев и отцов, которые сердцем и в молитве находятся рядом с вами.»¹. Как все просто и ясно! Ради чего я ломилась в открытую дверь десятки лет? Да потому, что в упор не видела очевидного, жила сердцем и разумом ослепленными самоуверенностью - порождением греховной гордыни. Господи, захочешь ли Ты простить мне этот грех? А может, уже давно простил. Потому что моя бабушка, как и все бабушки на свете, молилась «...за в Бога не веривших внуков своих...» [К. Симонов - «Ты помнишь, Алёша ...», - Т. А.]. Наверное, и сейчас, в Царствии Небесном, она молится за меня, чтобы своей молитвой укрепить мою веру в Господа.

Там, в Ташкенте, я в первые всерьез задумалась о Боге, о том, чем Он был и чем является в моей жизни. И все-таки была в моих тогдашних мыслях половинчатость из-за сомнений в себе: «Зачем я нужна Богу? Где Он и где я? До меня ли Ему? Но ведь помогает! Помогает! Что-то завтра скажет профессор Берлинер? Хоть бы немного поспать.»

Диагноз доцента Е. В. Лузиной полностью подтвердился: Болезнь Литтля. Нетипичная форма. - А какая типичная? – напрямик, въедливо интересуюсь я. – Бога благодари, что нет её у тебя. Легко отделалась. Кровь ударяет мне в голову: - Кто?! Кто легко отделался?! Ишь, Бога я должна благодарить!!! За что?! Борис Исаевич молча, с укоризной смотрит на меня. И вдруг тихо, коротко, но веско требует: - Не ори! Миловидное лицо нашего палатного врача Ольги Алексеевны Еременой покрывается густым румянцем. Я умолкаю на полуслове. Немного помедлив, профессор говорит: - Завтра пойдешь со мной на обход. Сама увидишь. – Пойду, пойду, -

---

¹ Иоанн Павел II // По кн.: Дж Вейгел. Свидетель Надежды, Кн. I, АСТ, -М., 2001г. ,с. 473

сварливо обещаю я . – Вот только на кого мне глядеть во все глаза? – Дам знать, когда надо. Иди в палату.

По коридору плетусь, путаясь в широченном и длинном больничном халате. Думаю: «Сама напросилась. Может, пугает? Зачем?» Не забыл. Перед обходом, в палату заглядывает медсестра Тамара : - Пойдем!

Четыре раза, в разных палатах, Борис Исаевич незаметно дергал меня за руку. И каждый раз мне хотелось убежать куда–нибудь подальше, спрятаться, чтобы ничего подобного не видеть. Да разве убежишь ? Вон он как крепко держит! В палату возвращаюсь совершенно пришибленная. Все это заметили сразу, поэтому никто ни о чем не спрашивает. Долго лежу молча, уставившись глазами в потолок. Мой обед уносят нетронутым – есть в тот день я не смогла. Разговоры в палате тоже не клеятся. В больницах и в общежитиях настроение одного человека мгновенно передается всем.

Ближе к вечеру, первой не выдерживает веселая насмешница Катюша Найбич: -Да ну вас всех! Хоть вешайся! –и, сердито хлопнув дверью, выходит в коридор. Приходит с гитарой одного из парней и отдает инструмент Тане Троховой. Та, в полной тишине несколько минут задумчиво перебирает струны. Потом обращается ко мне: - Долго ты так валяться собираешься? Иди сюда! – Отстань! – Не отстану. Какая же я Сильва без Эдвина? Её реплика вызывает дружный смех. Дуэт Сильвы и Эдвина из оперетты И. Кальмана - наш с ней «коронный номер». Нехотя поднимаюсь со своей кровати и пересаживаюсь на Танину. Поем без настроения. После знаменитого дуэта, на два голоса исполняем романсы «Я встретил Вас» и «Не искушай...». Классику сменяют народные песни – русские, украинские, белорусские, потом - модные песенки 60–х годов. Только изумительную армянскую песню «Ласточка» Надя Мелконян поет одна, потому что никто из нас армянского языка не знает.

4.

Ночью мне не спится: стыдно за свое поведение. Ну чего, спрашивается, я раскричалась в профессорском кабинете? Правильно одернул меня Борис Исаевич. И про Бога не зря напомнил. Давно бы уж меня на свете не было, могла оглохнуть или ослепнуть от любой из своих детских болезней, если бы Господь не спасал. Не все, значит, для меня потерянно. Иначе меня бы здесь не оставили. Прости меня дуру, Отец, за обидные для Тебя слова! Надо бы помолиться, но как? Я ни одной молитвы не знаю. Попробую вспомнить «Отче наш» В прошлом году, в девятом классе... Урок математики. У доски с ноги на ногу переминается Коля Тюрин. Упорно твердит, что чего-то не знает. Мог бы сказать забыл, но врать не хочет принципиально. Наша математичка Мария Аполлинариевна Табанова принципиальность и честность глубоко уважает. – Садитесь, Тюрин. Это надо знать, как «Отче наш». – Какой «Отче наш»? – не без ехидства спрашивает с места Юра Свинцов, предвкушая веселье всего класса. – А вот какой, - отвечает учительница, от строгости которой у многих в нашей школе часто дрожали коленки. – «Отче наш, сущий на небесах...» Простые, торжественные слова молитвы впервые прозвучали для нас не на уроке литературы или истории. На математике! Голос преподавателя негромок, проникновенен, убедителен. Слова молитвы словно приподнимали нас над землей. Падали в наши сердца, души умы, еще не созревшие до понимания чего-то самого важного, без чего человеку нельзя быть полноценной личностью. Мы почувствовали это интуитивно, каждый по-своему. Лежа на кровати, я беззвучно шевелила губами: - Отче наш, сущий на небесах... Дальше само вспомнилось.

На перемене, после того необычного урока, Коля изумляется: - Вот так «Марьяша»! Неожиданно в разговор вступает молчун Володя Гладышев: - А чего ей? Фронтовичка. Никого не боится. Для нашего поколения, чьи отцы победили фашизм- это высшая похвала человеку синоним его порядочности и мужества.

...Уже не удивляюсь своим частым размышлениям о Боге, подсознательно чувствуя, что только вера в Него помогает людям жить, быть честнее и лучше. Почитать бы Библию, да где её взять? Спрашивала дома в двух библиотеках. В одной ответили: - У нас её нет. В другой сказали:

- Есть. Но без особого разрешения её никому, даже в читальный зал не выдают. Хватит с тебя журнала «Наука и религия».

Тогда не то что мы школьники, но и взрослые не все знали, что книги, как и люди, подвергались арестам. Их держали в «спецхранах», своеобразных тюрьмах для книг. И первой из этих книг - затворниц стала Библия, Слово Божье. Может быть, поэтому сейчас, ежедневно беря её в руки, я стараюсь не причинить ей боли, словно она – живое существо. Каждое слово из Книги Книг я воспринимаю так, будто оно обращено ко мне лично, затрагивая самые сокровенные глубины моей души, сердца и ума.

Бог стал мне ближе, чем я сама себе. Специально ничего под свое настроение не подгоняю. Просто открываю молитвенный календарь, и - не надо искать никаких совпадений. Происходит чудо гармоничного созвучия моей души со Словом Божиим. Совсем недавно, 24 июня 2005 года, во время утренней молитвы, произношу для себя и для своей мамы: -«... Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!»².

Да ведь так и было всю мою жизнь! Возвышенные помыслы Бога и есть то самое неисчерпаемое чудо или, если угодно, череда чудес, благодаря которым я при моем недуге, не просто физически существую. Нет, я живу полноценной жизнью интеллектуальной, творческой личности. Благодаря Создателю, позволившему мне через Иисуса Христа, с благословения нашего Ординария, свидетельствовать о себе до принятия Крещения. О такой радости и чести я и мечтать не могла. Думала, время мое для этого настанет не скоро. Или не настанет никогда. «Также вместе и Дух подкрепляет нас в немощах наших, ибо мы не знаем о чем молится, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными»³.

Воистину, всю мою жизнь Святой Дух Сам ходатайствует за меня. Не будь Его чудотворной защиты, я не смогла бы ничего в жизни добиться, выдержать все, что выпало на мою долю. Профессор Б. И. Берлинер, для моего вразумления применил очень сильный психологический прием, который стал, по сути дела, своеобразной шоковой терапией. Но в тот момент это было единственно верным решением. Врач наглядно убедил, за что я должна благодарить Бога. А заодно избавил меня от ненужного самокопания, от излишней сосредоточенности только на своих проблемах.

В палате тихо – тихо, никто не отвлекает меня от общения с Господом. Прошу Его не сердиться на Бориса Исаевича из -за меня, а мне дать смелости попросить у него прощения за свою глупость и вчерашнюю недопустимую грубость.

Мысли переключаются на земные дела. Слава Богу, хоть и плохо, хожу сама. Учусь хорошо, но могла бы и лучше. Дело в том, что от одного вида цифр и формул на меня нападает непреодолимая скука. И ежу понятно, физика и химия – но моя стихия. Зато люблю все гуманитарные науки. Что ж, каждому свое. Удивительно, но после той бессонной ночи не было ощущения усталости и разбитости. Как раз наоборот! Даже на вид я повеселела от чувства внутреннего покоя и уверенности в том, что все будет как нельзя лучше.

Через три дня мне делают редрессацию. Так называется бескровный, подготовительный этап к основной операции. На десять дней на левую ногу мне надевают высокий гипсовый «сапожок» Под действием « местной анестезии» доцент Валентина Александровна Сорокина фиксирует стопу в физиологически правильном положении. Больно, но если взять себя в руки, терпеть можно. – Ну вот, готово –говорит она, -можно и отдохнуть. Двое студентов подхватывают меня под руки, чтобы я не наступила на сырую лангету. Одна из девушек берет костыли, на которых мне придется ходить до операции на новокаиновую блокаду шеи. Эта процедура нужна для улучшения двигательных функций левой руки. Раньше я никогда на костылях не ходила, поэтому с непривычки управляться с ними довольно трудно.

---

² Библия //Псалтирь, Пс. 139(138); 17,4 ; 4-е изд., Изд-во « Жизнь с Богом», Брюссель, 1989г., с.839.

³ Там же, с. 17 25.

К вечеру температура «подскочила» до сорока градусов, усилилась боль. Ничего, потерплю до вечернего обхода. Дежурного врача позвать некому: девчата во дворе пользуются последним осенним теплом. Кроме меня, в палате – маленькая старушка. Ей очень трудно ходить, но она через всю палату добирается до меня. Садится на краешек моей кровати и кладет свою маленькую прохладную ладонь на мой горячий лоб. – Потерпи, детонька. Бог терпел, и нам велел. Что-то пошептав, трижды креститься. – Перекрестись и ты, легче будет, – советует она. – Мне нельзя. – Почему? – Я не крещеная, комсомолка. – Ну так что? Все равно – Божье дитя. То ли я внутренне с ней согласилась, то ли огорчать доброго человека не хотелось. Первый раз в жизни, сотворила Крестное знамение слева направо. Бабулька одобрительно погладила меня по голове: – Вот и хорошо! Только крест-то не по Православному кладешь. Так католики крестятся. Поляки. – У меня отец поляк. – Ну тогда правильно. Живой? Нет. Три года мне было. – Воевал, небось? – Как все. С фронта без ноги вернулся. – Помнишь его? – Чуть – чуть. Говорят, на него очень похожа. – Слава Тебе, Господи! Получается, вроде жив человек. Царство ему Небесное. Поправишься, детонька, доктора здесь хорошие. Перекрестив меня еще раз, старушка отправляется на свое место. Никто из нас не знал как её звали, была она с нами не долго. А спросить – ума не хватило. Жаль, очень жаль!

К вечернему обходу наша «пятая гвардейская» в полном составе на своих койках. Наименование «гвардейской» нам присвоил генерал-лейтенант медицинской службы профессор Берлинер. За что- ему лучше знать, но мы очень этим гордились. Гале Шаровой тоже надели гипсовый «сапожок» пониже моего. Катя Найбич сразу назвала нас «кошками в сапогах». А мы, тем временем, учимся, и в свободное время, вместе со всеми делаем операционные маски и тампоны. Письма я получаю почти каждый день, иногда по два или три. Валентина Александровна шутит: – Успеваешь отвечать, академик? Секретаря тебе надо нанять.

Ходят слухи: операционная готова к работе. Значит, скоро начнут «резать». Интересно, кого первого? Сказалось все-таки нервное напряжение, вызванное долгим ожиданием. Ни с того, ни с сего, Рая Калугина затевает вздорную, нелепую ссору с Галей Шаровой. А так, как я «на язык особо боек», без меня не обошлось. За Галю стало обидно, ну и выдала я Раисе по полной программе. Себя, разумеется, тоже в обиду не дала. Дня три с Раей ни кто не общался, для больницы это срок очень долгий. К чести нервной, вспыльчивой девушки она признала недостойность своего поведения. Таким образом, инцидент исчерпал себя полностью. Урок пошел на пользу всем: стало совершенно ясно, что без взаимного уважения нам всем будет очень плохо. Усвоение этой предельно простой житейской истины необходимо каждому человеку, чтобы сохранить в себе хоть малую искорку подобия Божия.

Жить в больнице все-таки можно. К нам приходят посетители, получаем письма, посылки, и деньги из дома. Кормят, конечно, не Бог знает как, но на первом этаже есть буфет. Буфетчица Люся по понедельникам и четвергам, обходит все палаты и принимает индивидуальные заказы, которые всегда выполняет. Одноклассники не дают мне «выпасть» из потока школьных и городских новостей. Мама и другие родственники беспокоятся: чем и как кормят, как лечат? Получается, что связи с внешним миром мы не теряем ни на один день. На одном полюсе жизни у нас ожидание операций, на другом – все остальное. Даже мороженое, которым нам увлекаться не рекомендуется. Сами знаем, не маленькие.

5.

На консультации перед операцией, кроме Бориса Исаевича Берлинера присутствуют доценты В.А. Сорокина, Е.В. Лузина, зав. отделением Ю.А. Топоров и наш ведущий врач О. А. Ерёмкина. Веру Вебер и меня будут оперировать одновременно: её – Б. И. Берлинер, меня – В. А. Сорокина. Этот день – второе ноября 1961г. Накануне готовят к операции под общим наркозом. На тот случай, если «местной анестезии» окажется не достаточно. В беседе со мной,

Валентина Александровна предупредила: - Местная анестезия лучше, потому что тяжелый эфирный наркоз плохо влияет на сердце и память. К нему прибегнем в крайнем случае. Лишние слова нам с ней ни к чему: психологический контакт, при котором врач и пациент полностью доверяют друг другу, у нас существует не первый день. Вся надежда теперь - на Господа Бога.

Разумеется, вечером в палате только и разговоров, что о моей операции средней сложности. На ночь угощают всех противной на вкус микстурой «Бинга», а мне делают успокоительный укол и строго-настрого приказывают спать. Но уснуть сразу не удается.

Утро. Делают еще один укол и увозят на столике-каталке в операционную. Девять пар глаз провожают меня с нескрываемым сочувствием. Катя и Таня даже пытаются шутить. Спасибо вам, девочки, мне совсем не страшно.

В предоперационной душно, как в предбаннике, свет не ярок. Зато в операционный-жара, нестерпимо яркий свет бьет по глазам, приторно-сладко, одуряюще пахнет эфиром. На одном столе уже лежит Вера Вебер, на второй укладывают на живот меня. Руки, как браслетами, пристегивают к столу ремнями. На уровне талии укрепляют никелированную перекладину и вешают на неё желтоватую от йода салфетку. Все это я вижу боковым зрением, слегка свесив голову со стола и скосив глаза влево. Эх, посмотреть бы, что и как будут делать! Операционная медсестра говорит: - Не надо держать голову вниз. Подбородок положи на подушечку. Врачи и сестры негромко переговариваются, но духота и действие укола мешают уловить смысл слов. Слышу только от соседнего стола непривычно приглушенный голос профессора Берлинера: - Ну, Валя, с Богом! – Господи, благослови, - как эхо отзывается доцент Сорокина. «Офицеры... фронтовики...» -вяло проплывает в моем мозгу. Вздрагиваю от укола куда-то в щиколотку. Вливают новокаин -раз, другой, третий. Спрашивают, чувствуется ли боль? Да. Обезболивающий препарат вливают до тех пор, пока вместо боли, ощущается только прикосновение какого-то металлического предмета.

Теперь можно вскрывать операционное поле. Ужасно хочется пить. Медсестра смачивает мне губы влажным тампоном, тихо советует: - Кричи, когда кричишь, боль не так чувствуется. Кричать стыдно, ведь не одна я здесь. Но и молчать становится все труднее. Начинаю сначала с полголоса, а потом все громче и громче читать наизусть стихи. Почему-то Сергея Есенина, которого в школьной программе по литературе в те годы и близко не было. «Отговорила роща золотая», «Не жалею, не зову, не плачу», а потом - все подряд, что приходило в голову. Все, кроме стихов Маяковского, которые не любила никогда.

Дали бы хоть глоток воды! Вдруг слышу голос Евдокии Васильевны Лузиной: - Посмотрите, какая оригинальная связка! «Паучок». Это она студентам. Но я спрашиваю: - Где? Почему? – У тебя под левым коленом. Ох, жарко-то как, Господи! Пить хочется!

Наконец-то вывезли в гипсовочную. Юрий Александрович Топоров и две медсестры, изредка перебрасываясь короткими репликами, надевают на меня огромную, толстую, как броня, гипсовую лангету. Чувствую под крестцом что-то холодное жесткое. – Юрий Александрович, Вы, наверное, прижали меня к столу. Больно. – Чего тебе больно? Где? Отвечаю: - Где позвоночник кончается. – Подумаешь, принцесса! Ничего страшного, жестковато, конечно. Потерпи скоро в палату.

И правда: минут через двадцать, еду по коридору на «каталке». Из палат вышли все «ходячие». Спрашивают: - Ну, как? Подбадривают, кто как может, улыбаются. У этих девушек и парней операции еще впереди. Отвечаю с трудом, все понимают - устала. Мою постель уже подготовили, под матрац положили деревянный щит. Без него в гипсе лежать нельзя. Укладывают меня очень осторожно, чтобы гипс не дал трещины. Как будто я уже не человек, а тонкая хрустальная ваза ручной работы. Надя Мелконян спрашивает: - Под общим? - Нет, с

анестезией. – Все время?! – Да. Александра Михайловна молча качает головой. - Долго я там была? Рая Калугина смотрит на ручные часики: - Три часа.

Пока гипс мокрый, чувствую себя, конечно, некомфортно, но вполне терпимо. Новое состояние даже по- своему интересно. Но, по мере высыхания, лангета сжимается. И к ночи боли в области крестца и голеностопного сустава, становятся невыносимыми. Тесно как в тисках и жжет, будто раскаленным железом. Зато, после обеда, Галя Шарова и Катя Найбич успели меня коротко постричь. А иначе, через несколько дней, мои длинные тонкие волосы превратились бы в натуральный войлок. Настоящих ножниц у них не было, потому и накрутили на бигуди. Эта работа как-то отвлекла меня от боли, а их – от ненужных тревожных мыслей.

Перед сном, мне сделали обезболивающий укол препарата «Прамидол». Но сильная боль очень быстро «перешибла» его действие. Стараюсь не стонать, но от молчания боль меньше не становится. Наоборот, еще хуже. Сегодня дежурит зав. отделением Ю.А. Топоров. Не хочется звать его, не знаю, почему, но не хочется. Галя приводит дежурного медбрата, пятикурсника мединститута Эрика Шакурова. Он очень похож на свою мать Евдокию Васильевну Лузину, и специальность выбрал ту же. – Эрик, не могу больше лежать на спине. Сама не сплю и другим не даю. – Сейчас «Бингу» принесу. – «Бингу»! «Прамидол» не помогает. А может, на животе будет легче? – Гипс не просох, -колеблется медбрат, - Топорова позвать? – Нет, скажет, что капризничаю. Одному Эрику со мной не справиться. Зовет на помощь Любу и Фариду. Втроем, осторожно, чтобы не повредить гипс, они переворачивают меня со спины на живот. Все равно больно. Время еле - еле тянется до утра.

Около восьми часов утра не выдерживаю, кричу так, что того и гляди, лопнут голосовые связки. Нянечка, оказавшаяся поблизости, заходит в палату и стыдит: - Какие мы нежные! Потерпела бы еще немного. «Пятиминутка» идет. Рая Калугина прерывает её резко и нервно: - Всю ночь человек мучается!!! Мы что - железные?! Другие молчат, но от колючих взглядов нянечка пулей вылетает из палаты. Тут же, на пороге появляется Борис Исаевич Берлинер. Он идет так стремительно, что высокие ростом В.А. Сорокина и Ю.А.Топоров едва успевают за ним. Здесь же и наша Ольга Алексеевна. Снова переворачивают меня на живот. – Юра, что это?! – каким-то свистящим полупшепотом интересуется профессор. Юрий Александрович, как же так? – спрашивает доцент Сорокина. – Убрать гипс с крестца! Немедленно! – приказывает Берлинер. - Заменить голеностопную часть! Сейчас же! Кто - то моментально приносит инструменты. Борис Исаевич и Валентина Александровна не уходят, ждут: что там, под гипсом? От резкой, рвущей тело боли невольно вскрикиваю. Профессор, охнув садится на Галину кровать. Глаза Валентины Александровны, прикусившей нижнюю губу, становятся холодными, как льдинки.

Почему я помню такие подробности много лет спустя? Возможно, сильная боль обострила восприятие происходящего, а хорошая от природы память крепко его удержала. И на это – Твоя, Господи, воля! Травмированные места чем-то обрабатывают. В палате висит напряженная тишина. Когда все необходимое сделано, Борис Исаевич молча гладит меня по голове как маленького ребенка. Валентина Александровна хвалит мою новую прическу, а у меня нет сил хоть что-то им ответить. Переведа дух, замечаю: вчера левая стопа была повернута внутрь, сегодня –наружу как полагается. Борис Исаевич совсем тихо еще раз спрашивает доктора Топорова: - Юра, видишь ?! Видишь? По лицу зав. отделением видно: – ему было бы намного легче , если бы Берлинер кричал, или даже ругался. Мне делают обезболивающий укол. После ухода врачей, спрашиваю Галю и Раю: -Что там у меня? -На ожог похоже. Кожу сняли вместе с гипсом до мяса, -болезненно морщится Галя. –Нога – синяя, почти черная, добавляет Рая.

Вечером и ночью боли не мучают меня так, как накануне. Сегодня, пожалуй, смогу уснуть. Хорошо, что мама и бабушка ничего этого не видят. Я им ничего ни скажу. И даже тете Анне, хоть она и медсестра, тоже не скажу. Было и прошло.

Дня через два, моя гипсовая «упаковка» высыхает окончательно, и более мне уже не причиняет. Поэтому осенний праздник, седьмое ноября, мы празднуем очень даже неплохо, благодаря моим дорогим Евдокимовым, Галиному жениху Виктору и буфетчице Люсе, с которой очень дружна наша Надя Мелконян. Поем под гитару, а Галя с Катей танцуют на крохотном «пяточке» между порогом и кроватями. Тесновато, конечно, но получается у них очень хорошо. И я научусь танцевать, постараюсь. Перед сном вспоминаю, как хорошо мы провели день. Утром нас поздравили врачи, а днем – в самый разгар веселья – неожиданно пришел Борис Исаевич. Один. И в праздник ему из – за нас покоя нет. Мы растерялись, а он: - Молодцы, девчонки! Вот что значит «гвардейцы»! Кто-то опасается: - Узнает Топоров, выпишет всех. За нарушение больничного режима. Профессор утешает: - Не выпишет. Сидят вон, в других палатах, как сычи надутые, глядеть неохота. Ладно, пойду и я праздновать. Мои сегодня дома, никто не дежурит.

Боже мой, как чудесно создал Ты человека! Каждый из нас - тайна, но тайна – прекрасная, наделенная разумом, волей, любовью. И все что есть в нас, происходит от Тебя, от Твоей Любви и Твоей помощи. Позавчера мне казалось: не выдержу, с ума сойду от боли или сердце разорвется, а сегодня - празднуем. Бабушка часто говорит: - Не оставь нас, Отче, во все дни жизни нашей!

Числа десятого одиннадцатого меня выпишут из больницы. Наша медсестра Тамара уже отправила маме телеграмму. Три месяца я буду лежать в гипсе дома. А в это время в Ташкенте прооперируют еще несколько человек. Потом я вернусь сюда, чтобы снять гипс, продолжить лечение и научиться ходить в ортопедическом аппарате. Едва ли я увижу своих нынешних подруг по палате, разделивших со мной очень нелегкие дни. Будем ли мы переписываться? Наверное, нет. Кому хочется лишний раз вспоминать боль, страдание, скрытые слезы? Но и забыть друг друга мы уже не сможем никогда. Боже, храни нас всех! Дай каждому человеку испытание по его силам! А счастья - мерой полною!

6.

Получив телеграмму, мама сразу приезжает за мной. Тем временем, родственники успевают к нашему приезду сделать все необходимое. Из Ташкента нас провожают Евдокимовы. Не без грусти прощаюсь с этой семьей и с девчатами в палате, но радости все равно больше. Домой еду! Несут меня на носилках дядя Иван и шофер «Скорой помощи». Как же им, бедным тяжело! Тетя Муся, медсестра Тамара и мама о чем-то разговаривают. А я лежу, нарочно, закрыв глаза, чтобы не видеть взглядов прохожих. Лежу в вагоне на нижней полке, делаю вид, что сплю. Мамино место напротив. Но надо же было, чтобы нашими попутчиками оказались молоденькие солдаты, «дембели», как они себя называют, почти мои ровесники! Кожей чувствую их взгляды, и потому всю дорогу от Ташкента до Байрам-Али, мрачно молчу, отвернувшись к стене. Ребята тихо, деликатно спрашивают маму про меня. Один шепотом интересуется: не глухонемая ли я? Отрезаю: - Много будете знать, скоро состаритесь! Парень смущенно замолкает, а мама густо краснеет, ей стыдно за мою грубость.

Поезд останавливается на станции Байрам-Али. Дома! Проводник уже открыл запасной выход. Встречает меня со «Скорой помощью» моя тетя Анна. Солдаты - попутчики несут меня из вагона до машины. Очень симпатичный брюнет, армянин Рачик - имя редкое

запомнила, просит: - Скажите адрес! Писать буду. Хочу знать, как дальше... Серdito перебиваю: -Без адреса лучше! –Бессовестная! – сквозь зубы цедит тетя Анна. –Спасибо вам, ребята, не обижайтесь! –Да что вы, мамаша! Хорошая девушка, только ей сейчас трудно...Где вы сейчас, ребята, как сложились ваши жизни? Если вы забыли вредную девчонку в гипсе, очень хорошо! Спасибо вам за вашу деликатность и помощь!

Через полчаса лежу на своей кровати за ширмой, отгораживающей моё ложе от наших «удобств». Живем-то ведь втроем в одной комнате. Только меня уложили, прибежала Инна Иванова, моя неразлучная подруга с раннего детства. Живем мы в одном огромном дворе и учимся в одном классе. – П-п-при-вет! – волнуется, вот и заикается сильнее обычного. Сейчас, вместо привычной лукавинки с хитрецей, я вижу в её красивых, сине- серых глазах сложное выражение удивления, сочувствия и испуга. Такое гипсовое «великолепие» Инка видит первый раз в жизни. Немного успокоившись, она начинает дотошно выяснять, что и как делали мне в Ташкенте. Качает головой, ахает: -Не-ет, я бы не выдержала. Тычет пальцем в надпись на лангете. – С ума сойти! Три месяца! Немного подумав, советует: - Знаешь, надо не днями время считать, а неделями. В суждении подруги есть резон, поэтому я с ней соглашаюсь. -А потом как? -Снова в Ташкент. Снимут гипс, сделают ортопедический аппарат. Научат ходить заново. –Что за аппарат? - Не знаю. Сделают - увижу. Ладно, до вечера! Отдыхай. Вечером, из школы придем. Инна уходит а я лежу и думаю: «Что дальше? Вот так и лежать три месяца? Правда, с ума сойдешь...» Уроки в школе заканчиваются в седьмом часу вечера. Значит, часов около семи, кто -нибудь придет. Бабушка хлопочет: -Надо подружек угостить. Давно вы не виделись. Приходят сразу все, вместе с классным руководителем Искандером Хайдаровичем Ирани. Получается классный час на дому, с короткой и ясной повесткой дня. Формулирует её староста класса Люда Елистратова. – Денька три отдохнешь, и хватит прохлаждаться! Учиться надо.

-Не хочу никого нагружать своими проблемами, -возражаю я. – Дура ты, ей - богу! – возмущается Лида Камерцельд. Кого это ты, интересно, загрузишь!? Кроме себя, конечно . – Остынь, Лидия! Гуманитарные предметы сама одолею. А вот математика, физика, химия - сами знаете. А немецкая разговорная речь? Таня Федченко говорит: - Математика - мое дело. Зоя Соломатина продолжает: -Физика и химия - мое. Лида смеется: - По-немецки изволь, с Валея Савинчевой и со мной «шпрехать». -Хорошо, - соглашаюсь я. -Уроки ведь не только учить, но и отвечать надо. Вступает в разговор Искандер Хайдарович. –Отвечать будешь по всей строгости. Живете вы от школы близко. Будем приходить и спрашивать дома. На-днях, придет Мария Аполлинариевна. У нее есть свой вариант. Пошли, ребята. Хозяевам тоже отдохнуть не мешает.

Инна Иванова задерживается на несколько минут: -Видишь, все как надо! Я буду забирать письменные работы. – Не знаешь, зачем «Марьяша» придет? Подруга неопределенно пожимает плечами, -До завтра! Остаемся вдвоем с бабушкой. Бабушка негромко бормочет: - Господи! Чего удумали? Учиться? Как ? Спасибо, что пришли, не забыли. Храни их, Святая воля!

Около девяти часов вечера, на семейный совет собирается наша родня- тетя Анна со своим мужем дядей Иваном и тетя Ася, вторая мамина сестра, большая любительница всяких шуток и розыгрышей, домашний мастер на все руки. Рассказываем им о приходе моих одноклассников. Все хорошо, но как писать, лежа в гипсе? – Подождите, дайте подумать, - говорит дядя Иван. – Когда заниматься начнете? – Через три дня. –Что-нибудь придумаю. Придумал, сделал. Принес тяжелое деревянное сооружение, отдаленно напоминающее пюпитр. Тяжесть его, благодаря гипсу, совершенно не ощущалась. Зато письменный стол оно мне заменило вполне. Кажется, все готово для продолжения учебы. Только бы мне не подкачать, не подвести одноклассников и учителей! Тогда для меня это было вопросом самолюбия и чести.

Господи, каких чудесных людей ты мне дал! Как много их было! Одноклассники и учителя, врачи и соседи по палате, Евдокимовы и случайные попутчики в поезде. О родственниках и говорить излишне. Самое большое чудо которое дарит нам Бог- это люди живущие рядом с нами. К сожалению, мы не всегда вовремя это понимаем. Как говорится «что имеем не храним, потерявши плачем». Разумеется, не каждый ближний и не всегда радует нас. Ну такова жизнь: не вкусив горького, не распробуешь сладкого. Из жизненных контрастов и складывается во всей полноте чудо бытия дарованного Богом.

Днем, воспользовавшись «окном» в расписании уроков, приходила Мария Аполиinarieвна Табанова. Разговор у нас был долгий, и раскрылась она с совершенно неожиданной стороны. Боже мой, как мы боялись её! До дрожи в коленках, особенно закоренелые, троечники, вроде меня. Иногда один час общения позволяет узнать и понять человека лучше, чем годы пустого, бездумного знакомства. Во -первых, она мне сказала: - Математику ты просто запустила. Ничего в ней страшного нет. Удивительно! К старшеклассникам она обращалась исключительно на «Вы». -У меня вот такая идея...Сама знаешь, живем мы за городом. Прибегать и спрашивать материл наспех... Не дело это! Лучше по – другому. –Как? Занимайтесь как решили. Соломатина и Федченко - лучшие помощники. Но сильно не увлекайтесь. О здоровье тоже думать надо. Летом поживешь у нас. Не стеснишь. У нас с мужем четыре комнаты на двоих. Иванова про какой- то ортопедический аппарат говорила. Так что, в жару тебе в школу таскаться незачем. Математику оставим на лето. С матерю мы на эту тему поговорили. Пора мне, а то опоздаю на урок.

Бабушка удивленно качает головой: -Вот, видишь какой она человек! Вам бы, глупым, только дразниться. «Марьяша!» Придумают же прозвища!

Эта суровая на вид женщина, участница освобождения Киева от немецких фашистов, офицер связи, стала для меня одним из лучших воплощений подобия Божия. Бабушка это сразу почувствовала, поняла, а я - по своей молодой глупости – нет. Подумала только : «Охота ей возится со мной, отпуска лишаться... Поставила бы мне мою родимую «тройку». Большого мне и не надо».

Слава Богу, днем нет ни одной свободной минуты. Некогда думать о том, что гипс внутри крошится и крошки, колючие как иголки, причиняют большие неудобства, иногда даже боль. Ночью труднее. Сплю совсем мало: на спине не очень—то уснешь, а на боку... Тяжесть лангеты буквально через пять минут, сама укладывает меня с левого бока «в исходное положения», на спину. Если повернусь направо, упаду с кровати на пол, и тогда никто не сможет меня поднять. Учусь, таким образом, до середине февраля 1962 года.

Новый Год встречали сначала с родственниками, а после школьного вечера, пришли одноклассницы. Выпили по бокалу шампанского и размечались вслух. Кто о чем, а я-о правильной походке. Поговорили и о планах на будущее. Не успеешь оглянуться , и- прощай школа! Все сидят за праздничным Новогодним столом, одна я, по словам Лиды Камерцельд, лежу «как король на именинах.» Веселый, стало быть, король. Через полтора месяца гипс с меня снимут. За счастливый, Новый, 1962 год ! За вас мои родные и мои верные друзья, за всех, кто нас учит и лечит. Бабушка крестится, просит Бога дать нам всем здоровье, счастье и радость. Слушаем её очень внимательно и серьезно, повторяя про себя каждое слово.

Через несколько лет, историки назовут начало шестидесятых годов двадцатого века «Хрущёвской оттепелью.» Ярлык, как и все прочие, приклеился. А если подумать, вспомнить... Именно тогда, по всему Советскому Союзу прокатилась очередная волна самого, что на есть оголтелого, атеизма. Чуть позже началась открытая травля инакомыслящих, формальным поводом для которой послужил роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго.» А дальше – пошло, поехало. Каким - то чудом в «Новом мире» проскочил «Один день Ивана Денисовича»

А.И. Солженицына. Возможно, я чересчур субъективна. Однако лгать не хочу: литературные достоинства произведений этого писателя у меня особого восторга не вызывали и не вызывают. Но факты, изложенные в них, тематика и проблематика ужаснули не только нас, но и взрослых. Господи, что же это такое, в какой стране, в каком обществе мы живем? Слушая наши разговоры, бабушка горестно кивает головой: - Вот так без Бога - то жить... А вы на язык будьте осторожнее! Мы и сами это понимаем, уже взрослые.

Пора снимать гипс, но вызова из Ташкента почему-то нет. Придется ехать на свой страх и риск. Передерживать гипс нельзя- усилятся разгибательные контрактуры бедренного, коленного и голеностопного суставов.

Угораздило же нас с мамой явиться на Пушкина, 80, как раз в тот поздний вечер, когда дежурил Ю. А. Топоров. Привезли нас туда на «Скорой помощи», вызванной врачом вокзального медпункта. Фельдшер «Скорой» для порядка спросил: - Вызов есть? – Зачем? Дата указана на лангете. Он бы не взял меня, но в медпункте на вокзале места для такой «Фигуры» нет даже до утра. Так что пусть ортопеды разбираются сами.

Зав.отделением увидев меня в коридоре, на носилках, поставленных прямо на пол, застывает на месте. Несколько секунд молчит, потом гневно вопрошает: - Почему приехали без вызова?! Мне до слез обидно видеть виноватое выражение маминого лица. Обидно, что она растерялась, как-то съезжилась. Чувствую, лицо у меня холодеет от гнева. И обращаюсь к нему с той холодной, злой вежливостью, которая иной раз действует на людей сильнее слез и истерик.

- Вам не стыдно, Юрий Александрович?! Дата на лангете написана Вашей рукой, -выделяю интонацией два последних слова. –В данном случае, вызов –пустая формальность и больше ничего. -Ходили же к тебе знакомые... Побудешь у них несколько дней. Мама колеблется: - Может, и правда? –Нет! -Решительно возражаю я, - ночь на дворе. Они сами ютятся кое - как. Место должно быть. А если его нет, полежу в коридоре. Как Борис Исаевич завтра скажет, так и будет. Мы ведь не в гости пожаловали к доктору Топорову.

Сердито глянув на меня сверху вниз, зав. отделением быстро уходит. Через несколько минут возвращается с двумя дежурными студентами и медсестрой. В палате, куда меня принесли, оказалось два свободных места. Палата не прежняя, другая, коек в ней – двадцать. Раньше эта палата была мужской, теперь в ней обитают женщины. Лечащий врач –Ольга Алексеевна Еремина, наша Олечка. Значит, все пойдет, как следует. А что соседки по палатке не те, само собой разумеется. Мама еще не свыклась с мыслью, что все так быстро уладилась. Она говорит - Эх ты, папочка родимый никак свой язык удержать не можешь! Обидела человека. Не поймешь, чего больше в ее упреке: досады или гордости за наши с отцом характеры, за наше достоинство, которого ей тоже не занимать. Парирую: -Не так уж это и плохо! А то бы в коридоре на полу валялась. Обиделся! Сам напросился. Ведь неправду сказал, что мест нет. Не беспокойся, дня через два снимут гипс и начну разработку. Пока буду разрабатывать, наверное, аппарат успеют сделать. Ну ладно, мама, иди поздно уже. Привет Евдокимовым. До завтра!

Ольгу Алексеевну и Тамару мое появление нисколько не удивляет. Зато Ю.А. Топоров, на очередном профессорском обходе, выглядит заметно смущенным. Неужели, он думает, что я пожалуюсь на него? Напрасно, инцидент исчерпан полностью. -Лангету пора снимать. Три коротких слова вливают в меня новые силы. После обхода медсестра Тамара приносит хирургическую ножовку, ножницы для разрезания гипса и баночку с солевым раствором. Проводит карандашом вдоль всей лангеты длинную черту и начинает водить по ней ножовкой. Работает она быстро, но мне, уставшей от гипса, кажется, что таким темпом не управиться и за неделю. Кроме того, у медицинских сестер, в любом отделении, всегда очень много работы.

Прошу: -Тамарочка, дайте мне самой попробовать! Делать мне все равно нечего. Элла Честнокова поддерживает: -Мы тоже пилить умеем и не только гипс. Тамара, понаблюдав за нашей работой несколько минут, предупреждает: -Осторожнее, кожу не пораньте! -Справимся, -бодро заверяем мы с Эллой и, по переменке, начинаем работать ножовкой не на страх, а на совесть. Наконец-то меня окончательно вытащили из гипса! Осторожно уложили на спину, пока на щите. Ощущение очень странное, не хватает какой-то защиты. Из всех, с кем я лежала в пятой палате, здесь только Катя Найбич. Она лежит на «вытяжении». Кате очень трудно и больно. Боль причиняет малейшее движение. Но девушка все равно время от времени подшучивает над кем-нибудь с заметной грустью.

В первые дни мои гипсовые контрактуры поддаются разработке с большим трудом. Мне делают ванночки из теплого парафина и массаж. Остальное зависит только от моего старания и терпения. Очень больно, но без боли ничего не добьешься. Хочется скорее домой, в школу. Поэтому себя жалеть не приходится. Врачи предупреждают: -Не форсируй разработку, осторожнее, сорвешь. -Мне быстро надо. -Куда? В армию тебя не призовут. -Нельзя мне на второй год оставаться. Никак! Зря, что ли, люди на меня время тратили? И так с восьми лет в школу пошла. Год потеряла. А тут еще - одиннадцатилетка. Некогда мне здесь прохладиться. -Вижу, как ты прохладяешься, - ворчит Борис Исаевич. А у самого в глазах пляшут золотистые смешинки. -Ладно, «гвардеец» позвоню на завод, попрошу, чтобы аппарат сделали в ближайшее время. Ольга Алексеевна, запишите на послезавтра. Заказ ортопедического аппарата. А пока мерки снимут, пока сделают, будешь ходить на костылях, но только по коридору. Не вздумай спускаться по лестнице вниз! Меня буквально распирает от радости.

Снова Господь помогает через добрых людей проявляя своё присутствие в моей жизни. Каждый день Он дает мне новые силы, чудом поднимая меня над болезнью. Вот, и аппарат сделают скоро, потому что профессор Берлинер попросит. Несмотря на то, что аппарат у меня будет первой сложности. До выздоровления осталось совсем немного. Может, домой уеду без костылей. Во всяком случае, Борис Исаевич и Валентина Александровна такой возможности не исключают. Подумаешь, набила на ладонях кровавые мозоли! Руки заживут, лишь бы ноги ходили.

.... Не поймешь, зима на дворе или ранняя весна. Заказывать аппарат едем с Тамарой и завхозом Иваном Ивановичем на его «персональном» фургончике. Жадно вдыхаю сырой холодноватый воздух, выглядывая в маленькое окошко. По лестнице меня нес Иван Иванович. Спросила, не тяжело ли ему. Насмешливо глянул: -Во мне, почитай, два центнера чистого веса. -А ты - смех один! Едем, примерно полчаса. Все улицы для меня на одно лицо, потому что города я совсем не знаю, и думаю совершенно о другом. Приехали! Иван Иванович снова подхватывает меня, а Тамара - мои костыли.

Директор ортопедического завода оказался обаятельным, доброжелательным человеком лет сорока. Представился: -Борис Васильевич Шаварин. Я в курсе дела. Выберите кожу для ботинок. Вам рекомендуется кожаный, а не ацетоновый аппарат. -Да, Борис Исаевич объяснил, почему мне нужен именно такой. Борис Васильевич, а какой можно сделать быстрее? -Знаю, торопитесь, но пять-семь дней погоды не делают. Верно? -Согласна. Дает мне альбомчик с образцами кожи. Цвет ботинок выбираем втроем -он, Тамара и я. Мерку снимают в малюсеньком помещении во дворе, больше похожем на кладовку. Сквозняки в нем гуляют почем зря. Но ведь это же - настоящий пустяк, по сравнению с тем, что я скоро уеду домой. Две женщины очень быстро делают тоненькую лангету, напоминающую ту которую с меня сняли совсем недавно. Пока гипс не остыл, её с меня снимают с величайшей осторожностью, чтобы не появилось ни одной трещинки. Больно, но ничего не поделаешь. Мерка представляет собой точный слепок с моей фигуры. Знаю, ради чего терплю. По дороге «домой», Иван Иванович вдруг начинает философствовать: -Девчонки, а девчонки, любит вас Бог. А за что?

Ясно, за что. Тебя, Тома, за красоту и доброту. А это, «чудо с перьями», кивает он в мою сторону, -за терпение, да за упорство для девчонки небывалые. –Иван Иванович, -говорю я. - Моё оно, что ли? Бог дал. Просто так, даром. –Видно, так и есть, -охотно соглашается он. – Глядите, солнышко выглянуло! С радугой! Мы с Тamarой улыбаемся здоровенному, не очень молодому мужчине, который по - детски радуется солнечному луч и радуге, понимаем бесхитростную правду его слов, идущих от самого сердца.

Через две недели мой аппарат готов. Надевают его на меня прямо в кабинете директора. Он настолько тяжелый, что я с непривычки слегка покачнулась. Боже мой, какой же он страшный! Под какой одеждой его спрячешь! На меня и раньше на улице оглядывались, а теперь будет ещё хуже. В нем я и с костылями не смогу сделать ни одного шага. –Не волнуйтесь, - успокаивает Борис Васильевич Шаварин. - Первое время - все так. Через недельку привыкнете. И костыли бросите. Удачи вам, девочка!

Радости моей нет предела. Боже, кого, как не Тебя, мне благодарить за все чудеса, которые Ты сотворил для меня, меньше, чем за год мой юности?! По Отцовски мудро и бережно Ты вел меня за руку, поддерживая и оберегая на каждом шагу, без меры даруя мне физические и душевные силы. Тысячу раз правы все, кто говорил о Твоей любви ко мне - и бабушка, и тетя Муся Евдокимова, и Иван Иванович. Мама вслух не говорит, но думает, должно быть, также как они. Удивляется этой Любви, как чуду, которое боится спугнуть опрометчивым лишним словом.

Привыкая к тяжести аппарата, дней пять хожу на костылях. На шестой день без них два раза упала, но не так, как раньше, не на спину, а на живот. Значит, координация движений изменилась к лучшему. С пола встать сама не смогла, пришлось меня поднимать. Чтобы нарядиться в свои «доспехи», трачу почти час. Сначала надо натуго зашнуровать «башмачок» на левой ноге, потом обуть оба ботинка. И только после этого, начинаю туго зашнуровывать левую ногу- голень и бедро. Осталось зашнуровать корсет. Вот такие дела. Вскоре чувствую себя гораздо увереннее, больше хожу без костылей. Перед выпиской с аппарата снимают шарнирные замочки на коленном и бедренном суставах, для того, чтобы я двигалась свободнее.

Но меня продолжает мучать мысль: разве спрячешь под платьем моего «крокодила»?! Юрий Александрович Топоров предлагает хороший выход: -Сейчас в моде женские брюки. Под ними аппарат видно не будет. Вот уж, не думала, не гадала, про его познания в области моды. Молодец!

На последней консультации Борис Исаевич и Валентина Александровна Сорокина советуют больше ходить а еще –научится танцевать. Хотя бы два-три танца для улучшения координации движений. Сочетание приятного с полезным! Разумеется, через год, когда сниму аппарат. Не мешало бы поехать на курорт. Но в этом году никак не получится: летом придется в вплотную заняться математикой. –Года через два приезжай, посмотрим, каковы будут отдаленные результаты операции. Не получилось: ни через два, ни через пять лет. Никогда. Прощаясь, Валентина Александровна целует меня в макушку, а Борис Исаевич в щеку. - Ладно, идите с Богом! –«каркая» больше, чем всегда, говорит он. Резко поворачивается и стремительно исчезает в полумраке коридора. Так же неожиданно и быстро, он, через год уйдет из жизни от разрыва сердца. Прямо в предоперационной, успев сделать последнюю в свой жизни сложную операцию. Об этом я узнаю из письма Юлии Сорокиной, дочери Валентины Александровны.

7.

В конце марта 1962 года, приезжаю из Ташкента домой в ортопедическом аппарате. Выставлять его на всеобщее обозрение просто невозможно. Как пригодился в этой ситуации практичный совет доктора Топорова! Брюки – единственный выход из положения. За дело немедленно принимается тетя Ася, мамина сестра. Она у нас – мастер на все руки. Может и платье сшить, и печку сложить, и Дедом Морозом нарядится на Новый Год. Всю ночь тетя Ася шьёт мне брюки из синей спецовочной ткани, немного похожей на нынешнюю «джинсовку». Только эта грубая материя, - да и то недолго, - способна выдержать соприкосновение с металлическими креплениями, на которых держится ортопедический аппарат.

В школу, как обычно, ходим девчачьей стайкой. Иногда затылком чувствую: некоторые все-таки оглядываются на меня. Думают, хожу на протезах. Правда, мои ботиночки, цвета кофе с молоком, выглядят на удивление нарядно, несмотря на то, что левый - размера на два больше правого. Прическа тоже очень даже хороша! Но главное, конечно, учебный год не потерян напрасно. Рядом со мной - мои одноклассники, и мы понимаем друг друга с полуслова. Классный руководитель у нас – старший друг, которого никто не боится, но уважаем все.

Да, все-таки восемь килограммов лишнего веса дают себе знать при моей очень хрупкой фигуре. Устаю ужасно, зато при ходьбе держусь на ногах твердо, не упала ни разу. Надеваю аппарат едва открыв глаза, а снимаю, ложась спать. Так и живем. Учусь, будто и не было перерыва в школьных занятиях, никакого особого напряжения не заметно. Вот только тете Асе достается. Каждую неделю шьёт мне новые брюки. Не может же она допустить, чтобы племянница щеголяла заплатами пониже спины! Мало того, она мне сшила нарядные выходные брючки из тонкой шерсти. В них я хожу в кино, в гости, на концерты, которые в нашем курортном «Байрам-Париже» бывают не реже, чем в Ашхабаде. Жизнь приобрела какой-то новый, неведомый раньше оттенок радости. Появилась уверенность в собственных силах., Это Кто-то Свыше, укреплял меня. Это была совсем другая уверенность: в той, прежней уверенности, было много горечи от обиды на свою судьбу. Сейчас такого чувства нет. Кто-то вытащил его из моей души и отбросил от меня подальше. Теперь я спокойна за себя и за своё будущее.

-Слава Тебе, Господи! -радуется бабушка. – Погляди, Господи, совсем ведь другая стала. Право слово, чудо! Бабушка уже плоховато слышит и думает, что я её слов не услышу, а уж Бог –то услышит обязательно. Вот так она, каждое утро, просит Бога обо мне, о моем счастье, просит веруя, любя и надеясь. Мне бы иметь право также просто и смело просить Его о чем-то... Это с комсомольским –то билетом! Кончился наш десятый учебный год, который дал нам всем не только знания, предусмотренные школьной программой. Не только для меня одной тот год стал уроком жизни, уроком доброты, взаимопонимания, порядочности и духовной зрелости. В моем дневнике есть оценки по всем предметам, кроме математики, но никого это не огорчает. Оценки, как теперь говорят, нормальные.

С первого дня школьных каникул живу «на даче» у Табановых. Впервые в жизни у меня есть отдельная комната. Маленькая, чисто выбеленная известью, с окном в маленький садик, где под фруктовыми деревьями стоят пчелиные ульи. Не верится, что за стеной хлопочет, занимаясь обычными домашними делами «Марьяша», «гроза» всей школы. Поладим ли мы с ней.? Характеры у нас .... Что её, что мой. Ну, да ладно, пойдем как-нибудь друг друга. И тут Богу было угодно, чтобы я воочию убедилась сколько сердечного тепла, мудрости и доброты скрывается за внешней суховатостью, сдержанностью и даже суровостью. А началось все с того, что муж Марии Аполлинариевны , Александр Григорьевич не захотел, чтобы я называла его по имени- отчеству.

–Привыкли вы там в школе! Дядя Саша – и все. Поняла? –Поняла. Оглядываюсь на свою учительницу. Она одобрительно кивает мужу и мне: –Вот и хорошо.

Не знаю почему, такие домики как у Табановых, в Туркмении называют «финскими». Вероятно, за их особый неброский уют и какую-то сельскую основательность. При таком домике всегда имеется небольшой участок земли с несколькими грядками и фруктовыми деревьями. Есть куры, собака-дворняжка и кот. Тишина и покой как на настоящем курорте. Ведь отсюда, от селекционной станции, до города не меньше восьми километров.

Дядя Саша – агроном, поэтому на работу он уходит ни свет ни заря, а приходит, когда закат уже сменяется вечерними сумерками. Мы с Марией Аполлинариевной тоже не бездельничаем, хотя в домашних делах от меня толку мало. Она говорит: -Твое дело учиться. А кухня..., знаешь, как она еще надоест! Очень терпеливо и доходчиво наша строгая математичка объясняет мне все премудрости своей науки. Удивительное дело! Я вдруг начинаю понимать, что в математике разобраться можно, если постараться как следует. Один раз был такой случай. Мария Аполлинариевна как-то заметила: -Если бы гуманитарники не заморочили тебе голову, вышел бы из тебя неплохой математик. –Софья Ковалевская из меня не получится. А на меньшее я не согласна. Разговор на эту тему происходит вечером, когда мы пьем чай с сотовым медом. От моего нахальства дядя Саша даже поперхнулся и покачал головой: -Нет, ты только посмотри на неё! Нашла с кем сравниться! Потом сидим на крылечке, и я тихонько пою модную песенку, в которой есть такие слова: «Прости меня, но я не виновата, что я любить и ждать тебя устала.» Дядя Саша все еще сердится на меня из - за Софьи Ковалевской. Поэтому насмешливо негодует: --Когда это ты успела от любви то устать?

Мария Аполлинариевна тут же переводит разговор в другую плоскость. –Ладно тебе, Саша, Есть ведь и другая любовь, только про эту Любовь они ничего ни знают. Я прислушиваюсь к её интонации, потом говорю: - А а –а-а, это вы про Бога? -Про Него отвечает она. Контузило меня под Киевом. Не знаю, чем бы все кончилось... Он спас. И не меня одну. Многих. Шека у меня после контузии дёргается. А могло быть гораздо хуже. –Мария Аполлинариевна, прочитайте, пожалуйста, молитву. Ту, что в девятом классе, «Отче наш...» Она читает наизусть, чуть слышно, а я повторяю за ней каждое слово «Отче наш...» И её, и мой и всех нас, каждого человека на Земле. Красота- то какая! Тишина! Звезды ясные - ясные.

По субботам «получаю увольнительные», то есть воскресенье провожу дома. Мне надо подругами повидаться, а Табановым от меня отдохнуть. Дядя Саша как-то сказал: - Знаете, девчата, я бы такую штуку ни при какой погоде на себе таскать не смог. Смог бы... Бывший военный летчик. Инна Иванова спрашивает: - Ну, как Марьяша? Сильно гоняет? – Нет. Наоборот, удерживает, чтобы из кожи не слишком лезла. У меня даже появилось некоторое просветление разума по математической части. – Ну-ну, - хмыкает Инка, - Поздравляю! Осенью в табеле за десятый класс у меня красуется моя «родимая», честно заработанная «тройка». Не беда: все выпускники 1-ой Байрам-Алийской школы знали: на вступительных экзаменах в ВУЗы «Марьяшины» «тройки» часто становились твердыми четверками. Мама завела с Марией Аполлинариевной разговор о плате за летние занятия со мной. Так глянула так, что мамочка моя осеклась на полуслове.

Как мало нас в выпускном классе! Четырнадцать девочек и четыре мальчика – дети военных лет. Директор школы Иван Дмитриевич Толстов говорит про наш класс: «Мал золотник, да дорог». Мы все много читали, о многом думали, многое понимали, даже недосказанное. Этому научили нас преподаватели литературы. Сначала Евгения Владимировна Коренькова, а потом и сам Иван Дмитриевич, тоже филолог. Они привили вкус к настоящей литературе, поэтому нам больше нравились писатели, не входившие в школьную программу. А еще, к семнадцати годам, мы уже умели читать между строк. Взять хотя бы журнал «Наука и религия». Издание целенаправленно атеистическое. Но, тем не менее, в каждой его публикации очень заметно глубокое уважение к религии. Признание ее бесспорного влияния на воспитание личности, на мировую историю, культуру, искусство. Одним словом на все, что мне близко

понятно и дорого. Очевидные противоречия, неизбежные при такой двойственной концепции, постепенно и как будто бы незаметно, подталкивали сердце и разум к Истине, мне пока недоступной.

Вот, если бы Библию почитать! Там-то уж точно все написано. Пойму или нет, не знаю. Но так хочется знать! Делюсь своими соображениями с Инной Ивановой. Она досадливо отмахивается: - Тебе же ясно сказали в городской библиотеке – нет Ее у них. – Не может быть! Там много книг из бывшей царской семейной библиотеки. Врут, наверное... - Тебе-то что? Вечно вглубь копаешь или вверх рвешься. – Инна, почитай «Науку и религию», сама задумываешься. Читает два три номера подряд. – Знаешь, и правда интересно. Не так мы как-то живем. Иду в библиотеку парткабинета. Прошу знакомую библиотекаршу дать мне Библию. Читать буду здесь, при ней. Отрицательно качает головой: - Не дам, без особого разрешения нельзя. – Кто дает такое разрешение? Отвечает: - Не спрашивай. Прихожу домой и спрашиваю у мамы: - Кто дает разрешение на чтение Библии? – Не приставай к библиотекарям. Без разрешения из КГБ никто тебе Ее не выдаст.

Вот как, Господи, начался мой путь к Твоему Слову и к Тебе – через боль и страдание. Через незнание, и желание познать и понять, через атеистический журнал «Наука и религия». И впрямь, чудны, то есть полны чудес и дивны дела Твои, Господи! А наши пути к Тебе неисповедимы. Ты, с любовью и терпением, через всю жизнь вел по ним меня далеко не лучшее из чад Твоих. Слава Тебе за то, что Ты не позволил мне сверх меры омрачать свое сердце злобой, а разум завистью. Да, я гневалась, когда меня обижали или унижали. Но этого негативного эмоционального «запала» хватало всего на несколько минут. Сейчас часто спрашиваю себя: почему уверовав в Бога, почти в пятьдесят четыре года, я никогда не испытываю никакого страха перед Тобой, Авва Отче? Только любовь и преклонение. Только огромную благодарность, за всё, что Ты сделал для меня. Сама того не осознавая, я душой давно тянулась к Тебе, к Твоему Слову, к Священному Писанию. Не знала я тогда, что Библия была первой книгой – арестантом. Что раньше других книг заперли Ее в «спецхраны», эти книжные тюрьмы, чтобы люди забыли о Господе. Но чем больше старались, тем сильнее души человеческие рвались к Богу.

На Тебя Одного уповая, благодарю Тебя Боже, за то, что в молитве обращенной к Тебе, я обретаю тихую просветленную радость. Молюсь, обнимая молитвой всех, кого люблю и помню, кто был и кто есть рядом со мной, кого Ты мне дал. Я чувствую, что они и без моей просьбы молятся за меня и за мою маму. Это и есть чудо Твоей любви ко всем нам. Может быть, не всегда удастся точно выразить словами чувства, но я безошибочно, сердцем ощущаю свое молитвенное единение с людьми через любовь Бога ко всем нам вместе и к каждому в отдельности, как к личности единственной и неповторимой. Ведь все люди, которые были рядом со мной, которых я благодарно помню, и о которых речь будет впереди -Твой лучший дар, и Твое величайшее чудо. Благодаря Тебе и им, я не одинока, не покинута. Мало того, свидетельствую о Тебе, по благословиению отца Анджея Мадея, ординария церкви «Преображения Господня» в Ашхабаде. Я искренне благодарна ему за высочайшую честь и доверие. Могла ли я в юности даже предположить, что произойдет в моей жизни нечто подобное? Конечно, нет.

Заканчивая школу, как и все, скучала на комсомольских собраниях, выбирала профессию, донашивала ортопедический аппарат. Вот только сломался он у меня месяца на два раньше времени, потому что я выросла из него. Что делать? Ремонтировать его у нас в Байрам -Али никто не берется. Написала письмо Валентине Александровне Сорокиной, спрашивая как мне быть. Ответ получила не от нее самой, а от ее дочери Юлии, которой мы переписывались. Пишет, что аппарат носить больше нельзя, чтобы не навредить себе. Вот радость-то! Но что это?! Недаром весь день, от какого-то недоброго предчувствия все валилось из рук. Дальше

написано: «Умер Борис Исаевич Берлинер». Невольно вскрикиваю. Бабушка смотрит на меня с недоумением: - Что случилось? – Профессор умер... - Погоди, может, не так прочитала? Лет ведь ему немного. Ну-ка, читай, как следует. Читаю. А строчки, написанные красивым, каллиграфическим Юлиным почерком расплываются перед глазами в безобразные каракули. Бабушка смахивает слезы:

-Господи, прими во Царствие Твое, Бориса! Людей исцелял, как Христос. Прими, Господи! Немного успокоившись, спрашивает: - В школу пойдешь? – Пойду. – Вот и правильно. Слезы лить -пустое дело. Добрых людей помнить надо.

До школы ходу минут десять. Но в этот день мы с Инной Ивановой, молча бредем до нее полчаса. В классе сразу заметили: какие-то мы сегодня не такие. На первом же уроке Инна сказала о случившемся. Встали мои одноклассники, все как один, помолчали с минуту, в память о прекрасном человеке, фронтовике, генерал-лейтенанте медицинской службы, профессоре Борисе Исаевиче Берлинере, которого никто, кроме меня, не знал. Поколение наших отцов до сих пор остается для нас эталоном надежности, на которую в трудную минуту можно положиться без колебаний. Потому что, у большинства из них, была обостренная совесть.

28 мая 1963 года. Последний школьный звонок прозвенел для нас несколько минут назад. Сидим за партами с цветами в руках. На душе и радостно, и тревожно. Совсем скоро разлетимся кто куда... И сможем ли встретиться снова? Как сложатся наши жизни? А пока пора думать о сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Темные глаза нашего классного руководителя влажно блестят, пытается улыбнуться. Да уж, натерпелся он с нами за три года! Тихонь среди нас не наблюдалось; все с характером, колючие, ершистые, языкастые. Один Юрка Свинцов десятерых стоит! Но сегодня и ему не до шуточек, сидит притихший, немного смущенный и грустный. Они с Зоей Соломатиной поедут в Томский Политехнический институт. Поступят обязательно. К тому же у Зои – серебряная медаль.

Месяц пролетел как один день. Математику я сдала на «четыре». Удивительно! Наверное, билет попался счастливый, который я знала, или просто легкий. Поэтому привычная «тройка» в аттестате зрелости меня ничуть не огорчает. Поступать буду на юридический. Почему? Хочется знать то, чему в школе не учили. Свой выпускной вечер помню до сих пор. Наряды на нас... Скромнее скромного, потому что ни в одной из наших семей особого достатка не было. Может, оно и к лучшему. Больше было тепла, искренности, несмотря на дефицит кавалеров. Их у нас всего четверо – два Юры, Коля и Володя. С нами танцуют классный руководитель и директор школы. И я тоже танцую. Научилась, благодаря маме и своим одноклассникам. Вот бы порадовались, глядя на меня Борис Исаевич и Валентина Александровна! Отоспавшись после выпускного бала, поехали за город на пикник. Сидим на берегу притока Мургаба, узенькой речушки Каушут-Бент. Рыбы никакой не поймали, зато накупались до посинения. Юра Свинцов незаметно отлучился, и вернулся откуда-то с рыбой, пойманной на «бумажный» крючок, у местных рыбаков. В сумерках сварили уху и вскипятили чайник на костерке. Разговариваем, строим планы на взрослую жизнь. И всю ночь на нас смотрят огромные ясные звезды. Кажется, что это - любящие глаза Того, Кто создал и землю, и нас на этой земле. И Он хочет, чтобы мы были счастливы.

Увидеть бы теперь наших ребят и девчат! Посидеть бы, как тогда под звездами, поговорить по душам. Но у жизни свои законы. Она давно разбросала нас по всем странам мира. Осталась только нестареющая память сердца – один из самых необъяснимых и чудесных Божьих даров.

Глава вторая

1.

...И началась взрослая жизнь, полная волнений и забот. Из восемнадцати моих одноклассников, четырнадцать – с высшим образованием. Таня Федченко и Зоя Соломатина окончили школу с серебряными медалями. А пока... весь июль 1963 года готовимся к вступительным экзаменам. В двадцатых числах июля приезжаем с Валею Савинчевой в Ашхабад, сдаем документы в приемную комиссию. Валин отец и моя мама договаривались, кому из них ехать в Ашхабад, Мы их идею начисто отвергли: - Мы поедем по делу, а вы зачем? И в самом деле, будут сидеть около университета, ждать нас, а мы будем торопиться из-за них. И вот, Валя сдает экзамены на факультет иностранных языков, я на юридический. У нее профилирующий экзамен на день раньше меня. Помню, как мы впервые появились около университета, приехав на консультацию из дальнего «кешинского» общежития. Вышли из автобуса. Напротив, на университетской площади, не то что яблоку, иголке упасть некуда. С нами поехал еще один абитуриент, демобилизованный матрос Северного флота. Мы посмотрели, посмотрели, а он скомандовал: – На abordаж! Валя нерешительно тянет: То-о-лик. Я говорю: – Нечего стоять, идем. Сдали документы. Утром следующего дня Вале надо сдавать немецкий. К обеду возвращается моя Валентина с мороженым. Садится на «раскладушку». Съев мороженое, вытягивает чемодан, и начинает нервно укладывать свои вещи. Я с удивлением смотрю на нее несколько секунд и спрашиваю: - Ты чего? Отвечает: - В Чарджоу поеду! - Зачем? - Срезалась я. - Кто тебя там ждет? У них ведь тоже экзамены с первого. Валька на минуту задумывается. -А и правда... -Подожди, завтра я на истории срежусь, вместе домой поедем. Она скептически замечает: - Ты уж срежешься!

Назавтра снова едем в университет. Валя и Толик едут из-за меня: они первый экзамен уже сдали. Топчемся перед аудиторией, не решаясь войти. Немолодой преподаватель нетерпеливо приглашает в аудиторию: - Товарищи, заходите хоть кто-нибудь. Заходим Сережа Кошман, Миша Садовский и мы с Тамарой Чабаненко. Берем билеты, садимся за столы, готовимся. Кажется, в школе билеты были сложнее. Выхожу из аудитории первой. Толик спрашивает: - Ну как? Молча показываю пять пальцев. Одноклассница торжествует: - А я что говорила?! Ждем остальных. Хотя бы первую четверку. Как у них дела? Выходит Сережа Кошман. Вопросительно смотрим на него. К счастью, результат такой же, как у меня. Потом мы с Сережей будем дружить до его ухода в армию, сидеть рядом за первым столом. Но уже на филологическом факультете. Почему так получилось? Мы сдали все экзамены, набрали конкурсный балл, и только после этого нам объявили, что преподавание по специальности «Правоведение» будет на туркменском языке, которого ни я, ни Сергей не знали. Время было такое: даже многие туркмены, особенно живущие в городах, недостаточно владели родным языком.

Что делать? Прошел слух, что на филфаке втрое увеличили количество мест. И образовался значительный недобор. Толик Монов поумнее нас, потому что постарше. Он говорит: - Стойте тут! А ты, Сергей смотри! А то сейчас сорвутся на вокзал. Или за чемоданами поедут в Кеши. Я сердито ему отвечаю: - Поедем! Чего здесь делать?! Сережа обезоруживает белозубой улыбкой: - Час, да наш. Вот, старшина второй статьи сходит на разведку, а там посмотрим. Минут через двадцать «разведчик» возвращается: - Пошли в приемную комиссию! Идем. Мне и Сергею говорят: - Вам нужно только переписать заявление с одного факультета на другой. -А мне? – спрашивает Валя. – Придется пересдать немецкий.

Вот ведь как вышло! Не зря сказала мне экзаменатор на устной литературе: - Вам бы на филфак. Юрист – мужская профессия. Судя по всему, экзаменаторы-юристы, глядя на меня, думали также. Эх, была не была! Жалко забирать документы. Вместе со мной оказались: Сережа Кошман, Валя Савинчева, Тамара Чабаненко. Одним словом, все те кто сдал экзамены, на «хорошо» и «отлично». Еще дома, в Байрам-Али, у нас в семье возникли разногласия на тему: где

мне жить в Ашхабаде? Я упорно настаивала на студенческом общежитии. А вся родня дружно упиралась в частную квартиру. Само собой разумеется, их резоны с моими не совпадали. – Тоже мне частники, «Рокфеллеры»! Ну найдете где-нибудь чужой угол, далеко от университета. – С твоим-то здоровьем в общежитие?! – негодовала тетя Анна. – Думай, что говоришь! – Думаю. Хожу лучше, чем до операции. Создаете проблему там, где ее нет. Наконец-то согласились, да и то потому что, был мой день рождения. Толик поздравил теплой телеграммой, которую принесли рано утром.

Ребята обещали, как только вывесят списки зачисленных в университет, они нам сообщат телеграммой. Проходит неделя, а телеграммы нет. Едем в неизвестность, считая себя уже студентками. Не поступи мы так, остались бы без мест в общежитии. Повезло-то как! Общежитие- рядом с университетом. Ходьбы - две минуты. А шесть человек в комнате, ну и что? Первокурсников расселяли со старшими, видимо для того, чтобы они ввели нас в курс студенческой жизни. Хорошо ли это было? Далеко не всегда. И все же мы не унывали. Зимой и в жилых корпусах и в аудиториях, был невыносимый холод. Отогревались только в старом здании Библиотеки имени Карла Маркса. В том случае, если займешь место поближе к «печке-голандке». Мелочи быта решающего значения для нас не имели, потому что и дома многие жили совсем не по-царски. Следует отметить: общежитие – суровая, но очень хорошая жизненная школа. В этом я убеждалась не однажды.

Студенческая жизнь захватила сразу. Кто-то ходил в спортивные секции, кто-то -в самодеятельность. О спорте для меня не могло быть и речи. Особыми актерскими данными тоже не блистала. Зато в научном студенческом обществе я оказалась на своем месте. Учились мы тогда по программе эталонного для всего Советского Союза Московского Государственного университета. Возможно, по этой причине, наши преподаватели относились к нам очень требовательно и строго, несмотря на то, что почти весь первый семестр, студенты проводили на сборе урожая хлопка. Не знаю, много ли было толку от этой помощи колхозам. Нам, студентам, это было во вред. Дело в том, что количество учебного материала не сокращалось ни на одну тему. Из положения выходили за счет увеличения часов аудиторных занятий. Удивительно, как нам хватало времени и сил, чтобы не пропускать новых фильмов, спектаклей, занятий в научных кружках и спортивных секциях. Как- будто в сутках было не двадцать четыре, а сорок восемь часов.

На первом курсе не обошлось без курьезов. С докладом я, естественно, выступить еще не могла. Поэтому, по своему филологическому невежеству, всеми докладами восхищалась невероятно. Сидеть бы мне и помалкивать. Так нет же! Начала расхваливать на все лады нечто слабенькое, расплывчатое, бесцветное. Смотрю, поднимается с места очень красивый молодой человек. Знаю, что это старшекурсник. И тут моим телячьим восторгам приходит конец. Поскольку он разбивает в пух и прах все мои полудетские суждения. На лицах присутствующих появляются улыбки. «Ну уж извините!» -с досадой думаю я – «старшекурсник, так умнее всех?» Начинаю спорить, эмоционально, яростно, но не очень убедительно. Парень откровенно иронизирует, подливая «масло в огонь». Зав.кафедрой, доцент Е.И Степанова тщетно пытается урезонить обоих. Где там! В раж вошли! Исчерпав свои немудреные аргументы, ляпаю: - Ум не в бороде, а в голове! Молодой человек, изумленный моим нахальством, шлепается на стул. Его плечи вздрагивают от смеха: - Вот это по-нашему! - сквозь смех приговаривает он, - сполна получил! Так началась моя дружба с умным, порой резковатым Олегом Калмыковым, которого любили все, кто его знал. Дружили мы десять лет, до самой его трагической гибели в Симферополе. Ему шел тогда тридцать первый год. Олег был из тех редких людей, которые приходят на помощь без зова. Хотя и самому ему никогда легко не жилось. Помню, как трудно было ему добиться разрешения на спецкурс «Поэзия двадцатых годов». Ведь все поэты, о которых он говорил, были либо в эмиграции, либо их всячески третиговала советская власть.

Каким-то образом, он доставал тоненькие книжечки, выходящие в «там» и «сам» издатах. И разговаривал с нами на равных, к ужасу некоторых чрезмерно осторожных преподавателей. Я

еще вспомню о нем, настоящем Божьем избраннике, чьей дружбой была так щедро одарена. Как и он, могла погибнуть, попав под машину через несколько лет, и тоже на тридцатом году. Но Бог удержал меня на «границе смертельного круга».

Было у меня в университете самое любимое место - редакция «Университетской газеты». Крохотная комната, в которую едва втискивались маленький письменный стол, старое кресло и стул. Редактором была Анна Павловна Войнич. А привела меня туда Эльза Аванесова, как оказалось, надолго. Иногда мы собирались в редакции человек по восемь. Как мы там помещались, не знаю. Всех нас тянуло к Анне Павловне. С ней мы делились всем, что на душе наболело и от чего сердце пело. Особенно она с нами не нежничала, зато понимала как никто другой. Может потому, что у нее у самой было три сына. А может и потому, что не было между нами и ею той неизбежной дистанции, которая всегда существует между преподавателями и студентами.

Некоторые поговаривали: журналист, мол, Войнич слабоватый, потому и публикуется редко. Но благодаря ей, несколько наших ребят и девочек стали настоящими профессионалами газетного, журнального и издательского дела. Случается, когда забота о других, помогая расти другим, человек проглядел себя. Жалела ли она об этом? Пожалуй, нет. Такие уж они были фронтовики. Анна Павловна неувовимо походила на Марию Аполлинариевну Табанову, нашу школьную учительницу математики. Нет, это сходство было не внешним, внутренним. А сформировалось оно их фронтовой юностью. Обе никогда не искали дешевого авторитета, глубоко уважая человеческое достоинство и свое, и чужое. Старались, по мере своих сил и возможностей, помочь ближнему. Стало быть, жили по-христиански не на словах, а на деле.

Стихи я начала писать еще в школе, но кроме ближайшей подруги Инессы, а попросту Инки Ивановой, никому и никогда их не показывала. Потом все уничтожила, о чем не пожалела ни разу. Первая «подборка» вышла в студенческой многотиражке «Туркменский университет» по настоянию Эльзы Аванесовой и Анны Павловны Войнич. Большинство стихов тех лет затерялось. Гораздо серьезнее я относилась к работе литературного критика и редактора, осознав, что это и есть мое настоящее призвание. Правда, реализовать его мне удалось лишь через шестнадцать лет после окончания университета, по обстоятельствам, от меня не зависящим.

Три года вертелась, как белка в колесе: после операции, практически экстерном, закончила десятый класс. Потом, без отдыха, сразу поступила в университет. Ну, Слава Богу, первый курс закончила с отличием. Дошла, как говорится, «до последнего издыхания». Зато теперь поедем с мамой в Москву, где мы не были пять лет. Мне очень хотелось учиться в Литературном институте. Но ясно понимала: мне, с моей походкой будет очень трудно переносить долгие, гололедные московские зимы. Скрепя сердце, отказалась от этой своей мечты. Не только от нее, но и от многого, многого другого.

2.

Со второго семестра первого курса, получаю повышенную, стипендию, за отличную учебу. По правде сказать, разница между обычной и повышенной стипендией была чисто символической. Однако уважения к себе эта разница прибавляла заметно. И еще: на втором курсе мы живем просто по-царски. Две Веры и я в маленькой, узенькой, как пенал комнатке, переделанной под жилье из подсобного помещения. До нас в нем обитала Светлана Бердыева, аспирантка языковед. Уезжая на учебу в Москву Света, по дружбе с нами, договорилась, чтобы нас поселили в ее «аппартаментах». Живу в окружении двух Вер. Можно каждый день загадывать желания – сбудутся. Какие же они разные! Голубоглазая блондинка Вера Горобец и жгучая зеленоглазая брюнетка Вера Гусейнкулиева. Иногда кажется, нахожусь между двух огней, хотя и сама я далеко не лед. Словесные перепалки могут возникнуть в любую секунду, но и погаснуть также. Такие характеры, как наши, называют взрывными. Пошумим, но чтобы обидеться всерьез и надолго - не случалось не разу.

В начале октября студенты уедут на хлопок в Тедженский район. Я от этого мероприятия освобождена по состоянию здоровья. Вернутся наши ребята с «битвы за урожай» где-то в конце ноября. Ехать домой смысла нет, лучше соберу материал для курсовой работы. Таких библиотек, как в Ашхабаде, в Байрам-Али нет. Света Бердыева по каким-то делам не надолго приехала в Ашхабад. Но мы с ней почти не видимся: она пишет кандидатскую диссертацию, а с головой утонула в материале своей первой курсовой работы. Тема у меня интереснейшая! «Языковые контакты (на материале славянских языков)». Кроме нас со Светланой и Эдика Шкуратова, в общежитии нет никого. По вечерам - у нас чай втроем. Говорим не о своих работах, а о своих товарищах. Как-то там они на хлопке? Не дай Бог простудится Вера Горобец! Ей бы с, ее чудесным ангельским голосом в консерватории учиться, а не у нас на филфаке. Скажешь ей об этом, смеется: - Хохлы все поют! Особенно мы, полтавские. Хоть бы к концу ноября приехали!

Ну вот, материал для курсовой собран полностью. Мой научный руководитель, доцент Евгения Николаевна Ершова считает, что теперь мне можно поехать домой и продолжить работу там. Евгения Николаевна заведует кафедрой общего языкознания. Лекции у нее – заслушаешься, хотя предмет далеко не из легких. Просто она - прекрасный специалист, и мы многому у нее научились. Во-первых, методике научных исследований, а во-вторых, - что еще важнее - «...сместь свое суждение иметь» [А.С. Грибоедов, «Горе от ума» - Т.А.]. На сбор материала хватило полтора месяца, а уложить чемодан - пять минут. Почему я взялась за эту тему? По специализации я литературовед, люблю живое, звучащее слово. К тому же, славянские - родственные языки. Пригодилось и знание истории. Так что не работа, а сплошное удовольствие! Поговаривают, студентов задержат на полевых работах еще, как минимум, на месяц. Поеду домой, чтобы в тепле и уюте писать курсовую набело. Света и Эдик того же мнения. Решено.

Покупка билета на поезд – проблема из проблем. Около кассы на вокзале как всегда, огромная очередь. Эдик попытался добраться до заветного окошка, но ничего из этого не вышло. Чемодан у меня маленький, но тяжелый от множества бумаг и карточек. Эдик несет его с заметным усилием, на ходу советует: - Главное, войти в вагон перед самым отходом поезда, когда проводник заезвается. Эдик знает, что говорит. У него есть опыт путешествий «зайцем». – Ну, подумаешь в оштрафуют дороге. И что? Штраф равен стоимости билета. – В плацкартный? - Ишь ты! Там проводники в оба глядят. Лучше в общий. Подходим к общему вагону. Эдик смотрит на часы: - Ой, на работу опаздываю! – Иди, сами справимся. Если бы мы со Светой знали, что произойдет через минуту, близко бы не подошли к этому вагону! Она бы удержала меня от поездки. Стоим ждем, когда проводник посмотрит в другую сторону. Вот, сейчас!

Чувствую легкий толчок в спину. Кажется, кто-то задел меня мешком. Инстинктивно протягиваю руки, чтобы опереться о стенку вагона и удержаться на ногах. Моросит дождь, руки соскальзывают со стенки, а подошвы с асфальта. И...я камнем лечу вниз, на рельсы, проскочив в узкое пространство между поездом и краем перрона. Не успела ничего понять, не успела испугаться. Услышала жуткий, леденящий кровь, крик подруги. Все!!! Откуда взялся на путях тот железнодорожник?! Его лицо я не смогу забыть даже в последнюю минуту жизни. Не знаю, каким образом, он смог пропихнуть меня наверх, на перрон. Сказал ли он мне хоть одно слово? Должно быть, нет -не до того тогда было. Кто-то подхватил меня уже на перроне, кто-то провел в вагон, мимо побелевшего от ужаса проводника. Света Бердыева вцепилась в меня, чтобы не отпустить от себя. Я же тупо твердила, что мне надо ехать. Обязательно!

Поезд медленно трогается. В каком-то оцепенении смотрю в окно и ничего не вижу. Купе заполнено людьми до отказа, но никто не произносит ни единого слова. Светловолосый солдат протягивает мне мокрое полотенце и маленькое карманное зеркало. Увидев ссадину на подбородке, автоматически стираю с него кровь. Проводник приносит мою шляпу. Господи, где он ее взял? Зачем она мне нужна? Спыхватываюсь: - Где чемодан? – Не волнуйся, дочка, сейчас принесу. Слава Аллаху, жива осталась. Чай надо попить. Какой чай, когда даже пальто снять сил не хватает. Через некоторое время стягиваю с себя модное тяжелое пальто свободного покрова. Вижу на спине полосы мазута или какой-то вагонной смазки. Ну и пусть! Попутчики заставляют

выпить сладкого горячего чая. Проводник говорит: - Маленький чемодан, а тяжелый какой! Кирпичи, что ли, везешь? – Курсовую работу. – Учишься, значит, ай, молодец! Проводник уходит. Немного придя в себя, думаю: Боже, как я осталась жива? Ведь невозможно ничем и никак объяснить это, кроме чуда. Бедная Света! Кричала то-как!

Холодно что-то... Пальто жалко. Да ну его, пальто! Да, странно, даже не ушиблась. Жива, жива, Господи! Благодарю Тебя за спасение! Как же ты щедр в своей любви, которую я, быть может, и не заслуживаю. Получается, что Ты подарил мне вторую жизнь. И только Ты один знаешь, почему и зачем. Не мое это дело, Авва Отче, вопрошать Тебя, мое дело- подчиняться Тебе разумно и с достоинством. Слава Тебе и моя дочерняя благодарность!

Попутчики о чем-то разговаривают, но я почти ничего не слышу, словно мои уши заткнули ватой. Тем лучше, потому, что разговаривать у меня нет ни сил, ни желания. Не от страха, сама не знаю от чего. Слава Богу, люди все прекрасно чувствуют и понимают. Ну вот, кажется, совсем успокоилась. Так что дома ничего не заметят. Приеду вечером, когда будет уже темно. Значит, и на улице никто не увидит моего испачканного пальто. Вот он, знакомый с детства вокзал. – Сынок, проводи ее. – тихо говорит проводник солдату. Тот молча кивает и берет мой чемодан. Спускаемся на привокзальную площадь. – Девушка, я провожу вас. Темно уже. – Спасибо, не беспокойтесь, здесь я дома. Зачем вам из-за меня время терять? Счастливого пути! От вокзала до дома не далеко. Но я несколько раз останавливаюсь передохнуть, собраться с силами. Правду нельзя сказать ни в коем случае! Помоги, Господи, и правду скрыть и не солгать! С ума обе сойдут, и мама, и бабушка, если узнают.

Меня до сих пор поражает, почему оказавшись буквально на волосок от гибели, я не испытала ни малейшего страха? Мало того, тогдашний стресс никак не отразился на моем здоровье. Буд-то не со мной это случилось. Вот оно, еще одно доказательство Божьей любви ко мне. И только дома в тот вечер я вела себя не адекватно. На все вопросы отвечала либо молчанием, либо резкостью. Когда я пришла домой, мамы дома не было, пошла к подруге по какому-то делу. Вот и хорошо! Не сразу увидит пальто, повешенное в уголок за дверь. Бабушка сделала вид, что ничего особенного не произошло. Вернулась мама, сели ужинать. Есть совсем не могу. А мама возьми и спроси: - Почему пальто висит у двери? Взяла его, чтобы убрать в шкаф: - А это откуда? Отталкиваю от себя тарелку: – Ниоткуда, из вагона! Лицо у меня пылает огнем. – Сами ешьте. Спать хочу! Это около девяти - то часов вечера. Часов в десять из-за меня ложатся спать и мама с бабушкой. Потихоньку переговариваются, думают, я сплю. – Скрывает чего-то, а ты не надоедай, - наставляет бабушка маму. – Жалко, пальто... – Ну так что ж? Жалко, конечно, новое. вещь то купить можно или почистить. Мама, вздохнув, соглашается: - В химчистку сдадим. Мамины сестры, Анна и Анастасия, будто сговорившись, ни о чем не спрашивают. А пальто перелицевали и перешили уже в Ашхабаде. Обновленное оно стало более удобным и легким, приобрело изящную молодежную стильность.

Передохнув два три дня, приступаю к работе над курсовой. Все получается на удивление легко и свободно. Спасибо Евгении Николаевней Ершовой, предложившей мне именно эту тему! Сначала я опасалась: тема для меня слишком сложная. Но она, ничуть не сковывая мою инициативу, убедила я справлюсь с работой. Навязчивой опеки тоже не было. Но и без внимания Евгения Николаевна не оставляла меня ни разу. В конце апреля 1965 года, я впервые приняла участие университетской научной конференции. Совершенно неожиданно для меня, мой реферат, основанный на курсовой работе, занял второе место. Первым стал студент четвертого курса Александр Дуличенко. По-другому и быть не могло. Потому что Саша - языковед Божьей милостью. Прошло около десяти лет, и он стал профессором Тартуского университета. Для филолога это большая редкость. Обычно филологи становятся профессорами на шестом десятке лет. Преподаватель истории языка, доцент Елена Александровна Быстрова, кратко резюмировала мою удачу: -Работа на уровне четвертого курса. Жалко, что вы литератор.

С каждым днем учеба приносит новые радости. Кручусь день-деньской, с утра до позднего вечера. Получается все как-то само собой. Однажды поделилась с Олегом Калмыковым своими соображениями на этот счет. Он посмотрел на меня с высоты своего двухметрового роста:

- Смирение в тебе паче гордости. – Смирение? Во мне? – усмехаюсь в ответ. – Вот уж, чего нет, того нет! В этот раз Олег со мной не спорит, понимает «...я не от гордости – от горести так гордо голову держу». [Марина Цветаева-Т.А.]. А горесть во мне-все та же. Избавиться от врожденной хромоты полностью мне так не удалось. Вроде никто ее не замечает, но мне- то иногда взвыть хочется. От обиды и досады. Из-за нее держу исключительно дружескую дистанцию в отношениях с молодыми людьми. Особенно с теми, кому нравлюсь я, или кто нравится мне. Боюсь неискренности, лжи или -еще хуже! – предательства. Не хватало, чтобы кто-то унижал меня жалостью! В значительной степени, моим поведением в молодые годы управляла гордыня, вывернутая на изнанку. Двойной, стало быть, грех. Его-то и имел в виду Олег, говоря о моем смирении. Поняла это и тогда, да истолковала по-своему. Не знаю, был ли мой друг верующим человеком. Но в его лице, в его взгляде было явное сходство с Иисусом Христом. В студенческой среде избегали разговоров о Боге. И не без основания. Ведь за такие речи могли «по идейным соображениям» исключить из университета. С любого курса. Два таких случая помню, хотя произошли они в разные годы.

Запоздало прошу Отца Небесного: -«Господи не поминай мне грехов юности моей!». Потому что все «беззакония мои я сознаю и грех мой всегда передо мной». Покаянный псалом помню почти наизусть. Он стал моей ежедневной личной молитвой. С любовью, надеждой и верой дерзаю просить, Тебя, Боже: «Сотвори во мне сердце чистое!» Позволь ответить на огромное пламя Твоей любви, малой искоркой моего преклонения, любви к Тебе и к людям! Нет в моей ожившей душе ни малейшего сомнения в Твоей доброй воле по отношению к каждому из нас, Твоих детей. Как нет и страха перед Тобой, Милосердный и Всемогущий Авва Отче! Если бы я могла, подобно Тебе простить всех, кто горько меня обидел, то счастливее меня не было бы никого на свете. А может, простить и забыть не одно и то же? А если забыть, то для чего нам дан дар памяти, один из величайших даров Святого Духа? Может быть, надо помнить обиды? Помнить для того, чтобы самим никогда не обидеть никого из ближних своих. Помогите мне, Господи, отличать грех непощения, порожденный грехом гордыни, от естественного страдания израненной души!

3.

На третьем курсе поселили нас в новом, только что сданном "под ключ" общежитии. Снова «с бору по сосенке», шесть человек с разных курсов. Разный возраст и интересы. Поэтому общий язык найти не так-то просто. Стараемся. Не сразу, но удается: ведь весь день и большую часть вечеров мы проводим в аудиториях и библиотеках. По давно укоренившемуся мнению третий курс является самым трудным. И все же, мы успеваем не только учиться. В КВН команда нашего факультета – вне конкуренции, да и в студенческом театре филологи тоже на первых ролях. Однажды наповал сразили жюри и зрителей, пройдя через весь актовый зал в костюмах литературных персонажей. Но главное, конечно, находчивость и остроумие. Тут уж нашим девчатам и парням не было равных! Тексты всех песенок писали сами, используя популярные шлягеры, русские романсы и русские народные песни.

На комсомольских собраниях начинаю появляться все реже и реже, как «варяжский гость». Дерья Байрамкулиев устал упрекать меня за нерадивость в общественной жизни. Устал слышать: -Сам знаешь, некогда мне. Взносы плачу, чего еще? Все равно сижу молча, только присутствую. – Вот и хорошо, а то бы ты такого наговорила! – Считаю, Дерья, что ты меня не видел, раз и навсегда, - Кивает и идет заседать, а мне только того и надо.

Недавно рассматривали персональное дело тихого, неприметного Коли Ковалева. Откуда-то узнали: ходит в какую-то секту, Богу молится. Обвиняют его, горемычного, три «вечных

оратора», закоренелые «задолжники» с километровыми «хвостами» из «неудов». Парень топчется на краю сцены, угрюмо отмалчиваясь. Рядом со мной сидят Саша Дуличенко и Вера Гусейнкулиева. Их смуглые лица горят от стыда и возмущения: - Да что же это такое?! – негодует Вера, морщась как от зубной боли. – Идиоты! «А судья кто?» – довольно громко говорю я. Наши реплики подбрасывают с места по-цыгански горячего Сашу. Он почти кричит: - По Конституции в Советском Союзе - свобода совести. Кому и какое дело до того, верит в Бога человек или нет?! Кто-то начинает аплодировать. Большинство же «честно» отмалчивается. Человек десять голосуют за выговор студенту Ковалеву. И все-таки его, через некоторое время, исключают из комсомола. Затем, автоматически отчисляют с четвертого курса университета. С того дня, ни Сашу Дуличенко, ни меня на комсомольских «говорильнях» больше не видели. Вере Гусейнкулиевой присутствовать на них приходилось. Потому что она была комсоргом нашего курса. Почему не исключили нас с Сашей? Во-первых, отличники, во-вторых, ни на чем нас «подловить» не смогли.

Уже тогда у меня было осознанное желание обрести настоящую веру в Бога. И это желание постепенно становилось все острее. Как ни странно, история с Колей Ковалевым усилила его. Но я так далека от совершенства, что не хватило смелости тогда обратиться к Богу. Поговорить бы с кем-нибудь на эту тему... Лучше, конечно, со священником. Говорят, на старом кладбище, есть маленькая Православная церковь, напротив городской тюрьмы. Ну хорошо, пойду я к священнику, а у него каждый день поминутно расписан, как и у меня. В общем, оказалась я «витязем на распутье», не знаю, что делать. Философия у нас - исключительно марксистско-ленинская, по отношению к религии «критическая» до вульгарного абсурда. По этой и множеству других причин, по всем курсам «гуляют» одни и те же конспекты, составленные по жребию. Мы бы их и не писали, да ведь не допустят даже до сдачи зачетов. Об экзаменах и говорить не приходится. Преподаватели догадывались, принимая студенческий «секрет Полишинеля» якобы за чистую монету. Получалась некая своеобразная игра, в которой не было победителей и побежденных, и от которой не было никому ни жарко, ни холодно.

Парадоксально, но только в журнале «Наука и религия» есть - пусть туманные и расплывчатые - ответы на вопросы о Боге. О роли религии в воспитании морали и нравственности, об истории и культуре человечества. Изредка удается кое-что почерпнуть из других атеистических брошюр и книг, понимая все с точностью до наоборот. Да... книга книгой, а мозгами двигай. Оказывается, двигать мозгами не такое уж и плохое занятие. Благодаря этому умению, данному Богом, на третьем курсе выступаю с рефератом уже по своей специальности по литературе. И снова удача. И снова радость.

4.

На четвертом курсе произошла очень короткая, но запомнившая мне встреча, на которые были очень щедры 1966 и 1967 годы. Не задолго до Декады Украинской культуры и литературы в Туркменистане, я выступила на очередной научной конференции с рефератом «Роман Олеся Гончара «Тронка» (к проблеме жанра)». И вдруг новость: один из участников этой Декады – писатель Александр Терентьевич Гончар, «мой» автор. Поговорить бы с ним о нравственной и морально-этической проблематике его романа! В основе этой проблематики тема болезненного разрыва, полной утраты внутренних, душевных и духовных связей в семьях. Отсюда и пьянство сына и, как последствия этого порока, - сначала нелепое, случайное отцеубийство. А затем, как расплата за содеянный грех – самоубийство Виктора, сына. Грех невольный стал порождением греха по собственному выбору человека. Писатель напрямую о грехе не говорит. В тексте нет даже намека на это. Но читатель все ощущает, по полуявному присутствию этой темы в подтексте «Тронки».

Какой-то чудовищный клубок, о котором умолчать в реферате было невозможно. Но и сказать подробно тоже не удалось, поскольку моя тема - жанр. Прошу своего научного руководителя, доцента Елизавету Иосифовну Степанову познакомить меня с писателем. Смотрит недоверчиво: - Постарайся без подвохов! Что тебе от него нужно? – Мне интересно знать, почему главную проблему автор, как будто спрятал в глубине, в подтекст увел. – Тебе-то это зачем? Сказала о проблеме жанра и хватит. Однако с Олесем Гончаром знакомит. Волнуюсь ужасно. Поэтому свою концепцию излагаю сумбурно. Темно- карие, почти черные глаза глядят на меня внимательно, с нескрываемым удивлением. -Надо же! На русском языке вышел только журнальный вариант, и уже изучается...Степанова сдержанно улыбается: - Обычная студенческая работа. – Не скажите! Девочка, сколько вам лет? – Двадцать три, - с нескрываемой досадой отвечаю я. Знаю, что по виду мне больше восемнадцати, никто не дает. Он не скрывает улыбки: - Радоваться надо, миленькая, молодость быстро проходит. И ведет разговор о том, что встревожило меня. Разговор серьезный и глубокий. Нашей «снежной королеве с русалочьими глазами» столь неожиданный поворот в беседе, похоже, не очень нравится. Но и прерывать гостя не вежливо. Потом скажет: -Вечно тебя куда-нибудь заносит! Придет время, припомнит.

Летом сдаем госэкзамен по научному коммунизму. По существу, это та же история КПСС, только ярлык другой. Сессия идет своим чередом, постепенно приближаясь к научному атеизму. На экзамен иду, как всегда, шепча: -Матка Бозка, помоги мне! В нашей общине церкви «Преображения Господня» в Ашхабаде немало прихожан, которые подобно мне, нашли путь к Богу через научный атеизм. Понимаю, насколько нелепо это звучит, но так и есть. Наши преподаватели атеизма, в сущности, не мешали нашему внутреннему выбору. Иногда казалось, что и сами колеблются между безверием и верой. Какой ценой заплатили они за свои сомнения и колебания, тщательно скрывая их от посторонних, слишком бдительных глаз и ушей? Почему так рано ушли из жизни сначала доцент Анатолий Матвеевич Чиперис, а потом – Ашир Кешиков? Спасибо им за то, что не подавляли наших чувств и мыслей. За то, что, сами того не подозревая, они подготовили наше обращение к Богу. Говорю это и о себе, и о своих подругах: Валентине Стрельцовой, Татьяне Ким, Ларисе Довженко. Мы утоляем свою жажду Бога в возрасте очень далеком от студенческой молодости.

На экзамене по научному атеизму, первым вопросом был вопрос «Католичество». Начинаю отвечать и вдруг слышу за своей спиной реплику: - Чешет не по учебнику! С ума спятила! – Игорь, замолчи, дай послушать! Так... Игорь с Татьяной спорят. Ашир Кешиков жестом урезонивает их, внимательно слушает. После ответа, качает головой: - Вы религию не критиковали, а защищали. Интересно. Жалко не знал, а то попросил бы вас рассказать сокурсникам про Католичество. Библию читали? – Нет. Нам в библиотеках Ее не выдают. Опустил глаза: – И я Коран не читал. В голове промелькнуло: «Ну, пойду сейчас в деканат, за разрешением на пересдачу». – Давайте вашу зачетку. Смотрю, и глазам своим не верю – «отлично». А он кивает как будто бы, так и должно быть. Следующий экзамен - история языка и старославянский язык. Его я сдала на «удовлетворительно»: Перепутала аористы, старославянский и современный болгарский. Да и еще настаивала на своем, споря с Еленой Александровной Быстровой. Она так и сказала: - За ваше упрямство ставлю вам «удовлетворительно». Можете пересдать хоть завтра. – Не могу, Елена Александровна. – Почему же? - Билет на руках. – И где же отдыхать изволите, сударыня? – В Грузию еду. Увы, не за Золотым Руном. Смеется: - Ну и язычок у вас! – Поделом мне, Елена Александровна, пересдавать не буду. – Воля ваша.

Самолет приземляется в Тбилисском аэропорту. До Кутаиси полетим на маленьком самолете Ан-24. В Грузии мы не первый раз. Черное море я впервые увидела в Батуми, где тогда жили наши родственники. Теперь они живут в военном городке недалеко от Кутаиси. Удивительный это город! Похож он на ступенчатую изнутри изумрудную чашу или ладью. Горный ландшафт определил расположение его улиц так, что они параллельно сбегаются к проспекту Шота Руставели. От ветров город прикрыт горами, покрытыми как дорогим бархатом,

реликтовыми лесами. Грузины называют Кахетию сердцем своей родины. Наверное потому, что красив этот край необычайно! Каждый клочок земли зеленеет, цветет и радуется как будто без участия человека, по одной только воле Всевышнего. А как здесь поют! По вечерам в военном городке отчетливо слышится потрясающей красоты мужское многоголосное пение а ля капелла. В напеве есть что-то свободное, вольное, страстное, немного диковатое. Гортанная резковатость голосов смягчается расстоянием. От этого мелодия приобретает необъяснимую изысканность. - Где это так поют? Муж двоюродной сестры отвечает: - В духане. – В духане? В сельской «забегаловке»? - изумлению моему нет предела. – А чему ты удивляешься? Днем люди поработали на славу, теперь отдыхают. – А женщины? Женщины... По неписанному грузинскому этикету, ни одна, уважающая себя женщина, никогда не переступит порога духана. Вероятно, так и должно быть: есть в мудрости всех народов мира высочайший, нравственно -этический, смысл.

В последние годы о нем стараются забыть. То ли по глупости людской, то ли по злой, дьявольской воле разрушают Божественную красоту и в природе, и в человеке. Почему-то стала расхожей фраза Ф.М. Достоевского о том, что красота спасет мир. При этом, все сводится только к женской красоте. Но ведь великий писатель имел в виду совсем другую Красоту, а вовсе не inferнальную, разрушительную красоту Настасьи Филипповны, Полины или Грушеньки. Федор Михайлович понимал, что разрушая себя, красота его роковых героинь уничтожает гармонию мира, сотворенного Богом, бездумно и злобно мстя за свои страдания и амбиции.

Господи, разве для этого Ты с неслыханной щедростью ежечасно делишься с людьми Своей любовью и творческой энергетикой? Это мы сами, только мы, виноваты в том, что отвергая Твое милосердие, платим Тебе и друг другу за добро злом, в худшие минуты своей, в общем-то короткой жизни. На Тебя одного уповаю, верую: Твоя Божественная Красота спасет мир. Убереги нас всех, Отче – меня, моих родных, моих сестер и братьев во Христе, моих дочерей и сыновей во Христе - от всяческих бед! Того же прошу и для своих друзей и соседей. Одному Тебе это по силам. Услышь мою молитву, Господи! Аминь.

***

...Красного диплома «с отличием» мне не видать, как своих ушей без зеркала. – Сама виновата! - чуть ли ни каждый день упрекает староста нашей группы Лариса Довженко. Поймалась на две «удочки». Ну, что тебе стоило, пересдать эту формальную логику и старославянский? Дурь твоя и больше ничего! – Лариса, да хватит тебе. Не будет красного диплома, и не надо. -Ну, конечно! Мы не будем пересдавать. Мы -гордые. Зачем нам унижаться? Лариска явно паясничает, дразнит меня, знает, что в цель попала. Но и я тоже знаю: какой характер дал мне Бог, с таким и помру. Да и от дипломной работы отвлекаться не хочется. Сергей Николаевич Сергеев-Ценский писатель практически не изученный. Потому, что не особенно ладил с советской властью, и она его тоже не жаловала. Так что, до многого приходится доходить своим умом. Не работа, а «именины сердца». Наш с Верой Гусейнкулиевой научный руководитель, доцент и завкафедрой Елизавета Иосифовна Степанова, нас особым вниманием не балует, поскольку забот у нее и без нас хватает. Однажды, «королева Елизавета» будто в шутку сказала: - Девочки, ей - Богу, некогда вас консультировать. И так вся голова замороженная. Вы уж как-нибудь сами. Посмеялись мы с Верой до упаду, и взялись за дело с удвоенной энергией. Справились. Дипломные работы обе защитили «на отлично».

Скоро распределение. Как дальше сложатся наши судьбы? Подруги уверены: со мной все ясно – кафедра, аспирантура, диссертация, ученная степень. Одна Надя Онищенко ядовито напоминает: - Вспомните, куда загремел Саша Дуличенко. В аул, под Дарвазу. Вылила ушат ледяной воды на наши разгоряченные мечтаниями головы. Надя старше нас на десять лет, жизненного опыта у нее несравненно больше, но верить ей почему-то не хочется. «Боже, какими мы были наивными. Как же мы счастливы были тогда!» Про нас, тогдашних, этот романс, хоть и

прозвучал он двадцать с лишним лет спустя. Знать бы, знать бы наперед насколько права была эта язвительная особа! Кто мог предположить, в какое мучение превратится для меня распределение, и каким разочарованием станет так желаемый некоторыми из моих сокурсников «свободный» диплом? Он хорош для тех, у чьих родителей есть связи. И кто сможет устроить своих чад на перспективную должность. Мне, как и Саше Дуличенко, ничего подобного «не светило». К счастью, его судьба сложилась лучше моей.

Целый месяц, ожидая распределения, я по полдня просиживала напрасно в приемной ректората. Распределительная комиссия никак не могла решить, куда же меня деть. Секретарь ректора, каждое утро, увидев меня на пороге, вздыхала: - Господи, когда же кончится это мучение... Ее огромные глаза становились влажными. Практически незнакомая женщина переживала за меня. А мне- то каково было?! Через месяц от меня решили отделаться, выдав мне «свободный» диплом. Умыли руки. Иди на все четыре стороны. Ведь знали прекрасно, что мне с моей далеко не балетной походкой, найти работу будет трудно. Ехать домой, в Байрам-Али? А что там? Городок маленький. Школа - и больше ничего! А примут ли меня дети? Не стану ли посмешищем для них? Вот тебе и аспирантура! Совсем отупела от бессмысленного сидения в приемной. Защитить бы как следует дипломную работу. Господи, дай мне сил! Помоги!!! Ни о чем не думая, расписываюсь на пяти листах. Скорей бы уж все это кончилось! Ну нет: без всякой уважительной причины, без какого бы то ни было объяснения, моя защита диплома переносится с 14 на 28 июня 1968 года. Нервы уже на последнем пределе. -Почему? - спрашиваю Е.И. Степанову. -Тебя подними среди ночи, ты и то защитишься, - улыбается она, поблескивая холодными и впрямь русалочьи глазами. После распределения ее, «царственный» комплимент для меня ровным счетом ничего не значит. - И все же, в чем причина? - Вместо тебя будет защищаться Капельникова. Нет смысла спрашивать, кто принял такое решение. Только бы не заплакать, если даже разорвется сердце!

Дипломную работу защищаю так, что меня хвалит Председатель Государственной Дипломной Комиссии. По его мнению, это почти готовая кандидатская диссертация. Спрашивает, остался ли у меня материал, и как я собираюсь продолжить работу, объем которой должен быть дополнен листов на пятьдесят. Слушая его, успеваю подумать: «На это хватит и одного года. Соберу дополнительный материал в ЦГАЛи, в Симферополе, возможно, что-то есть в Алма-Ате. Только бы остаться в Ашхабаде!» Здесь есть несколько издательств, редакций журналов, радио и телевидение. Где-нибудь найдется место и для меня. За год успею сдать кандидатские минимумы по философии, немецкому и специальности. Таким образом, право на поступление в аспирантуру заработаю достойно и честно. Где буду жить? Живут же люди на частных квартирах. А чем я лучше них? А может, повезет с общежитием, как Свете Бердыевой. Вариант, конечно, не из лучших, но ничего другого в обозримом будущем не предвидится. В конце концов, быт - дело второстепенное. Главное, разумеется, любимая работа.

Глава третья

1.

Планировала я свое будущее полагаясь только на себя, на свои способности и силу воли. Исходила из реально сложившихся к тому времени обстоятельств. Но Бог судил иначе. Он хотел дать мне понять, что мои человеческие амбиции не совпадают с Его планом на мою жизнь. А я не поняла, и в этом моя вина перед Господом. Он и так дал мне столько, Своей Любви, что ее хватило на годы. Кто-нибудь возразит: чудо не может длиться так долго. Чудо – всего лишь

прекрасное мгновение. Может! Просто дар Божьего чуда не всегда так ярок, как нам хочется, Он незрим, и потому его сила так безгранична и велика.

.... Толпимся в полутемном университетском коридоре, около крохотного окошечка похожего на амбразуру дзота. Получаем «корочки» (дипломы) и «поплавки» (значки об окончании университета). Изредка перебрасываемся ничего не значащими репликами старательно избегая разговоров о будущей работе. Возможно, чтобы не спугнуть удачу. Дипломы выдают по алфавиту, и поэтому получаю я свой синий, зато «свободный» почти в конце дня. В приложении к нему все оценки- «отлично», кроме двух «удовлетворительно». Из-за них-то я и не получила красного диплома с отличием. Ладно, все мое – при мне. Для начала поеду в Байрам – Али, отдохну немного. А в конце августа вернусь в Ашхабад, искать работу и сдать документы в отдел аспирантуры.

Очень скоро пришлось убедиться: для меня «свободный» диплом не радость, а камень на шее. Хожу с ним из двери в дверь, из кабинета в кабинет, и все без толку. В приеме на работу мне отказывают. Кто-то, стыдливо отводя в сторону глаза, а кто-то «рубит напрямик»: -С вашей походкой.... Сами понимаете.... Понимаю. Живу на деньги, которые дали дома, потому что подъемных со «свободным» дипломом не выплачивали. С частной квартирой тоже не повезло: деньги отдала днем, а вечером мои чемоданы стояли на лестничной площадке. Хозяйка объяснила: - Сдала вам комнату моего отца, а его взяли, и выписали из «психушки». Слышите, кричит? Действительно, слышу. Прихожу в общежитие. Куда же еще? По чистой случайности, когда я, в очередной раз, меняла паспорт мне по ошибке вместо временной прописки, поставили штамп «Постоянно» Я радовалась чьей-то оплошности. Прости меня, Господи! Чужая ошибка в дальнейшем мне очень помогла.

Обратиться за помощью к кому-то из друзей, ашхабадцев? Но чем они могут помочь, когда и сами находятся в «подвешенном» состоянии, целиком надеясь на помощь родителей? Калмыковы - Олег, Людмила и маленькая Аленка- сами «кочуют», живут по очереди, то у родителей Олега то у отца Милы. Иногда ночью у своей приятельницы Клары Пурлиевой. Квартира большая, но и семья тоже. Каждый день у них кто-нибудь гостит, завтракает обедает, ночует.

Донельзя измученная поисками работы, прихожу к Анне Павловне Войнич, сажусь в продавленное кресло. Она наливает мне чаю: – Выкладывай все, как есть! Отвечаю: -Деньги за квартиру взяли и выставили на ночь глядя. Деньги вернули? -Ну да! Всю жизнь мечтали! -Где ночуешь? -В общежитии, пока студентов нет. А еще у Клары Пурлиевой. -Молодец, Кларка! Ладно, придумаем что-нибудь. Достает из ящика письменного стола сигареты. Курит, что-то обдумывая. -Спасибо, Анна Павловна пойду работу искать. –Сиди! Эх, жаль, живем, как селедки в бочке, а то бы....-Меня вам только не хватает для полного счастья. –Помолчи, дай подумать как следует. Молчу, а что мне остается делать? – Ну вот, -Анна Павловна, докурив сигарету до фильтра, убирает в стол сигареты и маленькую пепельницу. –Приходи завтра после обеда. С первого сентября при университете открывается типография. Малюсенькая и зарплата мизерная, но ничего лучшего пока нет. Директора я знаю давно, хороший мужик. И корректоров у них пока нет. С жильем, попробую. –Как? –Пока обнадеживать не буду, завтра узнаешь.

Утром, на всякий случай, сходила в редакции «Туркменской искры» и «Комсомольца Туркменистана». В молодежной газете меня знают по публикациям. Рады бы взять, но с моей походкой какой из меня разъездной корреспондент? Заведующий отделом писем «Туркменской искры» Матвей Львович Яновицкий идет вместе со мной к главному редактору. –Не возьмет он меня, -говорю дорогой. -Не всем ездить. В редакции и на месте работы полно. Ошибся милейший Матвей Львович: шеф, с грубоватой откровенностью, мне отказал. К Анне Павловне прихожу совершенно растерянная. А она довольная - все уладилось. –Как это?! –Ректору -мировой мужик! Надо отметить, за годы нашего студенчества в Туркменском государственном университете сменилось пять ректоров. Анна Павловна говорила о К. К. Машрыкове, чья подпись стояла в наших дипломах. До университета он, геолог по специальности, работал вице-президентом

Академии Наук Туркменистана. – Жить будешь в общежитии, отдельно от студентов. Смотрю на нее с удивлением. – Ходили мы с Кларой и Олегом к ректору. Сказали, что ты сдала документы в отдел аспирантуры. Он все и решил сразу.

Выделенное мне под жилье помещение – бывшие «умывалка» и туалет. На третьем этаже, поэтому по назначению не использовались никогда. Ничего, жить можно. Если руки приложить, будет даже уютно в моих двух комнатках. Много ли одной надо? Весь день я на работе, вечером – на лекциях. После лекций, до глубокой ночи – переводы с немецкого и работа над рефератом по философии.

Интересный разговор получился при сдаче документов с Тамарой Георгиевной Касымовой, зав отделом аспирантуры. Бегло просмотрела библиографию моей дипломной: – Почему нет работ классиков марксизма- ленинизма? – Они не имеют никого отношения к теме. – Ну и что? Другие включают, потому что не глупее тебя. Т.Г. Касымова жена второго секретаря ЦК Компартии Туркменистана, знает, что сказать, а чего не договорить. – В партию бы вступить тебе не мешало. – Ума от этого не прибавится. То же самое я сказала маме, когда зашел разговор возможности моего вступления в КПСС. Отказалась наотрез. – Иди ты ...! в сердцах посылает меня Тамара Георгиевна куда подальше. Но документы принимает.

Жаль, с Валей Савинчевой видимся теперь редко. Она замужем, работает. Быт заел, как говорится. Глядя на них с Анатолием, решаю, что замуж не выйду никогда. Проблем у них, как у всех молодоженов – выше головы. – Ох, не зарекайся! И ведь напророчила, хотя замужество, в то время, даже отдаленно не входило в мои жизненные планы. Вторично заговорив со мной о парне, которому я нравилась, но сама была к нему совершенно равнодушна, Олег пообещал: – Найдешь какого-нибудь! Из кожи будешь лезть, чтобы из пьяницы человека сделать. – Ну тебя, Олег, некогда мне о пустяках думать. В мае минимумы сдавать. – Оба сразу? – Попробую. Чего время зря терять? Тебе бы тоже..., – Ленив я. Да и нервы что-то совсем развинтились. Может, потом когда-нибудь.

...Первое время не обращала никого внимания на голубоглазого парня с костылем, работавшего в переплетном цехе. – Здравствуйте! – До свидания! – вот и все общение. Он все чаще старается попадаться на глаза. Ну мне-то какое до этого дело? Нет, видно, «капля и камень точит». Заметила в его глазах такую бесприютную тоску, такое одиночество! Не ухожен, почти каждый день не совсем трезв. Сердце защемило жалостью, как тисками. Боже, что со мной происходит? По отношению к себе я жалости не переносила, а тут словно меня подменили. Плохо что выпивает, но, наверное, от того, что никому не нужен. Да разве он один? Исключения буквально единичны. К всеобщему пьянству все давно привыкли. Как и все женщины, я думала: «женится – переменится». У Клары Пурлиевой на этот счет мнение прямо противоположное моему: – Никогда, ничего общего у вас не будет. До развода я тоже в облаках витала. Не пара он тебе, совсем не пара! – Кларочка, добрый он, по глазам видно. Учиться будет, а я ему помогу, – возражаю, чувствуя неубедительность своей аргументации. – Да что вы, сговорились, с Олегом? – Жизненный опыт имеем, тебе по дружбе, добра хотим.

Ну где там! «Уж, если я чего решу ...», шею себе сверну, но поступлю как пожелаю. 15 декабря 1968 года, в присутствии свидетелей Клары Пурлиевой, Олега Калмыкова и еще нескольких друзей, мы зарегистрировали свой брак в ЗАГСе города Ашхабада. В свидетельстве о браке у меня – фамилия мужа. Взяла ее по традиции, чтобы его не обидеть. Жалко было расставаться с девичьей редкой, красивой фамилией, но так делали почти все. Потом, несколько лет спустя, половину своих журнальных и газетных публикаций, я подписывала своей фамилией. К сожалению, Клара и Олег оказались правы. Кроме общей фамилии, и моих бесконечных забот о муже, нас с ним мало что объединяло. Он плохим человеком не был, но его непреодолимое пристрастие к спиртному отравило всю нашу совместную жизнь. Верно, никогда не скандалил. За двадцать семь лет я не услышала ни одного оскорбительного или грубого слова. Многие считали, что мне очень повезло с мужем. Только Господь да я знали, каково это везение на самом деле.

Хмельная беда давно и прочно укоренилась в их семье. Свекровь совершенно искренне полагала: мужчина должен пить. Так и говорила: -Что за мужик, если не пьет? Возможно потому, что и сама частенько выпивала. А на мои возражения отвечала: - Ишь ты, «профессор» ! Не будет по-твоему! Скоро я и сама поняла, в этом гнезде я –«белая ворона», чужак. А как же иначе? Это притом, что жили мы с Володей отдельно, в студенческом общежитии, на моей, так сказать, «жилплощади». Очень хочу найти общий язык со свекровью и золовкой, но нечего у меня не получается. Невооруженным глазом видно, что родные мужа мне совсем не рады. Бог с ними, лишь бы он пить перестал! Против моей учебы он не возражал. Ему и его друзьям собутыльникам это было даже на руку. Видела я это, понимала, но не бросать же из - за них всё, когда до сдачи кандидатских минимумов осталось два месяца. Сдам их, и тогда вплотную займемся «квартирным вопросом.» В студенческом общежитии всю жизнь не проживешь. К тому же, комендант общежития дала ясно понять: чего нельзя студентам, нельзя и моему мужу. Хоть провались со стыда! Пытаюсь как то его оправдать. Пожилая женщина смотрит сочувственно, горестно покачивает головой. От этого мне становится еще стыднее, еще хуже. В комнате взываю к его совести, ругаю. Молчит, хоть тресни!

На работе – то же самое. Не углядишь, где и когда успеваешь «приложиться к бутылке». Упрекают: не могу, мол, на него повлиять! Господи, Боже мой, ведь не для того я на работу хожу, чтобы за ним следить! Взрослый человек, не ребенок В угол не поставишь, не накажешь, как дитя малое. Каждый день прихожу на работу внутренне взвинченная, готовая к обороне. Мое единственное оружие- острый, как бритва, язык. Разумеется, улучшению отношений с людьми, такая позиция, ни в коей мере не способствует. Чаше наоборот. Мой Владимир может работать хорошо. Сделает такой переплет книги или журнала – залюбуешься. Но, только по настроению. А так ... работает «спустя рукава», потому что все мысли другим заняты. Кажется, перестаю понимать, кто я ему –мамка, нянька, жандарм дома, или адвокат на людях. Кто? Как быстро и легко привык он к роли балованного ребенка, опекаемого женой вблизи и тещей из-далека. Иногда не выдерживаю, упекаю: - Чего тебе не хватает? Плохо обут, одет, голоден, не ухожен? Или я к тебе отношусь плохо? Но я ведь тоже человек... -Да я сроду ничего подобного не видел. Хоть кого спроси. А и спрашивать незачем: все, кто знал его до женитьбы, говорили об этом и мне, и ему, и его родственникам. И уж, конечно, между собой.

Никак не могу наладить отношения мужа с его матерью и сестрой. Почему они видят во мне врага? Володя все объясняет очень просто: -Ты –не при чем. Они меня всю жизнь ненавидят. Я и сама успела кое-что заметить, но спрашиваю: - За что? За то, что с костылем хожу. Бред какой – то! А моим тогда что со мной было делать? То-твой, а то-мои! Господи, неужели, такое возможно? До ведь вижу сама, своими глазами. Как и то, что он меня любит. А может, просто хватается, как утопающий за соломинку? Боится пропасть без меня совсем. Мне его жалко до слез: в самом деле, погубят человека его бесхарактерность и пьянство. А это значит, что оставить его, развестись ... Нет! В такой ситуации развод равносителен предательству.

Волей – а больше неволей –приходится воспитывать взрослого мужчину, который, пусть и не намного, но старше меня. Время от времени, задаю риторический вопрос: -Володя, неужели нет, у тебя ни самолюбия, ни совести? До каких пор отдавать пьяные долги твои и чужие? Завтра в горисполком идти, а ты... -Лапочка, да я, честное слово... - Слышала это уже сто раз! Наше заявление на получение квартиры лежит в горисполкоме с 20 декабря 1968 года. Ходим туда периодически, но очередь не продвинулась ни на один номер. Какой была такой и осталась. Скорее бы сдать «кандидатские», чтобы по-настоящему заняться жилищной проблемой! Времянку во время весеннего наводнения подмыло так, что она едва держится. Может, и к лучшему. Процент аварийности этого горе -строения превысил все пределы. Слава Тебе, Господи, работает теперь мой благоверный отдельно от меня! Перешел в типографию Совета Министров ТССР. Подал и там заявление на получение квартиры.

В конце мая 1969 года сдаю кандидатские минимумы. Философию – на «отлично», немецкий язык на «хорошо». Преподаватели говорят, что по два минимума за месяц на их памяти никто не сдавал. Наверное, было такое когда-нибудь, просто они об этом забыли.

Пришло время с полным правом и чистой совестью поговорить с зав.кафедрой русской и советской литературы, доцентом Елизаветой Иосифовной Степановой. Хотя бы почасовиком взяли на кафедру! Ставка не полная, но не в этом дело. Зато будет у меня работа по специальности, диссертацией займусь. На третий этаж поднимаюсь, не сказать, что окрыленная, но и плохого не предчувствую. На долгие вступления к разговору времени нет, поэтому после обмена приветствиями, сразу перехожу к главному: -Елизавета Иосифовна, нельзя ли мне почасовиком? Минимумы сдала, оба. –Знаю, слышала. Но твой хилый, болезненный вид вызывает сомнения в твоей работоспособности. Неужели, ты настолько наивна? Не понимаешь, что без блата не проживешь? Почему мать тебя не может устроить где -то дома? Смотрю в холодные, ледяные глаза. Она ли это?! Та самая, -улыбчиво доброжелательная?! Все правда: и про мой вид, и про то, что у мамы никогда и нигде не было никакого блата. Мое замешательство сменяется обидой, обида - гневом, который я даже сдержать не пытаюсь. – Почему мой вид, целых пять лет, не вызывал у Вас никаких сомнений? Да и моей дипломной, если честно сказать, Вы руководили весьма относительно. Ее лицо покрывается ярко красными пятнами. –Правда. Правда и то, что я, как научный руководитель, больше ничего не могу тебе дать. –Вот это верно, -соглашаюсь я. - Спасибо, Евгения Николаевна Ершова успела многому научить. Встаю и, не попрощавшись, выхожу из кабинета, порога которого я не переступила с тех пор ни разу.

С того дня прошло очень много лет. Много пережито и передумано за эти годы. Всем сердцем, душой и разумом, всей своей жизнью выстрадав веру в Бога, я твердо знаю - надо прощать и любить своих обидчиков, молиться за них. Простила, но забыть не хватает сил. Я искренне любила и уважала доцента Е.И. Степанову. Поэтому так и болит душевная рана, которую она нанесла, напоминает о себе, время от времени, пронзительно и остро. Надеюсь, принятие Таинства Крещения, омоет мою душу, исцелит ее от многолетней боли, избавит от греха непощения. Я принадлежу к тому типу людей, о которых сказано: «...я действительно верю, что вера призывает разум. Но похоже и разум нуждается в вере, потому что, если ее нет, он лишен основания.»⁴

Авва Отче, через Сына Твоего Иисуса Христа, дай мне широты сердца, открытости души и разумения! Страшно, когда ученик предает учителя, как Иуда Искариот предал Иисуса Христа. Но разве не ужаснее, когда тот, кто тебя учил и кому ты верил, предает тебя? Не важно, почему: по своей недоброй воле или под давлением обстоятельств. Иисус Христос не погубил ни одного из тех, кого дал Ему Бог.

Через пятнадцать лет, прошедших после того злосчастного дня 1969, ныне покойная, Юлия Николаевна Богданова сказала мне: - Я была у Лизы Степановой за две недели до ее смерти. Хочешь знать, что она мне сказала? – Зачем? Нужно ли мне это знать, Юлия Николаевна? – Нет, Таня, послушай: -Юля, это я Татьяне Целемецкой жизнь изломала. Она пятнадцать лет со мной не здоровалась, будто и не знала меня никогда. Скажи ей, Юля, прошу тебя. Ну вот, я и сказала.

Боже, хватило у Елизаветы Иосифовны мужества и силы духа покаяться. Дай же их и мне, чтобы я в молитве за усопших, без горького осадка в душе, упоминала ее имя! Потому что, и у доцента Степановой я чему-то научилась. Утешь ее и меня даром Милосердного прощения. Через сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа.

2.

---

⁴ Рэдклифф Тимоти. Генеральный Магистр Ордена Проповедников. // «...Я называю вас друзьями.» пер. с фр. О. Диячковой, Киев, Изд-во «Кайрос», 2004г., стр. 83

Больше меня с университетом ничего ни связывало, кроме друзей, с которыми можно было общаться не только в его стенах. Работать корректором за чисто символическую плату, не имело смысла. Муж Евгении Николаевны Ершовой сказал, что в Научной библиотеке Академии Наук Туркменистана есть места в отделе иностранной литературы. Ну что ж, в Академии тоже есть аспирантура. Попробую попытаться счастья там. Значит, комнатку в общежитии университета придется освободить. В зарплате я практически ничего не выигрывала. Зато справку о знании иностранного языка потребовали. Принесла, ту самую, о сдаче кандидатского минимума по немецкому языку. Остальные сотрудницы нашего отдела закончили инъяз по специальности английский язык. Мне, кроме немецкого языка, приходилось заниматься, в общем-то не сложными переводами со славянских языков. Тут меня выручило то, что на втором курсе я занималась контактами этих языков. По правде сказать, работа библиотекаря меня не увлекала но ничего лучшего не предвиделось. В своем отделе мы жили и работали дружно. За это нас недолго любили сотрудники других отделов. Впрочем, в коллективах исключительно женских, такие отношения не редкость. Сложилось так, что проработав по году, мы, все трое, покинули библиотеку. Кроме того, русскоязычными проблемами Институт языка и литературы АН ТССР не занимался. Пришлось мне вернуться в университет, на должность старшего лаборанта с прикреплением к библиотеке.

Зима 1968 –1969 года выдалась очень холодной и снежной. А весной очень резко потеплело, что и вызвало селевой поток с гор. Жалкие, похожие на сарайчики «временки», покосились, грозя рухнуть на головы своих многострадальных обитателей. К их числу относилась и моя свекровь. Разумеется, жить втроем в таком «домовладении» абсолютно невозможно.

Радоваться бы надо - ребенка ждем! А тут –все одно к одному! Сказалась длительная усталость, недосыпания, невероятные физические и нервные нагрузки на работе и дома. Хотя, какой для меня дом временка, в которой я постоянно чувствую себя посторонней? Муж не обижает, не грубит, но и защиты от него не дождешься. Пьют с матерью украдкой друг от друга и от меня. Не знаю, легче ли от этого им, а мне –совсем не вмоготу. Сама его выбрала, мне и крест свой нести. Стало быть, все проблемы –мои, на всю оставшуюся жизнь.

Хлопоты по квартирному вопросу, продолжались бы еще не меньше пяти лет. Но однажды в читальном зале библиотеки Академии наук меня увидел мой школьный товарищ Александр Е. Ташу я наверх, на второй этаж маленький, но тяжелый каталожный ящичек. Иду и думаю: « Не выронить бы его, или самой не упасть!» Догнал меня Шурик, понес ящичек. Пригляделся и спрашивает: -Что с тобой ? Сама на себя не похожа. Что-нибудь не так? –Не хочу я об этом. -О чем не хочешь, не говори. Квартира есть? –Нет . Кто мне ее даст? С какой радости? –Та-ак..., Давай–ка, отойдем в сторонку, к окну. Внимательно слушает, и вдруг предлагает совершенно безумный ход: -Напиши Брежневу! –Шурик, да ты что?! -Я уже тридцать лет Шурик. Вы по закону имеете право. Пиши все, ничего не скрывай. А то, знаю я тебя, жаловаться не любишь. Прости, некоторые поздоровее тебя .... От моего взгляда, он на минуту замолкает. –Да не тарашь на меня глаза! Сколько можно мучаться? Тебе теперь не только о себе думать надо. Другого выхода нет.

–Шурик, здесь оно застрянет, письмо это. -Пошли с уведомлением. Адрес - проще простого: Москва, Центр, Старая площадь, 6, ЦК КПСС. Не медли, нечего зря время терять и нервы трепать. -Шурик, я беспартийная. Принципиально. –Тем лучше.

Ни иначе, как Сам Бог, послал мне навстречу, убежденного атеиста, научного сотрудника Института марксизма-ленинизма, при Центральном Комитете Коммунистической партии Туркменистана. Парадокс! Если да, то из тех, которые называются чудом Господней. Вечером пишу письмо в ЦК КПСС, на имя Леонида Ильича Брежнева. Подобные послания пишутся в порыве крайнего отчаяния, дальше которого идти некуда. Муж сидит на диване молчит, смотрит на меня с удивлением и страхом. А свекровь злорадно «подбадривает»: -Пиши! Пиши! Вон

сколько бумаги извела, а толку –шиш. Допишешься –посадят. -Вот и хорошо, все равно, хуже не будет. Хуже быть уже не может,- откликаюсь, продолжая писать. Перо бежит по бумаге, оставляя на белом листе чернильные следы всего, что наболело и накипело во мне за два с лишним года семейной бездомности. Завтра письмо уйдет в Москву, а там- будь что будет. Через десять дней пришло уведомление о получении письма по указанному адресу. Скорее бы ответили! Нервное напряжение превысило все возможности, силы на исходе.

Ничем, кроме беды, это кончиться не могло. На шестом месяце, у меня произошел выкидыш с осложненным положением плода. Должен был родиться сын. Домой я вернулась через неделю с опустошенной, выжженной душой. Видеть никого не хотела. Галя Рябова утешает: -Не убивайся ты так! Тебе всего двадцать шесть лет. Вот получите квартиру, рожай тогда хоть десяток. Хорошо Гале говорить: у неё –двое детей, и Виктор, не то, что мой великовозрастный младенец. Украинцы в таких случаях говорят: «Бачили очи, шо куповалы.» Ответ из Москвы приходит, но не нам, а в райисполком. Приглашают нас туда всех троих, свекровь мужа и меня. –Лед тронулся! –радуется Нина Аленочкина, а у меня и для радости уже нет сил. Иду к директору отпрашиваться. Надоела я ей своими отпросами, ворчит но отпускает.

Зампред райисполкома Аман Аллаев достаёт мое письмо и начинает читать. –Не читайте, пожалуйста, я сама его написала, знаю, что там. Хотелось бы увидеть резолюцию. –И не страшно Вам было туда писать? -Нет, мне терять нечего. Тридцать седьмой год давно прошел. Едем смотреть нашу времянку, чтобы составить акт о сносе аварийного домовладения. Вместе с Аллаевым садятся в «Волгу» две сотрудницы исполкома. Но дома всех ожидает такой «сюрприз», от которого впору с ума сойти! Времянку моей свекрови давно переоформил на себя ее бывший гражданский муж, с которым они не живут уже несколько лет. Естественно, свекровь эта новость потрясла больше, чем нас. Кричит: -Как ?! Где?! Ей показывают запись в личной домовой книге. –Вот посмотрите. Бедная она, бедная! Носила эту книгу с собой, чтобы я не прописалась на ее территории. Видит Бог, не посягала я, даже в мыслях, на ее жильё никогда. Зачем зависеть от человека, который видит тебя врага? -Ну вот, а Вы в Москву писали, укоряет меня зампред райисполкома. –Как видите, времянка - не ваша. –Где написано, что она моя? -придираюсь я к слову. –Век бы ее не видеть! Женщины понимают: не видеть бы мне не только времянку, но и свекровь. А она вдруг начинает ругать всех без разбору –сына, меня, членов комиссии и больше всех А. Аллаева. Выкричавшись, замолкает. Мой муж воспользовался паузой: -А кто же хозяин? – Христич Константин Иванович. –Он здесь давно не живет. А еще его судили. -За что? спрашивает Аллаев. –Шофер он, человека сбил. -Нет худа без добра, -вздыхает одна из женщин. –Завтра, к одиннадцати утра, приезжайте райисполком. Приезжаем. Свекровь ведет себя еще хуже, чем дома. Стыд какой, хоть провались!

Ей предлагают покинуть кабинет, а нас останавливают: -Как-нибудь уговорите ее написать заявление на квартиру. Постарайтесь, вам же это нужно. И нам тоже. А. Аллаев через стол протягивает мне мое письмо с резолюцией из Москвы: «Предоставить жилплощадь в течение двух недель. Об исполнении доложить.» Далее -номер телефона и подпись. Господи, Боже мой, собственным глазам не верю!!! Зампред райисполкома, дав мне немного успокоиться, говорит: – Поезжайте в нарсуд, привезите выписку из решения суда. Без нее нельзя выписать гражданина Христича. Формально домовладельцем является он. Квартиру тоже придется дать ему, а он, если захочет, пропишет вас на свою жилплощадь. – Сумасшедший дом какой-то! -срывается у меня с языка. -Согласен, - кивает головой Аллаев. -Привезете выписку, хозяйкой станет свекровь . Не завидую я вам, -сочувственно говорит Яна Петровна Свиридова, которой тоже досталось от матери моего мужа. Езжайте за выпиской сейчас, советует Аллаев, -все равно с работы отпросились. Я позвоню судье, чтобы долго вас не задерживали.

У входа в здание народного суда, нос к носу сталкиваемся со свекровью. Нас пропускают в кабинет судьи, а ее оставляют в коридоре. Примерно через час, приносим справку «по месту требования». Осталось убедить нашу «домовладелицу», чтобы она написала заявление на получение жилплощади. Только бы согласилась! Сын пытается ее убедить: -Подумай, не сегодня-

завтра, времянка рухнет на голову. Насупилась: -Ну и пусть! Тебе надо, не мне. Пусть твоя краля пишет, куда хочет! Володя выходит во двор, и минут через двадцать возвращается. Шепчет: -Я водку купил. -Зачем? -Затем. Выпьем сейчас вместе с ней, и уговорим. - Я не буду. -Придется, за один раз ничего с тобой не делается. Прав оказался- выпила свекровь рюмочку- другую и нашло на нее благодушное настроение. Странно, я словно не водку а воду пила потому что совершенно не захмелела. Мать мужа улыбается: -Пиши, ты у нас мастер писать, а я подпишу. -- Нельзя мне писать, надо чтобы ваш почерк был. Если хотите, я продиктую. Диктую, а она полчаса выводит четыре строки. Затем, старательно поразмыслив, ставит корявую подпись. - Отвяжитесь вы от меня! Надоели. Никуда я больше с вами не пойду. Уверяем: - Никуда больше идти не надо. Заявление отвезем, а им лишь бы отчитаться. Собирается наша благодетельница, и уходит ночевать к своей дочери моей золовке. Слава тебе, Господи! Сделала доброе дело и для себя, и для нас.

Как только за свекровью закрылась дверь, Володя спрашивает о том, о чем не спрашивал несколько дней: -Из - за чего вы с ней сцепились? -Когда? -Когда ты только из больницы пришла. Никогда я тебя такой не видел. И мать от страха тряслась. -Было и прошло. -Не хочу я об этом говорить! Сердце у меня с того вечера стало побаливать. Не трогала бы она меня тогда, не била по самому больному! Началось все с какой-то мелочной, ничтожной придирки. Изо всех сил я старалась отмолчаться, но свекровь меня допекла, достала. Кончилось тем, что я тихо и спокойно пообещала: -Сожгу я вас заживо вместе с вашей проклятой времянкой. Она взвизгнула и попятилась от меня: -Сожжет ведь, зараза, сожжет!!! С того вечера, она больше не решалась провоцировать меня на ссоры. Боялась. Помиловал нас Господь обеих! Мать мужа Бог спас от вполне возможной гибели, а меня от греха страшного убийства, который я бы не смогла простить себе всю оставшуюся жизнь.

Четвертого сентября 1970 года с багажом, состоящим, из двух чемоданов, десятка книг и старенькой тумбочки, мы переехали в новый дом, в нашу первую и единственную квартиру, где мы с моей мамой живем и сейчас. Улицы еще не было и в помине. Наш дом, как маяк, гордо возвышался над песками. Соседние дома строились уже на наших глазах с необычайной быстротой. Мама приехала к нам, чтобы помочь в уборке квартиры от строительного мусора. Какой огромной показалась мне пустая комната площадью в 18м²! Обставили мы ее очень скромно, по своим средствам. И убедились, что она совсем маленькая. Я сразу написала заявление на установку телефона. Володя с мамой, посмеивались: какой, телефон? Пески кругом. На городской телефонной станции ничуть не удивились и заявление приняли: - Первое по одиннадцатому микрорайону. Через полтора года мы уже звонили со своего телефона маме, друзьям и знакомым. Обычно очереди на установку телефонов ждали по десять- двадцать лет. Свекровь получила отдельную квартиру, все хлопоты о которой опять легли на нас.

Немного пришли к себя, решив «квартирный вопрос», который не только «москвичей испортил.» Сидим на своей открытой веранде, радуемся. Дождь идет проливной, но мы обретаемся под собственной крышей, ни от кого больше не зависим. Володя курит, думает о чем то, глядя на огонек сигареты. Я размышляю вслух: - Спасибо Шурику. Если бы не он, трепали бы нам нервы не два с половиной года, а неизвестно сколько лет. Подумать только, за три недели все решилось.... Да еще как! Отдельно живем: Муж кивает. Дальше думаю молча: «Конечно, письмо вряд ли попало на глаза самому Л. И. Брежневу. На Старую площадь, 6 такие письма приходят мешками. Не иначе, сжалился Господь над всеми нами. Больше всех –на до мной... Помог! И через кого? Через Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза! И в райисполкоме тоже повезло. Замперд Аман Аллаев оказался доброжелательным, все понявшем человеком. Кое –кто скажет: по команде из ЦК раздобылся. Нет. Благодаря Божьей милости появилось в нас терпение и настойчивость, которые помогли нам добиться своей цели».

-Володя, надо бы с твоими помириться. Смотрит как на сумасшедшую: -Больше тебе ничего не надо?! Ну их! -Накручиваешь ты сам себя. -Нет, нет и нет. Слышать больше об этом не

хочу! Никогда! Вот так! В который раз моя миротворческая миссия потерпела полное фиаско? Придется принять все, как есть. « В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Остается только надеяться, что с Божьей помощью, время сгладит болезненно острые углы родственного отчуждения.

3.

Девятнадцатого августа 1970 года, почти накануне своего дня рождения, делаю себе подарок: увольняюсь из Научной Библиотеки АН ТССР. А четвертого сентября того же года, переехали в новую, свою квартиру. Работать вернуться в университет, договоренность уже есть. Должность - старший лаборант, место работы – библиотека. Кроме меня, там же старшими лаборантами работают Акбиби Юсубова и Валентина Пестрякова. Валентина иногда шутит:- Находимся мы, девчонки, в почетной ссылке. Хорошо еще коллектив добрый. На почет мы с Бибишей согласны, а вот, в отношении ссылки, сомневаемся. Бывало и хуже. По сравнению с Академией Наук, на курорте находимся. А в личной жизни – без перемен, как у Э. М.Ремарка на Западном фронте. Что не каждый день мой муж «в подпитии.» Не то, чтобы сильно пьян, но повод для упрека в мой адрес, у людей всегда наготове: - Не можешь ты на него повлиять! Старюсь, как могу, но ведь он - не ребенок, мужчина, которому уже за тридцать. Изворачивается, лжет, скрывает свои пьяные долги. Но «шило из мешка», время от времени выскакивает. Первое время из гордости отдавала эти долги, а потом сказала «добреньким» людям : - Вы же знаете, для чего он деньги занимает. Зачем даете? Не хочу я больше ничего слышать. Разбирайтесь сами!

Громких скандалов у нас не было никогда, потому что на мое возмущение, он отвечал упорным молчанием, глядел при этом в пол. Изредка поддразнивал: - Лапочка, настоящей злости в тебе нет. «Запал» кончается через пять минут. Соседки его даже оправдывали: - Да все они, мужики, пьют. Твой-то не скандалит, любит тебя. Сама не знаешь, чего хочешь. Еще как знаю! Устала платить долги за него и его собутыльников. А больше страдаю всего от стыда, от незаслуженного унижения. Злоупотребляет безответственный человек моим самолюбием, терпением, умением «делать хорошую мину при плохой игре». Похоже, моему Володе очень нравилась роль баловного ребенка, быстро привыкшего к заботе, комфорту, вниманию. Обидно тянуть моральную лямку за двоих, Но, видно, таков был план Господа Бога на его и на мою жизнь. Мой характер позволяет тащить этот воз. Но радости от того, что муж за женой, как за каменной стеной, нет. Не может быть никогда, ни у кого. Разумеется, никому никогда на свою судьбу не жалею. Сама взвалила всю ответственность на свои плечи. Не я одна такая героиня: нас, женщин с подобными характерами, – сотни, а может, и тысячи. Эмансипация довела! Ох, ошибся Карл Маркс! Не всегда «бытие определяет сознание». Улучшение условий жизни не останавливает людей от пьянства. Чаше, оно наоборот, прогрессирует. Это теперь, оглядываясь на прожитое и пережитое, я формулирую проблему очень четко. Тогда же надеялась на лучшее. И вторая беременность закончилась у меня выкидышем на третьем месяце. Он, тихоня, во всем виноват! Одно у него оправдание: при живых родственниках, он никому, кроме меня, не нужен. Сам говорит:- Без тебя умру под забором. Как же я могу оставить его без поддержки, такого слабого, в сущности, одинокого человека?

Летом 1972 года от рака умирала его мать. Узнав о страшной болезни, мы немедленно поехали ее навестить. Жила она тогда у дочери, сделав, так называемый, съездной обмен жилплощади, о котором мы ничего не знали. Едем, а Володя ворчит: - Здорово моя сестра на нашем горбу в рай въехала! -О чем ты? - недоумеваю я. – Им так удобнее. Он возражает: - Нашла кого защищать! Мало ты от них натерпелась?! – Ладно, Бог с ними. Лишь бы ты... - Что, я?! - Сам знаешь. Разговариваем со свекровью. Золовка, громким злым шепотом, говорит своей дочери подростку: - Эта чего явилась?! «Эта», разумеется, я. Людмила пытается остановить мать:

- Что она вам плохого сделала? Посмотри, какой Вовка нарядный. Раньше... -Замолчи! - обрывает мать. Свекровь слышит их диалог: - Перестань дочка! А ты, сынок, Татьяну слушайся... С характером она... С ней не пропадешь... А ты, сношенька, прости меня, дуру... Гордая ты, потому и терпела... Один только раз не выдержала. По ее щеке катится крупная слеза. -Вы меня простите, ради Бога! Поправитесь, и будем жить по-другому. В висках у меня застучали крохотные молоточки: «Господи, какая же она несчастная! Злилась на всех, завидовала, горе в водке топила...» - Кто я такая, чтобы иметь право не простить? Бог простит нас обеих. – Хорошо, -успокоено прикрывает она глаза. Обещаем навестить ее в ближайшее воскресенье. Не успеваем: в ночь, с пятницы на субботу моя свекровь умерла. За мужа и за нее молюсь каждый день, и надеюсь, что в Царстве Небесном, они обрели примирение, которого у них не было в земной жизни. Боже, молю Тебя через Иисуса Христа, даруй им Свое Милосердие и прощение. Услышь меня!

Отдохнуть! Отдохнуть! Иначе просто не выдержим. Денег у нас маловато. Но на месяц житья в крохотном поселке Лазаревское, в ста километрах от Сочи, хватит. Володя нигде кроме Ашхабада, никогда не был. Поэтому трехчасовой перелет до Адлера для него – целое событие. Воплощение мечты, которой у него никогда не было. На нее не хватало ни фантазии, ни смелости. От Адлера до Лазаревского летим на пассажирском вертолете. Внизу проплывают зеленые Кавказские горы и синее-синее Черное море. Муж не дышит: по его широко распахнутым, как у ребенка глазам, видно насколько потрясла его Божественная Красота природы. Я была на Кавказе не раз, но и мне передается его настроение. Месяц пролетел, как один день. Домой мы вернулись, отдохнувшие, заметно окрепшие телом и душой. Жить бы, да радоваться. Но... «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него», написал Владимир Галактионович Короленко в одном из самых трагичных своих рассказов «Страсти-мордасти». Очень давно написал. А ведь как - будто про нас. В правдивости его слов, я скоро убедилась самым жестоким образом.

30 октября 1972 года, я в последний раз видела своего друга Олега Калмыкова. Пришел сказать «До свидания», перед отъездом на постоянное жительство в Симферополь. Думали встретиться в Крыму следующим летом. Калмыковы будут там жить, а мы отдыхать. 4 ноября через пять дней, на одной из Симферопольских улиц его сбила машина. Сообщил мне об этом наш общий приятель Володя Малютин. Невозможно было поверить, что нашего Олега, красавца, умницы, любимца всего факультета и верного друга больше нет. Спросила Малютин: - Ты ничего не путаешь? Возможно, просто тяжелые травмы? – Если бы... Геннадий Николаевич, Мила и Сергей Щербаков срочно вылетают в Симферополь. – А Татьяна Ивановна? - С постели встать не может. Сразу совершенно оглохла. – Что случилось? – вопросительно смотрит на меня Анна Тимофеевна Воробьева. – Олег Калмыков погиб. – Не может быть! Вы же на-днях с ним разговаривали в коридоре. - Не знаю, пойду, спрошу у Дерья и Ляли. Может, они что –то знают. -Идите, все равно вы сегодня работать не сможете.

В комитете комсомола уже сидят Лариса Прокопенко, Дерья Байрамкулиев и Володя Малютин. – Если бы не Олег, - Дерья нервно трет гладко выбритую щеку. У каждого из нас таких «если» наберется не меньше десятка. Говорим негромко, перебивая друг друга, как будто торопимся сказать Олегу то, что не успели сказать, когда он был рядом с нами. Парни замолкают, а мы с Лялей плачем. И кажется нам, Олег слышит наши голоса и видит наши слезы. А мне вспоминается горькое предсказание Олега: так и есть, не жена я, а молодая «мама» своему мужу. Господи, есть ведь в нем и хорошее: добрый, отзывчивый, многое умеет делать так, что залюбуешься. Когда захочет. Стараюсь отвлечь его от бутылки. Ходим на концерты, не пропускает ни одного нового фильма, и двери у нас для друзей открыты. Также, как и у них для нас. Вместе празднуем, вместе и заботы делим. Так нет же! Ему обязательно хочется выпить украдкой. Пьет на работе, и дома, никак не уследишь, где и когда он успевает это делать. Оправдания придумывает -одно другого нелепее. Слушать совестно, а приходится его защищать. Честно говоря, надоело быть адвокатом неправедным. Говорю ему все чаще и чаще: - Не

любишь ты меня, потому что все мои усилия ни в грош не ставишь. Позоришь перед людьми. Хоть бы Бога постыдился! Ведь ты - крещеный, не то что я. – Бо-о-ог?! Что мне твой Бог хорошего сделал?! Новые ноги приставил тебе или мне, а?! От его озлобления мне становится жутко: - Прости, Господи, дурака! Мелет, не соображает что! На глазах у меня закипают слезы: - А меня, тебе, дураку, кто дал? И впрямь: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Замолчи сейчас же! Ты, один ты, во всем виноват! Привык все сваливать на родню и на меня. Они – плохие, а я - ломовая лошадь. Одному тебе все можно. Хорошо устроился! Да, я молюсь Богу, давно молюсь. Может быть, неправильно, но уж как умею - от души. Он все равно слышит. Один ты никого не хочешь, ни слушать, ни слышать. Настоящих друзей у тебя не было, и нет. Одни собутыльники. Много я тогда наговорила ему от отчаяния. А что, если от гордынихватила через край?

Не знаю, насколько бы еще хватило у меня терпения. К счастью, Господь услышал, послал мне отдушину - востребованность по специальности. Вместе с ней появился и приработок к небольшой зарплате. Время от времени, кто-нибудь из подруг или сотрудниц приводит ко мне студентов–заочников. Пишу за них, на заказ, контрольные, курсовые и дипломные работы. Иногда редактирую диссертации. Занимаюсь, мягко говоря, делом не совсем законным. За счет сна и отдыха. Мой «конек» - гуманитарные науки, медицина и биология. В точные науки и технику не лезу, потому что в них, ровным счетом, ничего не смыслю. Между собой мы называли эту работу «халтуркой». Но какая же это халтура, если человек работает на «полную выкладку» в предельно сжатые сроки? Для себя и то так не старались. Во-первых, потому что времени на свои работы было больше, а во-вторых, заочники нам за работы платили. Не хотелось ронять свое профессиональное достоинство. Позволю себе сказать, что за работу, сделанную мной оценок ниже «хорошо» никто не получил. Мои клиенты говорили: - Не ответил (или не ответила) на вопросы, заданные помимо дипломной работы. Вашей вины в этом нет.

Был у меня при этом еще один, чисто психологический нюанс. Из-за той фразы, Е.И Степановой, которая, как заноза, засела в моем мозгу: «Твой хилый, болезненный вид...» Ладно, -думала, -дорогие мои несостоявшиеся коллеги, я вас так за нос повожу - ахнете! Боже мой, какой кураж я при этом испытывала! Более того, эта работа расширяла мой кругозор и совершенствовала профессиональное мастерство. Разумеется, мы «негры» -мистификаторы обманывали Советское государство. Но оно само подталкивало нас к подобным действиям тем, что не пожелало использовать наши знания достойным образом. И все-таки, один раз попутал меня лукавый. Написала работу за Людмилу Ш. на тему: «Философское содержание романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». А научным руководителем у нее был доцент Николай Николаевич Ершов, с которым мы подружились еще в бытность его аспирантом. Коля частенько вспоминал: - Была у меня одна дипломная по «Карамазовым». Заочница, а как написала! Как ты думаешь, хороший я научный руководитель? Слушала, я его, слушала, и однажды не выдержала: - -Николаша, эту работу и реферат к ней не Людмила Исааковна написала. -А кто? - Я. Черновики, само собой разумеется, отдала заказчику, ее мужу. А она, молодец, на все дополнительные вопросы ответила. И в результате получила «отлично» Смотрит, как громом пораженный: – Шутишь?! – Такими вещами, мой дорогой, не шутят. Диплома можно лишиться. Да... «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» [М.Ю. Лермонтов. – Т.А.] –То-то наша Джейн, сестрица моя, уже тогда заметила какой-то подвох, когда я дал ей почитать эту работу. – Евгения Николаевна всегда «зрит в корень». Ей я обязана умением работать. Передай привет ей и Алексею Владимировичу. Их от души уважаю. А тебе, доцент, по дружбе, от всего сердца желаю стать профессором. Дружим с Николаем и Аллой Ершовыми до сих пор. Ничто этой дружбы не омрачает. Доцент Ершов стал профессором, благодаря своей эрудиции и фамильному ершовскому трудолюбию. Бог милостив ко мне и моим друзьям, не смотря на все наши ошибки, заблуждения и грехи. Они молятся за меня в Православных храмах, а я за них – в Католической церкви Преображения Господня в Ашхабаде.

Глава четвертая

1.

Вспоминая свою жизнь, прихожу к выводу, что составила она не только из страданий, но в значительно большей степени, из радости преодоления их с Божьей помощью. Моя жизнь четко разделилась на «до» и «после» за один день – 9 сентября 1974 года, точнее, за какие-нибудь полчаса этого дня. День был солнечный, по-летнему жаркий, но что-то с самого утра не давало мне покоя. На работу пришла встревоженная. Ох, как много карточек «на ребре»! Не хочется мне, совсем не хочется, ходить по городу в поисках недостающих журналов и газет. Если очень повезет, принесу не больше двух-трех экземпляров. Как бы хорошо не пойти! И что мне чепуха какая-то в голову лезет? Дело-то ведь обычное. По улице Гоголя не пойду: слишком она широкая и движение там очень оживленное. Как назло, возвращаюсь с пустыми руками, нигде ничего не нашла. Сворачиваю на тихую улицу Подвойского, дохожу до горисполкома. Все перерыто – строят мемориал в честь борцов революции. Вот и переходный мостик из двух досочек, перекрытых небольшим служебным автобусом. Придется стоять на жаре, ждать, когда он уедет. Может здесь и до вечера простоять! Поворачиваюсь к автомобилю спиной, успеваю сделать несколько шагов и – падаю на асфальт сбита с ног, этим же автобусом движущимся на медленном ходу. Правая рука откинута в сторону. От обжигающей боли вскрикиваю. Жжет повыше правого локтя, слышится легкий хруст. Пытаюсь подняться, по привычке опираюсь на правую руку. Но почему кисть правой руки стала маленькой, как птичья лапка, и совсем слабой?! А что это за синий бугорок выше локтя? В голове мелькнуло: как Олег Калмыков. И тоже на тридцать первом году. Боже, только бы не потерять сознание! С собой у меня нет никаких документов.

Какие-то люди, выскочив из автобуса, быстро втаскивают меня в машину и привозят в областную больницу имени Н. Семашко, которую в городе называют просто «первой поликлиникой». Сажу в коридоре, рядом с позеленевшим от ужаса водителем злосчастного автобуса. Он что-то говорит, но я его почти не слышу из-за сильной боли. Рентгеновский снимок сделали быстро. Еще быстрее, как-то наспех, наложили легкую гипсовую лангету, едва прикрывшую место перелома. Шофер твердит одно и то же, как заклинание: - Дети у меня, трое. – Не бойтесь, жаловаться не буду. Произошел несчастный случай – и все. К слову сказать, он не навестил меня ни разу, ни в больнице, ни дома. Зато, после моих слов, заметно успокоился. Меня привели в палату. Женщина, которая сидела рядом со мной в автобусе, спросила: - Кому сообщить? Называю место работы свое и мужа. Не проходит и часа, как он появляется в палате. – Володя, как ты успел так быстро? – Они меня привезли, тот автобус. - На работе знают? – Знают. - Думаю, месяца через полтора, перелом срастется, и гипс с меня снимут. А домой выпишут, в крайнем случае, через неделю. Лучше бы левую руку переехал. В тот день от гибели меня отделили каких-нибудь двадцать пять, тридцать сантиметров, подаренных мне во спасение Господом Богом.

Выписали меня даже раньше, чем я предполагала, дня через четыре. Профессор И. В. Березин, не посчитав случай сложным, коротко распорядился: - Выписать. Молодой палатный врач нерешительно возразил: - Иван Васильевич, у нее – болезнь Литтля. - Мало ли что... – Молодая, худенькая. Срастется. Естественно, домой уйду успокоенная. Подумаешь, перелом руки! У кого их не было? Гипс снимут в поликлинике по месту жительства. Значит, и правда, ничего страшного. Когда пришло время снимать лангету, соседка посоветовала: - Вызови на дом врача. Дома снимет. Как ты с гипсом пойдешь? Вытащили руку из гипса, и она сразу же прогнулась вниз. Как- будто, на месте перелома, появился второй локоть, повернутый прямым углом вверх. - Ложный сустав, - констатирует хирург. И снова одевает на меня распиленную

лангету. – Чтобы легче разрабатывать, парьте в горячей воде. - Доктор, мне противопоказаны горячие процедуры. И сращения, по-моему, нет. – Грамотные все! – недовольно обрывает она, – Что говорят, то и делайте. Делаем. Больно так, что чернеет в глазах и голова идет кругом. – Нет, - говорю я мужу, -Хватит с меня!

Вечером звоню Эмилии Николаевне Волобуевой. Мы вместе работаем, а ее муж Юрий Михайлович – известный в Туркменистане нейрохирург. Заведует кафедрой нейрохирургии в Туркменском государственном медицинском институте. Лучшего консультанта в Ашхабаде не найти. Выслушав меня, она зовет: - Юра! Через несколько секунд голос, похожий на юношеский, сообщает: - Консультирую по субботам. Хорошо бы увидеть последние рентгеновские снимки. В вашей поликлинике успеют сделать за два дня? – Попрошу, может успеют.

Я ни в коем случае не хотела, чтобы мама узнала о случившемся: потому что в то время она ухаживала за заболевшей бабушкой. Ее встревожило то, что от нас не было писем несколько дней. И она позвонила по телефону. Сказала ей, что просто сломала руку, и что страшного ничего нет, что справимся сами. Она все равно приехала, сказав что за бабушкой ухаживает тетя Анна. Но я - знала, наша Анна сама тяжело больна. Лейкемия. Снимок, сделанный в нашей поликлинике, оставляет желать много лучшего. Но Юрий Михайлович умудряется что-то на нем разглядеть. – Как же Вас так угораздило? Расскажите все подробно. Слушает, не пропускает ни одного слова. Время от времени, задает уточняющие вопросы. – Главное, живы и молоды. Это очень важно. Сначала полечитесь у нас. К счастью, радиальный нерв цел, хотя и придавлен сильно. Функции восстановить можно. Потом травматологи займутся переломом. Приходите в понедельник, к 12 часам дня. Новые снимки сделаем здесь. Аппаратура у нас получше. И Георгий Михайлович специалист замечательный. Спокойный голос врача звучит убедительно. Оба понимаем, что лечение будет длительным, но это меня не пугает. Лишь бы сохранить руку.

Октябрь, ноябрь и декабрь 1974 года провожу в нейрохирургии Красного Креста. В результате медикаментозного лечения, функция поврежденного нерва восстанавливается полностью. Благодаря Господу Богу, Юрию Михайловичу и моим близким, вместе с телом оживает душа, укрепляется надежда на выздоровление. Только бы Володя не подвел! Не взяла бы над ним верх, его «слабинка» - тяга к спиртному. Знаю, что от отчаяния, люди более сильные, чем он, ищут забвения там, где его лучше бы и не искать. Чувствую, скрывает мама от меня, его «подвиги». Слаб он характером, а теперь и вовсе есть у человека оправдание, -стресс из-за моей болезни. Предлагала ему развестись сразу, еще в первой поликлинике. Обиделся, сказал, что он – не предатель. Но я то ведь вижу, срывается. Стараюсь думать об этом поменьше, но никак не получается. Знаю, ни в коем случае нельзя «зацикливаться» на этой проблеме иначе просто не выздоровею. Хватит ли у него душевных и физических сил выдержать обузу, которой я для него стала?

Его родственники, если и узнают про нашу беду, ни за что ему не помогут. Семейная вражда у них давнишняя и глубокая. Я в ней – «с боку припеку». Так что, лучше их не беспокоить. Бог им судья!

Скоро новый 1975 год. А мысли совсем не предпраздничные. Прежде, чем перевезти меня в травматологию Красного Креста, по соображениям профессиональной медицинской этики, следует проконсультироваться с коллегами из первой поликлиники. Ведь они начинали меня лечить. – Юрий Михайлович, а может, не надо? Какой от этого толк? – Толку никакого, но так принято. Пустая формальность, без которой не обойдешься. На консультацию со мной едет старшая медсестра Лилия Александровна. До Нового года осталось два-три дня. Понятно, людям не до чужих пациентов. Женщина средних лет, перебирает новогодние открытки. Минуту-другую, наша Лилечка наблюдает за приятным занятием дамы в белом халате: - Доктор, мы ждем! – Сейчас. Врач выдерживает паузу, чтобы мы поняли, кто здесь хозяин. Осматривает меня мельком, для порядка. И вдруг – как обухом по голове: - У таких больных, как вы, подобные переломы не срастаются по четырнадцать лет. Совершенно одурев, я даже не спрашиваю, почему так долго. Внутри все похолодело. Лилия Александровна произносит несколько слов, которые ни

в одном словаре никогда не печатались, и печататься не будут. – Сестра, я вас Волобуеву пожалею! – Жалуйтесь! Сами гипс и то по-человечески наложить не смогли! – парирует наша «старшая». Едем домой, одна, как пришибленная, другая, как клокочущий вулкан.

Не успели снять с меня верхний теплый халат, на пороге палаты появилась высокая, худощавая фигура Юрия Михайловича. Уводит нас с Лилей к себе в кабинет. Спрашивает, в чем дело. Вместо слов, отвечаю хриплыми звуками, похожими не то на плач, не то на собачий лай. Лиля, рассказывая о случившемся, выражений не выбирает. Юрий Михайлович отходит к окну, поворачивается ко мне спиной, смотрит во двор. Его руки в карманах халата сжимаются в кулаки: - Стрелять таких мало! И тоже добавляет несколько слов, тех самых, непечатных. Больше я ничего не слышу и не вижу. Проваливаюсь в какую-то тьму. Открыв глаза вижу, на краешке кушетки сидит Лиля, а Юрий Михайлович за столом. – Что со мной? – Просто обморок. С дамами, молодыми и впечатлительными, случается, - успокаивает врач. – Она сдуру ляпнула, а вы и поверили. Легкого ничего не обещаю, но все, что сможем сделаем. Главное, они нам руки развязали. Вот и хорошо! Праздник проведете дома, отдохнете от больничной обстановки. А второго января, к обходу вы должны быть здесь.

Грустно встретили мы новый 1975 год. Все трое знали, легким для нас он не будет. Но искорка надежды в душе все-таки не угасала. Кто-то говорил со мной изнутри, из глубины моего сердца, утешая и убеждая в правоте Юрия Михайловича Волобуева. Кроме Бога, никто другой не мог этого знать. Выходит, все не так уж плохо, только не надо падать духом. Бог внушает такие мысли. Кто же еще, кроме Него? Сказать или не говорить об этом моим «вульгарным» атеистам – маме и мужу? Лучше не надо: с атеистами они согласятся, а вот на эпитет «вульгарные», пожалуй обидятся. Зачем портить праздник себе и им? Елку они нарядили, стол накрыли, меня, как дитя малое, искупали. Порядок у нас «на борту» полный. С Новым Годом, дорогие мои! Все, кого люблю и кому безоговорочно верю. Нелегко вам со мной, но такая уж я уродилась. Такую Бог меня создал. И потому только на Него, на Него Первого, я полагаюсь с полным доверием. Сердце верит и разум подсказывает: и в этот раз Ты, Господи, не оставишь нас Своей милостью.

2 января 1975 года, во второй половине дня, рентгенолог Георгий Михайлович Петренко делает для травматологов новые снимки. Третьего Лилия Александровна говорит мне: - Сам поехал с твоими снимками. Сам – это Юрий Михайлович Волобуев. Господи, ну его ли это дело? Мог бы послать кого-нибудь. И все же, потому что поехал он сам, на душе у меня становится особенно спокойно и даже радостно.

На улице идет дождь со снегом. Обычная ашхабадская зимняя слякоть. Сижу на низком подоконнике в коридоре, терпеливо жду Юрия Михайловича. Пришел!!! Садится рядом. От его пальто пахнет холодным арбузом. Этот свежий летний запах, воспринимается мной как надежда на выздоровление. А может быть, звонкий, мальчишеский голос, интонации и серые ясные глаза врача действуют на меня успокаивающе. Потом, когда мы с ним подружимся, он скажет, что на фронте, товарищи называли его Юркой Длинным. И что под Веной он, рядовой Второй Мировой Войны, был контужен. И только чудом остался жив. Фронтальная контузия догнала его, через много лет, опухолью мозга. Слушаю Юрия Михайловича и невольно улыбаюсь: - Ребята там, в травматологии хорошие, дело свое знают. Оперировать будет Борис Новгородский. А вы им поможете. Я в этом уверен.

Тихий час. Кто-то спит, кто-то читает, а мысленно беседую с Богом. Мне просто необходимо выговориться перед Ним. Рассказать про Юрия Михайловича, про то, как трудно маме и Володе. Господь и без меня все знает, но если я поделюсь с Ним, мне будет легче. Прошу Его помочь нам всем. А еще тем врачам, которых я пока не знаю, и кто будет собирать меня по костям. Господи, сделай, чтобы муж не пил! Ведь он не плохой, добрый, отзывчивый, только очень слабхарактерный. Господи, он не скандалит, не ссорится, это я всегда ругаюсь. Прости меня, а его пожалей! Знать бы, что «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших, ибо не знаем,

о чем молиться как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными...»⁵. Конечно, я молилась не как должно, не зная Слово Божье. Но, что кроме мамы и мужа, обо мне и них заботится Кто-то очень Сильный и Добрый ощущала остро, и потому была на удивление спокойна.

В коридоре травматологии стоят двое мужчин в белых халатах, не высокие, широкоплечие. Одному - немногим больше пятидесяти. В черных волосах заметна густая седина. Лицо темно смуглое. Черные глаза смотрят внимательно, с едва заметной насмешкой. Другой -моложе, белокожий, кажется, шатен, со светло-кариими глазами. - Привезли протеже Волобуева! – приветствует нас с мамой седеющий туркмен. По-русски он говорит совершенно без акцента. – Видал, Боря? Редкий экспонат! Четырнадцать лет! Надо же такую глупость сморозить! Смеется, не закончив фразы. Ясно это - Ораз Атаевич Мавыев, зав.кафедрой военно-полевой хирургии. А Боря, конечно, тот самый Борис Михайлович Новгородский, который будет меня оперировать. И правда, «ребята», судя по всему, хорошие. Но что смешного они нашли в моем положении?

Моя кровать стоит у самой двери. Следовательно, все, что происходит в коридоре, я вижу. Халатов под мой рост и комплекцию здесь тоже нет. Поэтому, как и в нейрохирургии, я хожу в собственной пижаме, чтобы, не дай Бог, не упасть и не создать себе и людям новых проблем. К операции начинают готовить недели за две. Каждую свободную минуту, читаю, чтобы не думать о домашних делах. Муж преподнес очередной «сюрприз». Ничего не сказав ни маме, ни мне, он опять перешел работать туда, откуда я его вытащила с большим трудом. Из-за того, что пьющая публика там чувствует себя очень вольготно. А узнала я об этом, когда он пришел навестить меня с «другом». Оба заметно навеселе. Лучше бы уж совсем не приходил чем так! Доцент О.А. Мавыев проходя мимо нас, укоризненно покачал головой. В следующее воскресенье дежурил Борис Михайлович, и снова та же история. Врач без церемоний выгоняет «друга» моего мужа, а нас с ним приглашает с ординаторскую.

Разговор происходит при плотно закрытых дверях. – Посмотри на жену, не человек, а сгусток нервов. Как я ее буду оперировать в таком состоянии?! А тебя с лестницы спущу! Я не Волобуев. - Доктор, люблю я ее. – Врешь! Никого вы, алкоголики, не любите даже себя. – Какой я алкоголик? – А кто?! Вот что, сейчас же пиши заявление на добровольное лечение от алкоголизма. Мужчина ты или тряпка? Достает лист бумаги и ручку: -Пиши! Муж вздыхает: - Правда, сам остановиться не смогу. Без направления примут? – Примут. Врач поднимает телефонную трубку: - Люся, да я, Борис Новгородский. По дружбе прошу: возьми одного без направления. Некогда оформлять. Мне его жену оперировать надо. Сама завтра увидишь. Да, она с ним приедет. Она и ее мать. Выручишь? Спасибо, Люсенька! Немного подавшись вперед, негромко окликаю: - Борис Михайлович... Он перебивает: - Не волнуйтесь! Ничего там с ним за три месяца не делается. Корпус санаторный, сами увидите. И у тебя, Володя, будет время подумать обо всем, как следует. Тон у врача гораздо спокойнее, чем в начале разговора. Пожалуй, это -единственный вариант.

Отделение, куда положили моего мужа, не совсем соответствует определению «санаторное». Однако она была не хуже, чем другие больницы города. Заметалась мама между двумя больницами. Мне подготовку к операции продлили, чтобы «подтянуть» нервную систему, а заодно лучше продумать метод операции. Слишком сложно все оказалось. Естественно, затянувшийся подготовительный период, усиливает тревогу. Разговариваем с Борисом Михайловичем. Благо, дежурство у него выдалось спокойное. Можно немного почитать. Берет с моей тумбочки томик из собрания сочинений Константина Паустовского, очень любимого мной писателя. Смотрю на врача вопрошающе: «Когда?». – Попробовал поговорить сегодня с вашей мамой, предупредить.

Операция будет очень сложная. Плачет. -Скажите все, как есть, мне. Колеблется: - Больным нельзя. – Больным нельзя, зато шальным можно. Я – из шальных. Невесело усмехнувшись, врач

---

⁵ Библия // Новый Завет, 4 изд., изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель, 1989, с. 1725.

подробно объясняет мне, чем один метод операции отличается от другого. Выбирает третий, лучший, по его мнению вариант, с аутотрансплантатом и металлопластикой. Это означает, что для пересадки используют мой собственный, а не донорский фрагмент костной ткани. Внутри костного канала введут металлический стержень, который удалят через год. Господи, внешне слушаю совершенно спокойно. Прошу уточнить неясные детали. Словно речь идет не обо мне, а о ком-то другом. Кто, если не Бог, дал мне это невероятное спокойствие и душевные силы? Борис Михайлович явно удивлен: - Слава Богу, что вы все так воспринимаете. Гора с плеч свалилась. – Спасибо, Борис Михайлович, что все мне разъяснили. В ложь во спасение я бы не поверила. Нам ведь работать вместе – вам оперировать, а мне - не мешать. Да, вот еще что... Трансплантат лучше взять из левой ноги. Правая нога у меня – опорная. Левую оперировали в Ташкенте в 1961 году. – Хорошо, что предупредили. – Когда операция? – В следующий вторник. Врач вздыхает: - Удивляюсь я вам. Ну и характер! Поняли мы с доктором Новгородским друг друга. Никакие слова больше не нужны.

Спину холодит жесткое покрытие операционного стола. Через несколько минут дадут общий наркоз. А пока я вижу как Борис Михайлович держит темно-коричневые от крепкого йодного раствора руки над синим пламенем спиртовки. Переговаривается с хирургом О.М. Ходжаевым. Анестезиолог стоит у меня в изголовьи и смотрит прямо в глаза. Мне на лицо надевают маску-респиратор, в левую руку делают внутривенный укол: - Раз...Два...Три...Не помню, сколько я насчитала. «Отключилась». Через какое-то время, очнувшись от сильнейшей головной боли. Ясно вижу: О.М. Ходжаев с силой ударяет маленьким блестящим молоточком по такому же зубильцу. Должна быть боль в ноге, но мне почему-то разрывает череп. Анестезиолог растерянно говорит: - Борис Михайлович, глаза открыла. -Добавьте, только очень, очень осторожно.

Третьи сутки спать не дают, требуют, чтобы глаза открыла. Зачем? Что им от меня нужно? Мама здесь в палате безотлучно. Оказывается, спать мне не давали, для того, чтобы навсегда не уснула. Есть совсем не хочу. Смотрю на свой гипс и ужасаюсь: он очень похож на первые самолеты, которые появились в начале двадцатого века. Даже крыло, на котором лежит моя правая оперированная рука, и то такое же. Интересно, сколько весит эта штукавина? О том, чтобы повернуться на правый бок и думать нечего. На левый – свалишься с кровати на пол, «крыло» потянет. Три месяца лежу только на спине. На нервной почве началась панариция на правой оперированной руке. Вот уж боль, так боль! Как - будто в кипятке ладонь держу. Слава Богу, что операционное поле сухое и чистое. На перевязку меня носят, мучаются Борис Михайлович и студенты - практиканты. Сил моих нет смотреть как они устали: - Борис Михайлович, пожалуйста, делайте перевязки в палате! Сколько можно вам всем со мной надрываться? –Нельзя, палата не стерильная, а швы – открытые. – Рискнем! Зараза к заразе не пристанет. Качает головой. Рисуем. Чудом Божьей помощи, к превеликой нашей радости, все обошлось даже без пустякового воспаления. Врачи уверяют: организм у меня стерильный. Ну что ж, это еще один - чудесный дар Создателя, проявление Его безграничной любви ко мне. Хотя я – совсем не подарок. Или вот, взять отношение врачей и сестер ко мне. Оно продиктовано не только с профессиональным вниманием, но и настоящей любовью. А ведь совсем недавно, мы не подозревали о существовании друг друга.

Сейчас все, кому не лень, ругают бесплатную советскую медицину. Конечно, издержек в ней было предостаточно. Однако, благодаря этой медицине, многие живут до сих пор. И я благодарно склоняю голову перед памятью тех, кто лечил меня в те годы, потому что ни Юрия Михайловича Волобуева, ни Бориса Михайловича Новгородского, ни Рональда Анатольевича Стегайлова, оперировавшего и спасшего моего мужа уже нет в живых. Это вовсе не ностальгический комплимент, а честная констатация фактов собственной жизни и жизни близких мне людей. У меня все пошло на лад. Но позволь, Боже, снова попросить Тебя об избавлении моего мужа от алкоголизма! Лечат Володю «щадящими» методами, потому что он в детстве

переболел полиомиелитом. Сомневаюсь, что такое лечение при его бесхарактерности и безвольности, даст положительный результат. Ох, как жаль мне его, Господи! И в любовь его верю все меньше и меньше. Просто жалею до слез, чисто по-человечески пытаюсь понять, и даже как-то оправдать перед собой и людьми. Удастся мне это, все реже и реже, потому что «шило в мешке не утаишь». И лень Володина не для кого не секрет. Как-то взяла в библиотеке нашей нунциатуры прекрасную книгу Тимоти Рэдклиффа «...Я называю вас друзьями». На одной из страниц читаю: «Любить кого - то, означает пытаться понять, кто он на самом деле. Возрастание в любви требует возрастание ума, а возрастание ума предполагает возрастание в любви»⁶. К сожалению, это не всегда так. Если бы при этом взаимном возрастании, возрастали бы еще взаимопонимание и счастье. Как часто понимание добавляет в нашу жизнь много горечи и страданий, не ценимых теми, ради кого близкие их переносят.

2.

Пора снимать тороко-брокиальную повязку. Но Борис Михайлович в командировке в Москве. Приедет после Дня Победы. Без него о снятии гипса и речи быть не может. 15 мая 1975 года на меня на три месяца надевают легкую «домашнюю» повязку. Долго, но дома все равно лучше, чем в больнице. В эти же дни выписывают Володю. Слава Тебе, Господи, маме не придется ездить из одной больницы в другую! От дома я немного отвыкла. Как -будто все свое и чужое одновременно. Муж выглядит отдохнувшим, окрепшим, смотрит виновато, с жалостью. Это на маленькую лангету! А если бы он мой «самолет» увидел? А может, и хорошо, что не видел. Только бы взял себя в руки, бросил пить! Устала я быть женщиной не по природе, а по жизненным обстоятельствам. Поэтому решительно не приемлю ни эмансипации, ни феминизма, со всеми их сомнительными достижениями. Убеждена, мужчина должен быть мужчиной, а женщина женщиной, потому что такими нас создал Бог. В этом -весь смысл человеческого бытия, и не нам его разрушать. Муж выходит на работу. Опять туда, в свое «развеселое» окружение. -Володя, ради Бога, прошу тебя! – Знаю, лечился же! Перехватываю предостерегающий мамин взгляд: - «Не приставай, сам понимает». Первый рабочий день прошел у него благополучно. После ужина мама говорит: - Поеду я, ребята, домой. Аня сама болеет, трудно ей за бабушкой ухаживать. Мы это знаем, соглашаемся без возражений.

Утром присаживаемся «на дорожку». – Вы уж постарайтесь обойтись без меня. Володя, прошу... – Мама, ну что я сам не понимаю? Все! Мама вздохнула. – Надо бы вам, дети, с родней помириться. – Нет, и нет! – решительно возражает он. Я много раз слышала это жесткое непримиримое «нет». Молчу, потому что согласна с ним.

Учусь держать ложку и вилку в левой руке. Первое время очень неудобно, потом приспособливаюсь. Главное, муж не пьет! Нардоваться не могу на него глядя. Вроде, и гипс не в тягость, когда на душе легко и спокойно. Середина августа. Скоро лангету снимут? Поедем в травматологию, потому что во-первых, Борис Михайлович не очень доверяет районной поликлинике, а во-вторых, я во второй раз рисковать не хочу. Звоню своим «родным» медикам: -Когда приехать? Старшая медсестра отвечает: - Борис Михайлович в отпуске. Подожди минутку, Ораз Атаевич здесь. Доцент О. А. Мавыев долго не раздумывает: - Борис приедет, сам снимет. За три недели сращение совсем окрепнет, риска меньше. – Жарко в гипсе. – Недолго осталось, ты терпеливая. Вот и весь сказ. Пожалуй, он прав.

---

⁶ Редклифф Тимоти. Генеральный Магистр ордена проповедников. // «... Я называю вас друзьями». Пер. с фр. О. Дьячковой. Изд-во «Кайрос». Киев 2004 год; стр. 78.

Боже мой! На рентгеновских снимках сращение – лучше и быть не может! - Чудо, чудо! – радуется Валентина Дмитриевна. Борис Михайлович улыбается: - Сам удивляюсь, столько мелких осколков вытащил. Чисто, крепко срослось. Годик походите со штифтом. Вытащить его – плевое дело, минут на двадцать. Шепотом спрашивает: - Дома то, как? – Не пьет, слава Богу.

Приехав домой, первым делом звоню Юрию Михайловичу на работу. Хочется скорее поделиться радостью с ним и с Элей, ждать до вечера терпения не хватит. – Юрий Михайлович, сращение просто идеальное! Чудо, да и только! – От Бога все, моя дорогая. Немного от нашего умения и очень много от вашей воли и терпения. Смеется: - Я знаю, Борис постоянно держал меня в курсе дела. Теперь все зависит от вас. – В разработке, да. Борис Михайлович советует научиться печатать на механической машинке. – Правильно. Желательно с тугой клавиатурой. Так у нас в доме появляется портативная пишущая машинка «Москва». Днем упорно разрабатываю руку сама, занимаюсь домашними делами, которые мне по силам. А вечером помогает муж. Штифт в какой-то степени мешает разработке локтевой контрактуры. Без посторонней помощи от нее не избавишься. Говорю мужу, что и как делать. Володя иногда не выдерживает: - Я же вижу, как тебе больно. От боли на лбу у меня появляется холодная испарина, но иначе ничего не получится. – Володя, боль пройдет, лишь бы разработать как следует. Пока хорошо поддается нельзя время терять. Чуть не плача, он тянет мою руку на себя. Послав обоим трудное испытание, Господь дал нам силы, выдержать его достойно. Муж понял, что и на нем лежит доля ответственности за нашу общую жизнь.

Полного душевного покоя у меня все равно нет. Ведь он находится в окружении тех же собутыльников, которых считает своими друзьями. Конечно, не справедливо и не честно сваливать все только на них, чужих посторонних людей, поэтому моя тревога возрастает изо дня в день. И, как оказалось, беспокоилась я не напрасно. Стало мне немного полегче, и опять понесло мою «половину» не в ту степь. Сначала едва заметно, потом дальше, больше. Нужно иметь огромную силу воли, чтобы устоять от любого соблазна в провоцирующей среде. На такое способны буквально единицы. Хуже всего то, что его постоянный собутыльник, из-за которого у нас возникают все неприятности, играет на самой болезненной струне: - У нас инвалидов одно лекарство. Выпить и не думать ни о чем! Володька, твоя «эгоиска», - так и говорит - видеть меня не может. Вот паразитка! Действительно, видеть его не могу и не хочу. Ведь не его жена, а мой дурень или я выплачиваем их общие долги, возникающие по пьяному делу. Мне очень тяжело и больно в свидетельстве о Боге вспоминать эту свою беду. Не вспоминала бы я о ней, если бы только мы одни мучались. Вспоминаю, чтобы лишней раз самой убедиться, насколько велика любовь Бога к своим детям. Особенно к тем, кого в человеческом обиходе называют, либо несчастными, либо неудачниками. Бог дал каждому из нас право выбора. И в значительной степени, от нас самих, от нашего умения ответить на Его любовь, зависит, как сложится наша судьба. Сможем ли мы победить в своей душе дьявола, отвергнуть его во имя Христа. Для этого Бог и дал человеку разумение и достоинство личности подобной Себе. Конечно, таким людям как мы, гораздо труднее сохранить в себе достоинство личности. И все же, ни при каких обстоятельствах, нельзя забывать, что мы тоже подобие Божие. А посему нам надлежит знать, что такое совесть и честь.

Благодарю Господа, за мою выстраданную веру в Него, за упование на Единственного Отца, который не жалеет для меня Своей любви. Вселяет в меня веру и надежду после каждой ежедневной молитвы. Благодарю Тебя, Боже, за Любовь, воплощенную в Иисусе Христе! До чего же созвучны, моей тогдашней жизни и нынешнему пониманию строки из Первого послания Святого Апостола Павла к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует,

любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла (...) все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.»⁷

Терпела и я, никому не завидовала. Восхищалась чьей-то талантливостью и добротой, скорбела теряя родных и друзей. Гордилась ли собой? Признаюсь, случается со мной такой грех. Но не от зла, не от бесчинства, а от наивной человеческой радости. От сознания, что при моей физической немощи, с Божьей помощью, чего-то в жизни я добиться сумела. Приходилось, конечно, и раздражаться. Причин для этого в человеческой жизни хватает всегда. Не оправдываюсь я, Отче Небесный, прости меня, если что не так! Ты и без меня, Сам все видишь и знаешь, ведь только Тебе Одному открыто каждое сердце. Спасибо Тебе за то, что тело у меня немощно, но дух крепок. Несмотря на то, что больше двадцати лет, все мое жизненное пространство ограничено стенами маленькой однокомнатной квартиры. Но я не ропщу, благодаря Богу, двери нашего жилища всегда открыты людям. Более всего я благодарна Господу, за возможность духовного сокровенного общения с Ним через Иисуса Христа и Деву Марию. И еще за то, что я могу верить, надеяться и с достоинством переносить все испытания. Этому я училась и учусь у всех, кто был и есть рядом со мной. Кому я всем сердцем благодарна за их любовь, дружбу и помощь.

Прости меня, Господи, за давнишние грехи! Сама упрекала и ругала мужа за пьянство часто. Однако, если это делал кто-то другой, хоть намеком касаясь моей душевной раны, защищала его с упорством, достойным лучшего применения. Иногда во вред ему и себе, вызывая на себя чей-то гнев, невольно потакая его безответственности и эгоизму. Возможность иметь детей я утратила навсегда. Может быть, по этой причине, относилась к мужу, как к ребенку. Прошло много времени, пока я поняла: слабовольным людям свойственен инфантилизм до седых волос.

Все больше молчим, надоело говорить и спорить об одном и том же. Все мои словесные доводы отскакивают от его угрюмого молчания, как «от стенки горох». Давить на него слезами бесполезно и слишком унижительно. Душевная боль достигает того предела, когда по сравнению с ней, все физические боли досаждают не больше, чем комариный укус. Остается только одно. Ставлю условие: - Или ты уходишь из этой пьяной конторы, или подаем заявление на развод. - Да?! Как же ты без меня обойдешься? В голосе слышится явная насмешка. - Я в суд не пойду, так и знай. - Кому ты там нужен? Детей у нас нет. Разведут через ЗАГС. А детей нет, по твоей милости, - не могу удержаться от сарказма и я. - Кто мне все нервы вымотал?! - Где я жить буду? - Не маленький, найдешь. У тебя в Ашхабаде родни много. И дружок закадычный есть. - Нужен я им всем! - Сам разбирайся. Завтра едем. Подадим заявление. - Поеду. - Тем лучше. Надоело все... - Как это, завтра? Я же с работы не отпросился. - Ладно, послезавтра. Мама как раз успеет приехать. - Больше ничего не придумала? - Нет!

Мама пытается нас примирить, уговаривая поочередно, то его, то меня. Бесполезно. Утром говорю мужу: - Незачем ехать на работу, терять полдня, чтобы отпроситься. Позвони и скажи, что возникло неотложное дело, а какое - их не касается. - Может... - Ничего не может! Хватит. Сил у меня больше нет. В ЗАГСе мама остается в приемной: - Без меня обойдетесь. Сотрудница ЗАГСа, исчерпав все аргументы против развода, резюмирует свою речь: - Раньше, чем, через три месяца, разводить нельзя. - Возражаю: - Почему? В суде три месяца тянут!. Имущество делят, алименты... нам делить нечего. - Нельзя, и все тут. Выходим хмурые и злые. Мы с мамой едем домой, а он на работу. Вечером, по моему требованию, собирает чемодан. Его «друг» топчется в прихожей; в комнату я этого типа не приглашаю принципиально. Пусть скажет, спасибо, что за дверь не вытолкала. Дней через пять, возвращается мой Владимир

⁷ Библия. // Новый Завет, 4-е изд; Изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель, 1989, с. 1746.

домой с видом побитой собаки. И снова начинается душещипательный разговор на тему: «Теща, друг родной, помоги!»

В этой беседе я не хочу принимать участие. Володя жалуется моей маме: - Сказали, уходи. Она резонно отвечает: - Правильно, а ты как думал? У них такое «сокровище» свое есть. Он подходит ко мне: - Лапочка, давай заберем заявление! Пропаду я без тебя. Ради Бога, простите меня! – Как ты вовремя про Бога вспомнил! – искренне изумляюсь я. Мама укоризненно глядит на меня: - Значит, не все еще потеряно. Возьмитесь оба за ум! Развод... Дурное дело – не хитрое. Может и правда, Бог даст, обойдется все. В ЗАГС я с вами больше не поеду. Нечего мне там делать. – Я завтра отпрошусь с работы! – Надо же, как не терпится! – Мама, скажите ей, чтобы не ехидничала! – Это я ехидничаю?! Скажи теще спасибо. – Кто - теща?! Да мне эта теща роднее матери. Вот тут Володя не врет, как на духу говорит чистую правду. Когда я в ЗАГСе рву заявление о разводе, женщина за столом одобрительно кивает: - Вот и хорошо, вот и правильно. Я же вас регистрировала. Помню.

Господи, не успел мой муж первый раз обратиться к Тебе, просто упомянуть Твое Имя и Ты спас нашу семью от развала. Дал нам обоим мудрости и терпения еще на двадцать два года. Избавил меня от гнева, ожесточающего сердце и помрачающего рассудок. Приехали мы домой: - Спасибо, родные! - Уходи оттуда! – Уйду, сразу после отпуска, потерпите два месяца. Самому все там надоело. Отпуск терять, конечно, жаль, надо основательно отдохнуть и мне и ему. Решили поехать в Евпаторию. Там можно не только отдохнуть, но и подлечить всерьез издерганную нервную систему. Удаление штифта – операция не сложная, но и на нее нужны силы.

3.

Отдых и лечение в Евпатории укрепили здоровье мое и мужа. Но в Крыму был у нас и печальный долг: навести могилу Олега Калмыкова в Симферополе. Я надеялась, что после курорта, окрепнув, смогу ходить самостоятельно, поскольку у меня травмирована рука. Не могу, не получается, как ни стараюсь. Спрашиваю Юрия Михайловича Волобуева: - В чем дело? Объясняет: - Беда в том, что во время травмы, Вы не потеряли сознание. Произошел посттравматический шок. Он -то и нанес Центральной нервной системе тяжелейший удар, стал «накладкой» на Ваше основное заболевание. – Это необратимо? – К сожалению, да. Ваш самоконтроль вас подвел. У мужчин такой и то редко. Беда, как известно, в одиночку не ходит, одна тащит за собой другую. Стала замечать, что мой муж опять ослабил «внутренние тормоза». Сначала едва заметно, а потом все чаще стал приходить домой навеселе. Набраться бы терпения! Не вступать в ненужные и бессмысленные споры, чтобы выдержать операцию удаления штифта. А там постараюсь вытащить его, оторвать от «друзжков». Работать, конечно, буду. Не смогу дома сидеть без дела и без людей. Но, куда я теперь устроюсь, если ходить сама не могу? Даже как раньше. Придется искать работу вместе с ним. Хочешь, не хочешь, а приспособливаться к сложившимся обстоятельствам надо.

Продолжаю разрабатывать руку с упорством отчаяния, чтобы скорее вырваться из четырех стен. Вырваться, во что бы то ни стало! В домашних делах муж мне, конечно, помогает, ну и компенсирует свою помощь с лихвой. Разумеется, спиртным. О каком спокойствии может идти речь? Ну да, громких скандалов у нас нет, но и семейное «благополучие» - только видимость. Почти каждый день напоминаю: - Володя, ты ведь обещал уйти оттуда. Свет на них клином не сошелся. Как-нибудь прокрутимся месяц -два на пенсии, что-нибудь найдем. Слава тебе, Господи! Улыбнулась госпожа удача! Никогда не обращала внимания на уличные витрины с объявлениями. Квартирный обмен – не наша проблема, потому что менять нам нечего. Кому нужны наши восемнадцать бетонных метров на окраине города, хоть и телефоном? Приличную работу по

таким объявлением тоже не находят. Однако, привередничать не приходится. Смотрю, напечатано: «...требуется заведующий отделом бюро оформления и корректор...». Что за организация такая? – Филиал института Центросоюзпроект. Да не все ли равно! Благо, корректорская работа мне знакома. С нее начинала свою трудовую деятельность. Может быть, и мужа возьмут. Он -переплетчик шестого разряда.

Словно Господь Бог взял нас за руки и привел в неприметное барачное строение, совсем недалеко от того места, где раньше находился целый поселочек из временок. Одной из них было «домовладение» моей свекрови. Мужа сразу берут на должность заведующего бюро оформления. А со мной вышла заминка. Обнадеживают: - К концу года нам обещали увеличение штата, подождите. – Но в объявлении указано, что требуется корректор. – Взяли две недели назад. Но работы у нас много, будем просить еще одну единицу корректора. Нам нужен копировщик -«сдельщик». – Это не по моей части. В школе, черчение за меня делал одноклассник. Моя самокритичная информация принимается к сведению. Поэтому и просят подождать до декабря. 5 декабря 1976 года приступаю к работе. Корректурa здесь гораздо проще текстовой, поскольку корректирую проектно-сметную документацию. Не трудно, но уж очень скучно: цифры, цифры, цифры. О летнем отпуске теперь нечего и мечтать.

Однажды работаю, как обычно, вполуха слушая радио. Передают новости, а я вспоминаю синие лавандовые поля Восточного Крыма, с их терпким тонким ароматом и Черное море. Вспоминаю Феодосию, с трогательно романтической «Гринландией» - музеем Александра Грина на Галерейной, 10. Вдруг радиодиктор перешел на торжественный, приподнятый тон: «Папой Римским избран кардинал Краковский Кароль Войтыла.». Подхожу к репродуктору, включаю звук погромче. Слушаю, стараюсь ни пропустить ни одного слова. Пятьдесят восемь лет. Таких молодых Пап, да к тому же не итальянцев, никогда не было. Авиньонские Папы – не в счет. И главное – поляк!!! Родня! Главный инженер, пришедший по делу, сразу замечает мою радостную физиономию: - Сияешь, Татьяна, как именинница. Дружески подмигивает: - Вальдемар в порядке. - Не только это, Станислав Васильевич. – А что еще? – Папа Римский – поляк! – Родня, стало быть, поздравляю. – улыбается он. – А кто? Пересказываю услышанное по радио. И говорю ему: - Остальное напишут в журнале «Наука и религия». - Дашь почитать? – Конечно. Появляется директор: - Опять ты здесь, Станислав Васильевич! И чего тебя сюда, как магнитом тянет? Говорим ему в чем дело. – Забываешь себе голову, чем не надо. Упрек адресован мне, поэтому я и отвечаю: - Чем не надо, не забываю. На редкость радостный день выдался! Солнечный, ясный. А какое сегодня число? 16 октября 1978 года. То-то, в Польше люди теперь радуются! Если даже меня переполняет радость хотя принадлежу я к польскому народу только наполовину.

Отношения с коллективом у меня сложились, в общем, неплохие. Беда в том, что и здесь мой муж нашел «друзей по несчастью». Ну что за люди такие?! Сами по-человечески не живут, и другим жизнь отравляют. Женам, детям, и на работе с ними одни неприятности. Пять лет работаем так: он, время от времени, тайком отлучается, а я работаю за себя, и за «своего парня». Иначе его просто уволят за прогулы, то есть, за присутствие на работе в нетрезвом виде. Мне приходится постоянно быть в состоянии «боевой готовности». Чтобы, если что-то скажут ему или о нем, я сразу могла бы отбить любую словесную атаку. Успокаивают меня только воспоминания о лете, и «левые» заработки. Пишу контрольные, курсовые, и дипломные работы для заочников. Делаю это, конечно, дома, по ночам, за счет сна и отдыха. Студентов -заочников приводит ко мне Светлана Бердыева и другие мои приятельницы. Где мы только не побывали, благодаря этим заработкам! Кавказ, Крым, Россия... И сейчас, стоит только прикрыть глаза, я вспоминаю все до мельчайших подробностей: зеленый серпантин дороги на озеро Рица, Сочи и Абрау-Дюрсо. Особенно запомнился Ново-Афонский монастырь, неподалеку от Пицунды. Белокаменное рукотворное чудо, вознесенное на вершину скалы, покрытой реликтовыми лесами Кавказского хребта. Недавно, по телевизору в «Новостях» показали, что сделали с этим чудом, созданным во славу Господню, современные варвары, во время грузино-абхазского конфликта, расстреляли из дальноточных орудий. Хоть криком кричи! Неужели, в конце двадцатого цивилизованного века

горстка безумцев, живущих в разных странах, не ведают, что творит. Творят зло на созданной Богом земле. Бьют прямой наводкой по святыням, ни в грош не ставят человеческие жизни. Образуем их, Отче Небесный! Пусть через Твою любовь и Твое милосердие отрекутся они от ненависти и дьявольской злобы! Ведь они тоже твои дети. Надеюсь, придет и для них час покаяния, только бы поскорее! Дожить бы...

Господи, я несмотря на все свои тогдашние трудности, не устаю благодарить тебя за все, что Ты сделал и делаешь для меня. Благодаря Твоей помощи, нам удавалось находить работу, не растерять друзей, не сломаться физически и морально. То же самое происходит со мной и сейчас. К тем друзьям, которые у меня были и есть, прибавились братья, сестры и дети во Христе. Жаль только, что поехать я уже не смогу никуда и никогда. Поэтому Польша, так и осталась для меня не сбывшейся мечтой. Ведь инвалидам детства не давали туристических путевок даже в соцстраны. Раньше получала много писем из городов Советского Союза, а также из Венгрии и Германии, где «служили» вместе с мужьями мои сокурсницы, офицерские жены, Валя, Алла, Люся. Теперь, Валя Мосейчук и Алла Айрапетова, живут в Бобруйске. По счастливому совпадению, они почти соседки. Но вот переписка наша прервалась... Мы очень дружили с врачами Волобуевым и Новгородским. Врачи, как ни странно, очень привязываются душой к трудным больным. О болезнях ни с Волобуевыми, ни с Новгородскими не говорили никогда: для разговоров есть более интересные темы. Все бы хорошо, но я ясно ощущаю нарастающее напряжение в личной жизни. Со стороны этого кажется, никто не замечает. Во всяком случае, обходят ситуацию молчанием.

Весной 1980 года, Володя попадает в больницу, предположительно с язвой желудка. Выписывают через две недели: диагноз не подтвердился. Моя мама на это время снова приехала к нам, чтобы водить меня на работу и с работы. Четвертый год работаем в проектно-институте, а перемен к лучшему не предвидится. Боже мой, хотя бы страх за собственную жизнь образумил моего мужа! Куда там! Вместо этого злится на меня: - Люди смеются, подкаблучник я! – Знаю, кто смеется! Пусть тогда они скажут, кто я для тебя. Моя риторика повисает в воздухе. Отмалчивается, как всегда. Ровно через год, весной 1981 года, на работе, у него открывается сильное желудочное кровотечение. Не могу понять, как это случилось! Наверное, от испуга, я быстро прохожу по веранде не более пяти метров. Больше не могу сделать ни одного шага. Цепляюсь за барьер руками и зову кого-нибудь на помощь. Игорь Снисаренко и Тамара Оськина привозят нас домой и вызывают «Скорую помощь». Муж говорит врачу: - Не надо меня в больницу. Как жена без меня будет? – Не имею права оставить пациента дома в таком состоянии. Уговариваем вчетвером: врач, я и Игорь с Тamarой. Наконец-то согласился. – Мама придет. – Замучили мы ее, - говорит Володя. – Что делать? Я не могу бросить работу, жить практически не на что. В Байрам-Али звоню немедленно, а вечером по телефону советуюсь с Юрием Михайловичем Волобуевым. Он, конечно, и без меня знает, в чем причина болезни моего мужа, но, кроме него, реально помочь никто не сможет. Мне невыносимо стыдно беспокоить его, именно из-за его деликатности. Утешает совсем по-отцовски: - У нас, в «Красном Кресте» сейчас работает профессор Стегайлов. Полосник – золотые руки. Из Москвы. Будет работать здесь, во всяком случае, ближайшие три года. Вас же прошу не «зацикливаться» на его болезни! Вы с мамой тоже не железные. Господи, он меня просит! - Ну, с Богом! – говорит Юрий Михайлович. Господи, именем Твоим, прекрасный человек помогает мне собрать душевные силы. По его, должно быть, молитве, золотые руки Рональда Анатольевича Стегайлова спасли мое бестолковое, великовозрастное «дитя».

Муж лежит «на капельнице», а я разговариваю с красивым, высоким, похожим на древнего викинга, врачом. Благодарю профессора за сотворенное чудо, потому что шансов на удачу было очень мало. Просит разрешение закурить, смотрит сквозь дым, прищурив серые глаза: - Бог помог, моя дорогая. Видел я вас в коридоре и в палате у него. Не скрою, любопытничал, что за девчонка такая? – Благодарю за комплимент. Девчонка! - Да не обижайтесь, вид у вас и правда... Радуйтесь.

Пока Володя лежал в больнице, на работе кто-то старательно «накручивал» директора. Дотянуть бы только до очередного отпуска. Потому что там, где появилась трещина, недалеко и до пропасти. Никого я не виню. Больше всех мой муж постарался, чтобы навредить и себе и мне. Да и вообще, почему - то в институте большая текучка кадров. Увольняются люди один за другим. Приходит и наш черед. Опять надо искать работу, и опять вместе. В этот раз помог наш бывший преподаватель педагогики Олег Дмитриевич Кузьмин: - Золотых гор не обещаю, но что-нибудь найду. Как - никак, в ЦК теперь работаю. Позвони мне завтра утром, часов в одиннадцать. – Зачем мне золотые горы, Олег Дмитриевич? Что я с ними делать буду? Дома сидеть тошно. – Понятно, да и пенсии и вас..., густо краснеет, как - будто по его вине на наши пенсии невозможно жить.

В декабре 1981 года, начинаем работать в киностудии «Туркменфильм». Конечно, не по специальности. Но, после оупляюще однообразной работы в Центросоюзпроекте, здесь чувствую себя, словно рыба в воде. Народ, как на подбор – интересный, яркий, талантливый. Каждый не прочь покуражиться. Так ведь и есть чем. Спорят честно и открыто. Если сорятся, то исключительно по делу, не унижая достоинства оппонента. Мирятся быстро, и чья-то удача становится общей радостью. Вот уж, не думала, что именно здесь в коридоре, встречу со своим школьным другом, художником Меджеком Чарыевым. Сколько же лет мы с ним не виделись? Он учился сначала в Ашхабаде, в художественном училище, потом во ВГИКе, который закончил с дипломом по специальности художник-аниматор. – Меджек, сколько же лет мы с тобой не виделись? Двадцать? – Скажешь тоже. Восемнадцать.

Здесь на «слабинку» моего мужа намекают изредка, деликатно: сами, мол, все не без греха по этой самой части. И вообще, на многие житейские проблемы, творческий киношный народ смотрит по-философски. Начальство тоже, до поры до времени, терпит. -Терпению его приходит конец, когда в Советском Союзе вступает в силу «сухой закон», принятый не то «с подачи» Егора Лигачева, не то по инициативе самого Михаила Горбачева. Да и то, сказать, давно пора взяться за эту проблему всерьез. В число попавших под сокращение, из-за пьянства оказался и мой муж. Тем более, что по своей профессии, он никакого отношения к кинопроизводству не имел. Узнала я об этом случайно, кажется через неделю. Проговорился один из сотрудников. Господи, ну что мне с ним делать?! Помоги! Надоумь!

Начинаются унижительные хождения по служебным кабинетам. Защищаю свой тяжкий крест и свое горе. Дома просто ругаюсь с ним, взывать к совести уже бесполезно. И не перестаю удивляться поддержке всех, с кем работаю. Целых полтора года держимся, благодаря поддержке Меджека Чарыева, Валентина Хорошилова, Курбана Аннаева, Фриды Клычевны Емельяновой, да и всех других тоже. По ночам печатаю на машинке монтажные листы. И по хронике, и по «сценарке». Такая работа в киностудии называется «нештаткой». День и ночь перемешались. Странно: начальство действует по отношению к нам пассивно и вяло. Говорят, против меня никто ничего не имеет. За работу ценят, и за твердость характера уважают. Может быть... Бог не покинул нас и тогда. Поддерживал и вел, давая на каждом шагу новые силы. А Святой Дух молился за нас обоих, подсказывал в нужное время, в нужных местах, самые необходимые, самые убедительные слова. Только мы, об этом не догадывались. Я чувствовала сердцем: Кто-то поддерживает меня через многих людей. И только теперь понимаю, это было Милосердие Божие. Длительное чудо Его присутствия помогает мне выдерживать все испытания. Дорогу к Католическому храму, к Божьему, мне указал Меджек Чарыев, веселый художник с печальными глазами. Один из самых верных друзей. Он разделит со мной и горе и радость, несмотря на свои собственные, многочисленные заботы и проблемы.

Муж восстановлен на работе в киностудии. О выплате компенсации за «вынужденный» прогул, длиной в полтора года, не может быть и речи. Ладно, Бог с ней, с компенсацией! Работаю с утроенной энергией, искупаю вину перед начальством за нервотрепку, которую я им устроила не по своей вине. Должно быть, поэтому и утратила бдительность. Возмущается дома мой благоверный: - Надоело замки в двери вставлять! Что я им, мальчишка на побегушках?! Уйду! – Володя, а как же мне быть? Не могу я без работы, без людей... Кухарка, прачка с дипломом?

Неужели, все усилия пошли прахом? Только ведь все уладилось. Эгоист ты! Сама я тебя таким сделала. Но нельзя же так! Ухмыляется недобро, подозрительно.

...Случилось непоправимое. Тяжело заболел Борис Михайлович Новгородский. Он не захотел, чтобы болезнь добивала его постепенно. Покончил с собой. Не пишу «добровольно». Потому что в самоубийстве проявляется не добрая воля, а злобность дьявола., в результате которой, человек совершает тягчайший грех перед Богом. В молитве за усопших, я всегда упоминаю имя Бориса Михайловича Новгородского. Прошу Всевышнего простить ему этот грех, за многие добрые дела совершенные этим человеком на земле. Услышь меня, Господи!!!

Вижу, день ото дня Володя мрачнеет все больше и больше. Никак не работается человеку на одном месте! Стараюсь сконцентрировать внимание на том, что я должна делать здесь и сейчас, на работе и дома. Кому какое дело до того, что всю ночь, я просидела за пишущей машинкой? Монтажные листы наши «ребятки» приносят, когда до их сдачи остается день или два. И совсем не потому, что они какие-нибудь злодеи. Просто другой, предыдущей работы у них очень много. Стучит машинка, а муж спит себе сном праведника. Все чаще не выдерживаю, выплескиваю накипевшее на душе, разумеется, дома. Напоминаю, что пропуск в киностудию у него не отбирали. И что выговор вдогонку мне объявили из-за него. Кадыр Аннаев по этому поводу, философски заметил: - У нас здесь нет ни одного порядочного человека без выговора. У всех по несколько штук. И правда, на выговоры никто и нигде в Советском Союзе внимания не обращал никогда. После очередного разговора на надоевшую тему, спрашиваю мужа: - Куда теперь пойдешь? Вот уж, про меня сказано: «Кольцо на руку, хомут на шею». Смотрит с откровенной враждебностью. Пусть смотрит! В конце концов, я тоже человек. Слава Богу, есть у меня кое-что для ума и сердца.

Не так давно, в журнале «Ашхабад», опубликовала одно из стихотворений. А потом, в газете «Эдебият ве сунгат» («Литература и искусство») - эссе о Курбанназаре Эзизове. Яркий интересный поэт, выпускник нашего университета, успел выпустить всего одну небольшую книжечку «Венок сонетов». Этот красивый человек, словно предчувствовал свою гибель от случайной шальной пули. Вместе с ним, в один час, погиб и поэт Юрий Иванович Рябинин. Он не дожидаясь выхода в свет своей книги. Редактор издательства «Туркменистан» Светлана Степанова, принесла мне для журнального рецензирования гранки будущего сборника и сказала: - Рябинин говорил: «Не дождусь я, когда книга выйдет. Не доживу». Во всем, что касается трагичности собственных судеб, поэты сродни пророкам. Примеров тому в истории литературы, предостаточно. Более других в «Венке сонетов» Курбанназара Эзизова, меня потрясло стихотворение «О, врачеватель сердца моего». А сборник Юрия Рябинина, весь пронизан тревогой и болью. Работаю на два фронта, пишу рабочие рецензии для издательства, а открытые - для газет и журналов. Они отличаются друг от друга. Но и те, и другие являются своего рода проводниками от редактора к автору, или от критика к читателю. Это при том, что многие авторы критиков и редакторов не любят, и не скрывают своего отношения к ним. Лишь некоторые писатели нас уважают, считают своими помощниками и «наибольшими интеллектуалами литературного цеха». Например, Вадим Кожинов. Правда, давненько он порадовал наш «цех» этим комплиментом в «Литературной газете».

4.

Уволился из киностудии старший редактор отдела хроники Валентин Хорошилов. Человек он ранимый, с нелегким характером, с нещадно острым языком, эпатажный, иной раз, до дерзости. Сдружилась нас с ним сначала память об Олеге Калмыкове, а потом – взаимная симпатия взрослых, много переживших людей. По правде говоря, его место освободили для милой женщины – журналистки, жены корреспондента «Комсомольской правды» в Туркменистане.

Знакомясь с ней, я окатила ее такой ледяной вежливостью, что она растерялась. Но Валеку все равно рассердился и на меня, и на «белобрысую». Понимать-то, я его, конечно, понимаю, но ведь и она не виновата. – Ты тоже хороша! Уже успела с ней подружиться. Пытаюсь как-то урезонить, но он и слушать не хочет. У него всегда все эмоции навыхлест. Но в чем -то, он, безусловно, прав. Владимир мой стал зудеть: - Думаешь, я ничего не вижу, ослеп? – Что же мне теперь, не разговаривать ни с кем? – То-то, наговориться не можете! – Что ты мелешь? Дети у него взрослые, а меня ты – «сокровище ненаглядное». - Зато вы с Валькой умники! Радости у вас - через край! – Что Бог дал, то и наше. – Заладила! Бог, Бог, Бог! Да плевать Он на вас хотел! На обоих!!! – Володя, перестань, стыдно. Бог нам помогал через людей и через Валека тоже. Чего ты хочешь? – Уйду в «Рекламу».

Сижу дома. Кто я теперь? Домработница с дипломом филолога. Роскошь для меня и моего мужа не позволительная. Да что ему моя жизнь, когда о своей отродясь не задумывался! Вот и кончилось для меня все в сорок лет. Ни работы, ни друзей, ни общения. И вижу я каждый день только угрюмое, недоверчивое выражение лица, мутные от хмеля глаза и слышу примитивную, унижительную для обоих ложь. Слушать противно, не то что верить. Появляется апатия, которая постепенно переходит в тяжелейшую депрессию. Один из ее симптомов -бессоница. В одну из таких ночей встала, взяла из платяного шкафа узенький длинный поясик и вышла на веранду. Кружится голова, горячечные мысли лихорадочно насакаивают одна на другую: «Хватит! Не могу больше! Надоело пьяницу нянчить! Не хочу! Не буду!!! Пусть живет, как хочет». Руки движутся быстро, но никак не могу привязать этот поясик к решетке веранды, выше своей головы... Что это?! Только зрительных галлюцинаций мне не хватало! Встряхиваю головой, чтобы отогнать от себя это видение. Не помогает! Отчетливо вижу лик Иисуса Христа, освещенный со спины золотисто-теплым, мерцающим светом. Луна, должно быть... Но нет ее на небе. Одни звезды в черной вышине. Лунный свет не такой, он-голубовато-холодный. Остолбенела от страха. Губы меня не слушаются, когда я быстро бормочу: Чего ты, Господи, от меня хочешь?. Больше ничего сказать не могу, язык к нёбу присох.

А Иисус смотрит на меня, с упреком и состраданием, со строгостью и любовью. Чтобы не упасть, я вцепилась одной рукой в решетку. А другая, как плеть, безвольно повисла вдоль тела. Смотрю на Его лик, в Его глаза и шепчу: -Что же мне делать, Господи? Научи! Не могу я больше. Он ничего не сказал, но по Его ясным, чистым глазам, я поняла: надо жить и терпеть, что бы не случилось. Терпеть, чтобы не оскорбить Творца, отвержением Его дара. Дара жизни, которую Отец дал и мне как величайшую Благодать. Продолжался мой внутренний диалог с Иисусом Христом не больше минуты. Из глаз хлынули слезы. Попятившись, с трудом добиралась до старого кресла, которое стоит у нас на веранде. Слезы текут по щекам, впервые за много лет, но я не стираю их с лица. Сколько можно сдерживаться? Сколько можно прятать слезы? До самого рассвета, через Иисуса Христа делюсь с Богом, своими печальми, и прошу у Него поддержки. Захлебываясь слезами, благодарю Его за то, что Он не позволил мне совершить грех самоубийства. Может быть, я даже задремала, потому что проснулась от предрассветной прохлады. Совершенно обессиленная, поставила на плиту чайник, и пошла в ванную. Открыла душ. Тугие струи холодной воды хлещут по голове, по лицу, по плечам, зубы выбивают дробь. Когда я вернулась на кухню, муж уже сидел за столом. Швырнул на пол поясик от моего платья: - Ты что, с ума сошла?! Ничего не отвечаю, думая только об одном. «Ушел бы скорее на работу...» Проводив его, прихожу в комнату, и говорю громко и горестно: -Господи, прости меня, прости? Разве я бы решилась на такое, будь у меня дети или любимая работа, а так... Для чего я живу? Спас ты меня от самой себя, Иисусе Христе. А дальше то, что будет?

Вечером, Володя приходит с работы вовремя, совершенно трезвый, с цветами. В них – сегодня особый смысл: его молчаливая просьба о прощении, обещание, что теперь мы начнем жить по-другому. Появилась и у меня надежда на лучшее. За день, помолившись Богу, как умела, успокоилась. Давно мы так не разговаривали с мужем: - Ты, лапочка, не вздумай больше... Нельзя же так! Как я без тебя буду? Весь день все из рук валилось. -Работу бы мне

настоящую, Володя. На монтажных листах заработать можно... От случая к случаю. Но ведь, это не дело. - Подожди немного, может, что-то и подвернется. Бог поможет, как ты говоришь. Лицо у него спокойное и серьезное. В бездельной маяте проходит еще неделя, которая кажется мне годом. Кто-то звонит по телефону! - Приду сегодня вечером. Можно? - Разумеется, и спрашивать незачем. Пока муж в ванной, успеваю накрыть стол. Звонок в дверь. - Я сам открою. - Открой. - Здравствуй, Володя! - Здравствуй, Валентин. - Я по делу. - Ладно, деловой! Поужинаем, потом о делах. Ужинаем, а мне не терпится узнать, что за дело такое. Быстро убираем посуду и переходим в комнату. - Помнишь, ездили мы на съемки, недалеко от Усть-Юрта?. Снимали разную чепуху для киножурнала. - Помню, ну и что? - А то... Встретился там один человечек. В киножурнал такого, никаким боком не втиснешь. Но тема! - Говори толком. Я, тут при чем? - При том. Слушай. И рассказывает о человеке с трагически изломанной судьбой, оказавшемся на распутье, между Богом и потерей веры в Него. - Напиши, у тебя получится. - Валек, да что ты? Я же его не видела. Сам напиши. - Зачем мне чужое? - Чужое?! Вот как! В чужие я попал! - Валька, да перестань ты к словам цепляться.,- урезонирует гостя Володя. - Что у вас, у филологов, за привычка такая?

- Боюсь я, Валек вдруг не получится... - Получится, а вот у меня - нет. - Почему? - Часто пьян бываю. Не каждый день, но... Немного помолчав, пристально смотрит на меня, и вдруг тихо, задумчиво: - Как бы хорошо, смотрелся на твоей шее католический крестик. Отвечаю, будто говорили об этом сто раз: - Сама давно этого хочу. Да откуда здесь католикам взяться? В обозримом будущем не предвидится. Шел 1986 «перестроечный» год. - И этот про Бога! Партийный. С партбилетом - в самый раз к Господу обращаться. - Перестань паясничать, Володя, не о нас с тобой речь, о Татьяне. А ты, милая, не сиди сложа руки, не рыдай в платочек. Делом займись! Пошел я, ребята. - Домой или к матери? - К матери. У дверей они разговаривают: - Получится у нее, нутром чую. - Не знаю. - Ох, Володя, Володя, не знаю уж кто, Бог или судьба, преподнесли тебе такой подарок. Жаль, что ты ее совсем не понимаешь, не ценишь. Муж отгрызается: - Сам хорош! -То-то и оно. А то бы давно увел её от тебя.

Не выходит у меня из головы меджевур, смотритель кладбищенского мазара (молельни), чем бы я не занималась. Не я материал поворачиваю, он мной управляет. Чужая, совсем не знакомая судьба, на время становится моей. Значит теперь, в процессе работы, надо крепко взять «бразды правления» в свои руки. Иначе занесет неведомо куда. Написала. Поднимаю телефонную трубку: - Валек, приходи, почитай. Думала, возьмет с собой, дома почитает. Не тут-то было! Читает, сидя рядом со мной, придиричиво и въедливо: - Вон ведь куда повернула! Не зря я тебе говорил, не зря! Не для газеты это. Для «Юности» тоже слишком глубоко и серьезно. Хорошо бы в журнал «Ашхабад» определить. Есть там знакомые? - Не то, чтобы очень. - Кто? - Да все понемножку. Наш народ. Филологи с дневного отделения. - Ну да, господа аристократы, не то что мы, заочники. Вот бы главному редактору отдать... - Рыбину?! Писатель, секретарь Союза писателей. Боюсь. - С такими, наоборот, все проще. Потому что они умные. Валентин Федорович - автор нескольких исторических романов. Значит, это его тема. - Авантюрист ты, Валек. И меня в омут головой толкаешь. Эх, была не была!

На мое счастье, Валентин Федорович Рыбин оказался в редакции. И материал мой попал из моих рук прямо в его. Разговариваем всего несколько минут. - Оставьте, сам посмотрю. Дома эйфория от неслыханной удачи испарилась довольно быстро. Начинаю мыслить реально: «Взять-то взял, а вдруг не подойдет по проблематике? Или сырым, слабым покажется? Это тебе не лирические стихи. Спросил и про них. Почему, мол, стихи писать перестала? Дней через десять узнаю что, и как. Не раньше». К моей радости, терзаться неопределенностью пришлось недолго. На третий день позвонил сам Валентин Федорович: - Берем в следующий номер. Очередной уже сверстан. - Может, что-то не так? Доработаю. - Нет, нет и нет! Мы ведь, пишущая братия, иной раз так «замылим» доработками, что и самим читать тошно. Все в порядке. С боевым крещением Вас! - поздравляет уважительно, на равных. - Если что-то еще есть или будет, милости просим!

Получив сигнальный экземпляр журнала со своей фамилией в рубрике «Проза», чувствую себя так, словно заново на свет родилась.

Думала, никогда больше не смогу написать ни одной строки. Сижу, любуюсь, читаю. Если бы не ты, Господи, если бы не Валек, и не Валентин Федорович, гремела бы я сковородками и больше ничего. Нетерпеливо набираю знакомый номер телефона. – Валек, вышло, вышло!!! - Иначе и быть не могло. Знаешь, как я рад за тебя! Загадывай желание, между двух Валентинов находишься. - Господи, чего мне еще загадывать! И так сбылось самое главное. С тех пор, десять лет любимая работа, по милости Господа, спасала меня от тоски и отчаяния неизбежного для человека, заживо замурованного в четыре бетонные стены. Забываю о своей телесной немощи, потому что душа танцует. В редакции «Ашхабада» познакомилась со Светланой Степановой, старшим редактором издательства «Туркменистан». Подружились мы с ней быстро, наверное потому, что она редактирует художественную литературу. Света приносит мне домой корректуры книг, которые она готовит к выпуску. Благодаря этому, я успеваю в срок сдавать в журналы свои критические статьи. Появилась и другая интересная работа. Редакторский анализ рукописей для издательства. Этой работой мне раньше заниматься, не приходилось. Поэтому интересно вдвойне. Зимой Света приносит рукопись для литературной обработки. Как правило, материал таких рукописей очень интересен, но автору не достает умения довести его до литературной кондиции. Не случайно эта очень увлекательная работа считается «высшим пилотажем» редакторы. Смушает то, что по жанру рукопись Владимира Степановича Мазаева -военные мемуары. Но мы с ним очень хорошо понимаем друг друга, и книга выходит. Счастлив хороший человек. А для меня, «литературного негра», отсутствие моей фамилии в ее выходных данных значения не имеет. Поработала всласть!

Благодарю Тебя, Господи, за чудо своего творческого воскресения! За людей, которых Ты дал мне тогда и даешь сейчас. Жаль только лет, потраченных напрасно: работала где попало, кем придется, ни себе, ни людям не в радость. Больно, что Света Степанова, моя ровесница, рано ушла из жизни. Я ее люблю и помню также, как своих врачей и всех друзей, кого нет со мной рядом. За последние пятнадцать лет, многие мои друзья и сокурсники уехали из Туркменистана. В том числе, Рыбины, Хорошиловы и дочь Светланы Елена. Я благодарна Богу за то, что в моей жизни был Валентин Хорошилов. Дружба наша с ним прекратилась еще до их отъезда в Россию по моей инициативе. Мне не хотелось огорчать мужа. Вот оно, мое малодушие! Благодарю Валентина за то, что его внука, родившаяся в Ашхабаде, носит мое имя.

5.

...Не созданы мы с Володей для счастья, или счастье не создано для нас. Пришел домой со сломаной правой рукой. На нее он опирается на костыль при ходьбе. Лицо от боли серое, пепельное. Насколько все серьезно, похоже, не понимает. Рассказывает, каким образом сломал руку. Верить или нет, не знаю. Версия уж очень сомнительная. Вызываю «скорую помощь» и, не успеваешь машина отъехать от нашего подъезда, звоню во все травмпункты, выясняю, где он и что ему делают. Домой возвращается на такси, с мокрой гипсовой лангетой. Перелом у него срастается долго – целых четыре месяца – как у всех, кто переболел полиомиелитом. Так что мне не приходится тешить себя иллюзиями. Мое дело - помочь ему пережить это время. Благо, занимаюсь любимым делом. Через четыре месяца он выходит на работу. Володе недавно исполнилось 50 лет. Поздравительному адресу, который сам же и сделал, радуется как мальчишка. В день его рождения в нашем доме было много гостей. Просто не пойму, как мы все поместились в нашей маленькой комнатке?

После травмы, рука у Володи работает гораздо хуже, чем раньше, но форсировать разработку ему ни коем случае нельзя. Даже внешне заметно, насколько эта травма его подломила, выглядит старше своих лет. В волосах прибавилось седины. Взгляд стал какой-то

потерянный, углубленный в себя. Смотрю на него, и сердце сжимается от жалости. Правду говорят: «Пришла беда, отворяй ворота». Стою однажды у стола, глажу. Утюг скользит по ткани, а безрадостные мысли текут также однообразно и медленно. С минуты на минуту, Света Степанова принесет корректуру. Отвлекусь. Пришла. Зная, что перерыв у нее очень короткий, тороплюсь к двери. Ох, как не к стати эта спастика! Делаю порывистое движение и падаю на ровном месте. От сильного ушиба левого тазобедренного сустава не могу встать с пола. До входной двери добираюсь «по-пластунски», лежа на животе, с помощью рук. Дотягиваюсь до ключа, открываю дверь: -Света, шагай через меня. Позови соседей, ты со мной не справишься. Слава Богу, Соня и ее муж Олег дома. Боясь причинить мне лишнюю боль, они с трудом перетаскивают меня на диван. – Больно? – встревожено спрашивает Соня. – Побелела вся. – Ерунда, ушиблась, пройдет. Светка, давай корректуру, иди, перерыв у тебя кончается. – Ты что, чокнулась?! – сквозь слезы кричит на меня она. - Какая тебе корректура?! – Что ж, по-твоему, в потолок теперь пялиться? Нога – не голова. Читать и писать можно лежа. Приходилось.

- Света, отдай пусть работает, - говорит Соня. - Вреда от этого не будет. Надо Володе позвонить. – Не надо, - возражаю я, - придет, сам увидит. Чтобы не спорить со мной по напрасну, соседи звонят мужу со своего телефона, и вызывают из нашей поликлиники хирурга и невропатолога. Малейшее их прикосновение, или мое движение причиняют ужасную боль. Ехать в больницу отказываюсь наотрез: - Оставьте меня в покое! Всполошились из-за ушиба. Два с половиной месяца, мы скрывали от мамы наше чрезвычайное происшествие. Точно также, как скрывали Володин перелом. Все равно она что-то чувствует. Звонит через день. Тамара Молина, корреспондент «Вечернего Ашхабада», привозит к нам домой главврача из Центра реабилитации инвалидов. Утром к нам приходит Сергей, массажист и инструктор по лечебной физкультуре. Первые две недели моей болезни Володя и повар и нянька. Потом мне становится немного полегче. Лежа читаю корректуры, пишу статьи. Отдаю их ненапечатанными. Печатают машинистки редакции. Днем, когда муж на работе, за мной присматривают соседки, Соня Калинина и Света Яронова. Общими силами поднимают меня на ноги, но хожу с тех пор, только по квартире, держась руками за мебель и стены. По всей видимости, у меня был не ушиб, а перелом тазобедренного сустава.

Не обходилось в моей литературной работе без казусов. Случалось, отказывалась от работы с некоторыми авторами. Например, с одним отставным полковником КГБ. Отклонила его рукопись, вторичную по содержанию, и очень слабую по логико-эстетическим данным. Он, козыряя своими былыми заслугами, пошел жаловаться по всем инстанциям на Светлану Степанову и на меня. По этой причине, Света пророчила себе и мне мрачное будущее. Обошлось, с Божьей помощью. Да и времена на дворе, стали совсем другими. Посему, никто из нас бывшего «гребиста» не испугался. И все же, одно из своих эссе, я не могла опубликовать нигде два года. Оценивая материал, редактора и их заместители говорили: - Материал очень сильный, но ты ведь понимаешь... А дело том, что в этом очерке я размышляла о судьбе, о жизни и смерти генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Масленникова, человека из ближайшего окружения Л. П. Берии, начальникам Управления печально-знаменитых Мордовских лагерей. Очерк этот опубликовали в «Вечернем Ашхабаде». Он стал, своего рода, логическим завершением публикации списков жертв сталинских репрессий в той же газете.

Дальше произошел совсем неожиданный оборот. В пятницу нас пригласили на свою госдачу наши друзья, корреспондент «Комсомольской правды», Владимир Ардаев и его жена. Вечером, к ним на огонек приехал их знакомый, адвокат. Ардаевы сказали: - Рукопись у Алика по теме и проблематике очень интересная, но сырая. – Я, - сказал Володя, - газетчик, могу работать только по факту. А тут - совсем другое дело. По жанру и, по стилистике. Попробуйте, у филологов такие вещи получаются лучше, чем у журналистов. И действительно, работать оказалось очень интересно. Объективно получилось так, что тема наркотрафика и наркобизнеса уже тогда была актуальной, несмотря на то, что ее упорно, замалчивали. Выходит, мы с Аликом опередили время лет на двадцать. Я рада, что хоть чем-то смогла ему помочь. Когда вышла книга,

он принес ее мне с дарственной надписью, как и Владимир Степанович Мазаев. Предложил: - Было бы очень хорошо, если бы Вы написали рецензию. Ну, скажем, в журнал «Ашхабад». – Не могу, дорогой. Как же это я сама себя рецензировать буду? Я не сказала ему, что в редакции журнала шел долгий спор. Говорили о том, кто помог этому человеку. Что это я, литературный критик, моим коллегам и в голову не пришло. «Литературные негры» о своем соавторстве молчат годами. Вот было бы смеху в редакции, если там узнали бы правду. Я – и детектив – вещи не совместимые. Ну что ж, значит такова была Божья воля, чтобы я поработала и в этом, непривычном для себя жанре. Книги этой у меня нет: «зачитали» дети знакомых.

6.

Самые тяжкие испытания начались у нас с 1994 года. Заболела Светлана Степанова, коллега и близкая подруга. Сначала мы все думали: сделают ей операцию, и все будет «окей». Так думал ее муж, дочь, мать и, конечно, мы, друзья. К врачам, она обращаться не торопилась: -Некогда! Обойдется как-нибудь! Болезнь оказалась страшной, неизлечимой. Весной сильно закашлял мой муж. Сходить в поликлинику – не уговоришь: - Мы с Олегом на пару кашляем. Еще бы, курим с восьми лет. Соня не очень - то беспокоится, а ты – паникерша. И посоветоваться мне теперь не с кем: четыре года назад от опухоли мозга умер Юрий Михайлович Волобуев, а еще раньше -Борис Михайлович Новгородский и Рональд Анатольевич Стегайлов. К их мнению он бы прислушался. Вспоминая этих людей, я уверена, они пребывают в Царствии Небесном, совсем недалеко от Господа Бога. К тому же, медики - за редким исключением – люди верующие глубоко и искренне. Должно быть потому, что в их призвании много общего с целительским служением Иисуса Христа. Кашель у Володи все чаще, надрывнее. Упрашиваю: - Сходи в поликлинику! – Чего я там не видел? Подумаешь, грипп. Чихать на него! Работаю теперь в хорошем месте, не то что в той «шарашке». К тому же, мы оба знаем, что у многих работников типографий существуют серьезные проблемы с бронхами и легкими. Летом кашля практически нет, и это притупляет нашу бдительность. Весной 1995 года муж опять заболел гриппом, но обращаться к врачам отказывается: - Работы много, не могу я людей подводить. Год всего проработал.

К лету 1995 года у Степановых и у нас дела идут все хуже и хуже. Весной буквально сторел от скоротечного рака легких, наш сосед, рослый сильный мужчина. От предчувствия неотвратимой беды заболело сердце: Володя физически гораздо слабее Олега. Еще до болезни Светланы мы с ней не раз говорили о желании принять Крещение. Чувствовали, что наши души созрели для столь важного шага. Вля столь важного шага. мы не раз говорили о желании принять Крещение.ых связей в семьях.ия с Богом, вплоть до встречи с Ним на значительной степени на нас повлияло и то, что Елена, ее дочь, работала над диссертацией на тему: «Православие в Туркменистане». – Выходит, наши дети духовнее и мудрее нас, - говорит Светлана. – Выходит так... Немного помолчали. – Света, мне ближе Католичество. – Оно и понятно. Разницы, по – существу, никакой. Одному Богу молимся. – Да, когда –то были единой конфессией. Вскоре ее положили в больницу на обследование. Потом перевели в онкологию, а через несколько дней, привезли домой. Болезнь прогрессировала с ужасающей быстротой. Лена ясно понимала: обряд Крещения Светлана сможет принять только в домашних условиях. Надеялись хотя бы на временное облегчение, на передышку в борьбе с болезнью. Наши надежды не оправдались. 27 октября 1995 года Светланы Степановой не стало. Она не успела принять Таинство Крещения. Но все, кто любил эту маленькую, хрупкую женщину с добрым сердцем, высокой душой и тонким умом верили, что Господь принял ее с миром. Молимся за нее, веря, что Бог слышит ее мать, мужа, дочь, внуков и нас, Светланиных друзей и коллег.

Володя уже четвертый месяц лежит в туберкулезном диспансере. Что бы я делала без своих соседей и друзей? Без Меджека Чарыева и Тимура Вертянкина, без Иры Шатуновой и Вали Стрельцовой, без Нурметовых, Калининых Яроновых, Левшановых, без Лены Степановой и ее

мужа Георгия, без Аллы и Николая Ершовых? Володину зарплату и пенсию привозила домой кассир их типографии. Конечно, я назвала далеко не всех. И не потому что не хочу, а потому что не хватает места на страницах этих воспоминаний. Некоторые из тех, кого я назвала, живут сейчас в России, Германии, Америке. Но в те, тяжелейшие для меня девять месяцев – с 5 июня 1995 года по 3 марта 1996 года, - все они помогали, как могли, не жалея ни сил, ни времени. Тимур Вертянкин работал тогда в таксопарке. Свою машину называл «старой клячей», но и на этой «кляче», он умудрялся по воскресеньям привозить моего мужа домой, если Володю отпускали врачи. А когда тимурова машина ни в какую не хотела двигаться, выручали Меджек Чарыев, Оля Ершова или кто-нибудь еще. Маму мы не вызывали: во-первых, боялись, что она заболит, а во-вторых, раньше, в 60-е годы, туберкулез излечивали. Надеялись и мы, что все не так страшно.

Откуда у меня брались силы? Вставала в половине шестого утра. И ложилась не раньше часа ночи. Удивительно то, что будучи в постоянном контакте с тяжело больным человеком, я не заболела. Это Ты, Боже, со щедростью Отцовской любви, снова спасал меня и помогал. И Ты же, по сей день даешь мне верных, надежных друзей, потому что любишь нас всех. Любишь «с грехами, с ошибками, такими, как есть». Как-то одна из соседок спросила меня, тогда: - Не страшно тебе, одной по ночам? Ведь первый этаж, дверь прямо с улицы, напрямик. Спокойно ответила ей: -Я не одна. Во взгляде немолодой женщины уловила откровенное бабье любопытство: - А с кем? Говорю спокойно и уверенно: - С Богом, Лида, с Богом. Так оно и было. Только чудом Божьей любви можно объяснить, что болезнь мужа не коснулась меня чего он очень боялся. В те годы, от туберкулеза умирали десятки, если не сотни людей по всему миру. Врачи-фтизиатры заговорили о мутации «палочки Коха». Перенесла я физическое и нервное напряжение, которое вполне могло довести до полного истощения. Продукты тогда, распределялись по карточкам, и качество питания оставляло желать много лучшего. Жили все как получится. Последний раз видела мужа 15 января 1996 года. Мы оба ясно понимали, прощаемся навсегда, хотя и не сказали об этом ни одного слова. 3 марта 1996 года мужа не стало. Он не хотел, чтобы я навещала его в больнице. Говорил и Тимур, и Вале Стрельцовой: - Она еле держится. Не дай Бог, здесь заразу нашу подцепит. Или ноги совсем отнимутся. На девятый день, во время поминок, Валя Стрельцова тихонько сказала: - Может, так и лучше. Отмучился он. И тебя, еще бы немного, вперед ногами вынесли. Через некоторое время Соня Калинина нашла мне надомную работу в одной из маленьких фирм, которых развелось тогда в Ашхабаде видимо - невидимо. Работа от случая к случаю, но хоть что-то, когда нет ничего. Вскоре я оттуда уволилась: сказались физическое и нервное переутомление, а кроме того, с директором характерами не сошлись. Они мне потом предлагали вернуться, но я ответила отказом. Внешне, я всегда старалась быть очень сдержанной и спокойной. Недаром, в студенческие годы, Лариса Довженко, называла «вещью в себе». Нет, Ларочка, не в себе я, а в Боге. А Бог во мне. Он Единственная моя опора и надежда. А еще вы – все, кого он мне дал и кого люблю всем сердцем, хотя и огорчаю часто, своей горячностью и упрямством. На Него Одного, на Господа уповаю. Потому, что жажду Бога ощущала в себе давно, но утоляю ее по-настоящему лишь с 2002 года.

Большая доля моей вины в том, что сама обратившись к Богу, я не сумела помочь моему мужу сделать этот шаг. Самый близкий человек не понимал меня. Старалась, но не знала, как исцелить его сердце и душу от безверия, граничащего с цинизмом. Пожалуй, причина не столько во мне, сколько в нем самом. Вынуждена с горечью признать: его сердце никогда не билось для Господа. «И ум, вернее, неразумие, отвергало Творца. Бог настигал человека своей любовью, а человек отвергал эту любовь» (...) «И тогда...Господу не осталось ничего, кроме гнева: ...Я начинаю гневаться на них, предоставляю их самим себе. И даю им то, чего они жаждут»⁸. Значит, каждый из нас получил то, чего жаждал. И ничего изменить уже нельзя. Даже того, что никто из родственников моего мужа, не пришел проводить его в последний путь. Меджек Чарыев присидел

---

⁸ Журнал «Любите друг друга», 2005 г. // Специальный выпуск, посвященный семье. с.53 (Дневник, 17,28).

с нами почти всю ночь накануне похорон. Красил крест. Утром пришли мои подруги, друзья, сокурсники, те, с кем не виделась несколько лет.

Время идет, но ничего оно не лечит. Порой кажется, душа болит с каждым днем сильнее. Спасибо друзьям и подругам: не забывают, звонят, приходят. Чаше всех звонит Меджек. Рассказывает, где был, и что делал. Чьи работы выставляются в вернисажах. Как-то один из его знакомых, сказал мне: - Бог вам улыбнулся, при вашем рождении. Смотрю на него с изумлением: - Вы же, атеист! – Не о себе, о Вас говорю. Через некоторое время, Меджек объявил: - У меня на личном фронте намечаются перемены. - Дай -то, Бог! Не повезло ему с первой женой - красавицей, которая теперь, вместе с их сыном, живет в Норвегии. Познакомил меня с Захрой, милой, обаятельной женщиной. Порадовались мы с мамой за него. У них уже растет дочка Энеша. Умненькая, веселая девчушка, несомненный лидер в детском коллективе. А недавно родился сын, маленький Чары. Пошли им, Господи, счастье за его доброту, отзывчивость и верность дружбе! Все неприятности случаются со мной почему-то в високосные годы. Начало нового века и нового тысячелетия исключением не стало. 19 февраля 2000 года, поскользнувшись, упала в ванной, сломала шейку левого плечевого сустава. Мама напугана до невозможности, поэтому «Скорую помощь» вызываю сама. Приезжают действительно скоро: новое здание травматологии от нас недалеко. Рентгеновский снимок делают быстро, аппаратура у них хорошая, новая. Пока нет дежурного врача, прошу показать мне маленький снимок. – Нельзя, - медсестра отрицательно покачивает головой. - Эта «ведьма» ругаться будет. На снимке хорошего качества ясно видно: смещение костных отломков, совсем незначительное. И кости – тонкие. Только бы сложили удачно! Кто-то бежит по лестнице сверху вниз. Вижу туркменку лет сорока, невысокую, худощавую. Догадываюсь, это и есть «ведьма». – Ну и денек сегодня! – на бегу говорит она. – Уже шестнадцать! «Интересно, со мной или без меня? - вертится у меня в голове. – Опять я маме «подарочек» преподнесла... Стирки полно, зима на дворе...» Господи, что за чушь лезет в голову? Мама за дверью старается не плакать. Молодец, «ведьма», хорошо работает! Вызывают «Скорую помощь» и отправляют нас с мамой домой.

Я почему - то, чувствую и ясно осознаю: и на этот раз все будет хорошо, несмотря на то, что лет мне давно уже не тридцать. Через три месяца, начну разрабатывать, на этот раз, левую руку. Моя уверенность маму настораживает, но я упорно стою на своем: - Вот посмотришь, срастется! И разработаю руку так, что будет лучше, чем раньше. Не знаю почему, эта уверенность не покидает меня не на один день. Отец Томаш говорит: - Дух Святой в тебе работает. Чем же еще объяснить, что результаты сращения превзошли самые дерзкие ожидания? Кость срослась, как говорят, «тютелька в тютельку». Но и это еще не все. После разработки, левая рука стала работать лучше, чем до перелома. Жаль не знала я тогда, отца Томаша Кошчиньского! Сказала бы ему, насколько он прав, насчет меня и Святого Духа. И правда: пятьдесят восемь лет такое чудесное сращение! И такой невероятно удачный результат разработки.

Авва Отче, наверное, немногие из Твоих детей доставляют Тебе и людям столько хлопот, сколько я. Но Ты прощаешь мне все мои дерзости, глупости и грехи, вплоть до попытки самоубийства. В день смерти мужа, я взбунтовалась против Тебя, и выкрикнула: - Боже, что Ты наделал?! Для кого мне теперь жить и зачем?! Соседку напугала до того, что она прошептала побелевшими губами: - С ума сошла! Замолчи! Не гневи Бога! Прости мне, Господи, и те обидные для Тебя слова, и то, что мне очень стыдно и больно вспоминать свою неудавшуюся семейную жизнь. Много лет я старательно прятала ее от посторонних, даже дружеских глаз. Только Ты Один, Мудрый и Любящий Отец, все видел и все знал. А мама моя о многом догадывалась. Но никогда не упрекала меня, ни за мой трудный характер, ни за мои ошибки. Ты Господи, дал мне силы открыть свою душу перед людьми в свидетельстве о Себе. Храни, Господи, всех от ошибок и разочарований, подобных моим. Ведь они очень больно ранят слабые человеческие души. Отче, прими мою ответную любовь, глубокую, выстраданную веру, надежду и дочернюю благодарность!

Глава пятая.

1.

Сегодня 23 августа 2005 года, день моего рождения. Самое время оглянуться на прожитую жизнь и ответить Господу любовью на Его Любовь. Поблагодарить Создателя за свою жизнь, в которой были и горести и радости, и взлеты и падения, болезнь и ее преодоление с Божией помощью. Особенно значимы для меня последние три года – с 2002 по 2005. Горько, что лучшие, молодые годы прошли, если не в полной тьме, то в густом тумане, в котором я искала, но не находила дороги ни к Богу, ни к храму. 25 марта 2002 года в первом часу ночи, позвонил мне художник Меджек Чарыев, мой школьный друг. В том, что это именно он, сомнений быть не могло. Больше в такое позднее время никто не звонит. Мое «личное информбюро» для начала поинтересовалось: - Спишь? –Нет. –А что делаешь? – С тобой разговариваю. -Ну так вот, слушай внимательно! Поляки твои приехали. - Фирма какая-нибудь? –Слушай, не перебивай. Был я сегодня на выставке. Говорил я тебе, помнишь? Две мои работы там есть. Поляки эти – священники. Нунций и два его помощника. Симпатичный, а парни –высокие, красивые. Полусонным голосом напоминаю: -Поляки все красивые. Пугаешь ты что – то, Меджек. Нунций? Здесь? Чего он здесь забыл? -Ну, может, назвал я не совсем правильно, но что священники, точно. Ему лет... , где - то около пятидесяти, а им -лет по двадцать пять -тридцать. –Меджек, телефон ты у них не спросил? Друг сокрушается по поводу своей оплошности: -Вот ведь, не догадался. Что же теперь делать? –Спасибо, что сказал. Как только их найду, сразу тебе позвоню.

Долго ворочаюсь с боку на бок. Обдумываю через кого и как найти номер телефона людей, о которых сказал Меджек. Через справочное бюро городской телефонной станции? В их банке данных такого номера может не быть. Лучше всего узнать, позвонив в Совет (Генгеши) по делам религий. Там -то уж, конечно, знают. Наскоро позавтракав, звоню в Генгеши. Вежливый мужской голос отвечает: -К сожалению, мы не в курсе дела, попробуйте позвонить по номеру... Набираю названный номер. И чувствую: за моей спиной стоит Кто-то, одетый в длинную белую одежду. А легкую руку держит на моем правом плече, словно подбадривая меня. Очень хочется оглянуться, хоть я бы краешком глаза увидеть! Но удерживает какая - то необъяснимая робость: не спугнуть бы этого Кого-то, вдруг исчезнет... На исходе третьего дня, не выдерживаю. Немного наклонив голову, скашиваю глаза вправо. Не вижу ничего, кроме краешка полупрозрачной белой одежды почти у самого пола. Повернуть голову, чтобы посмотреть получше, у меня не хватило смелости. Почувствовала: сегодня узнаю обязательно! Найду то, что ищу. И в самом деле, немного поразмыслив, моя телефонная собеседница доброжелательно советует: -Позвоните по номеру 39-11-40. Возможно, это как раз то что вам нужно. Желаю удачи! –Спасибо вам, спасибо!

... Ответил мужской голос с заметным польским акцентом: -Вас слушает отец Войтек. Сердце от радости подскочило к самому горлу. И, первое, что я сделала – огорошила собеседника своим заявлением о немедленном желании креститься по Католическому обряду. Затем спросила: -Сколько будет стоить Крещение на дому? Вероятно, вопрос о цене крещения привел отца Воцеха в минутное замешательство. –Нисколько, -отвечает, -бесплатно. – Как это, бесплатно? – удивляюсь теперь я. –Так есть в Католической Церкви. А почему Вы не хотите креститься в храме? Приходите, наш адрес: улица Героглы 20/А. –Пришла бы, да не могу. Объясняю причину. Тон собеседника приобретает явно сочувственные, сострадательные нотки. – Я сам к вам приеду. Назовите, пожалуйста, ваши координаты и номер телефона. Это что-то невероятное! Вспомнился давнишний разговор с супругой Православного священника. И осадок обиды после того разговора.

Свое обещание отец Войцех, сдержал очень скоро: позвонил пятого апреля 2002 года. В тот год Католическая Пасха пришлось на 31 марта. А мы с мамой делали генеральную уборку перед Православной Пасхой. Мама у меня –русская. Увидев отца Войцеха впервые, я не смогла

скрыть изумления. Знала, конечно, что есть молодые священники, но ему на вид было не больше двадцати двух- двадцати четырех лет. Высокий, статный, красивый большой ребенок! Ай да Меджек, ай да художник! Может не только карандашами и красками, но и словами абсолютно точно изобразить человека. –Боже, какой вы молодой! –срывается с моего языка. –Впрочем, Иисус Христос тоже был молод. Заходите, пожалуйста!

Записала на память этот день- 6 мая 2002 года. Первый день моего пути к Богу. Второй раз молодой священник пришел в наш дом в День Победы. Принес Библию, малый молитвенный календарик и еще три книги из библиотеки Апостольской Нунциатуры в Ашхабаде, при которой и находится наша церковка Преображения Господня. Книжки о Войцах выбрал с учетом тематики нашей первой беседы. –А Библию мы вам дарим. Честное слово, если бы мы не сидели на диване, я бы упала от неожиданности. Имею ли право я, не крещеная, ни разу в жизни не переступившая порога храма, принять такой дар?! Мои сомнения о Войтеке ничуть не смущают. –Конечно, имеете. У нас, Католиков, так есть. Спасибо, что приняли наш подарок. Я немею от полнейшего изумления. Священник терпеливо объясняет, как с помощью календарика, следует ежедневно читать Слово Божие. Подумать только: в День Победы и такой подарок! За эту Победу против фашизма воевали наши отцы. Мой отец был тяжело ранен на Сандомирском плацдарме. Мужья маминых сестер воевали под Ленинградом и под Москвой. Отец моего мужа воевал под Сталинградом, а погиб в Польше. Мамин брат умер в госпитале недалеко от Праги, похоронен в Чехословакии. Может быть поэтому молодой польский священник сразу стал для нас своим, родным и близким человеком. После его ухода, мама задумчиво произнесла: –Разговаривает, как твой отец. Голос похож, только акцент немного сильнее. Ты вот что... Он - совсем молоденький, погорячился, Библию подарил. У Православных она стоит очень дорого. –Знаю, говорили Ира, Валя и Алла. –Как бы мальчика за это не наказали, –сокрушается она. Господи, до чего мы все привыкли в советские времена к мысли, что нас накажут за малейший опрометчивый шаг! Въелась в нас эта привычка прямо-таки на генетическом уровне. Она и сейчас в нас сидит. Своего рода, синдром «без вины виноватых». Чтобы окончательно избавиться от этого психологического недуга, нам потребуется много времени и собственных усилий.

На другой день звоню в Апостольскую Нунциатуру. У телефона - другой человек, звучит незнакомый голос: –Анджей Мадей слушает. –Простите, кто вы? –Ординарий, –отвечает он. Догадываюсь, вероятно, этот тот, кого Меджек назвал нунцием. Сбивчиво прошу не наказывать отца Войцека. –За что? –недоумевает отец Анджей. –Он мне Библию подарил. Могу ли принять такой дорогой подарок! Я не крещеная. В ответ отец Анджей сердечно благодарит меня за принятие Слова Божия и уверяет, что отец Войцех все сделал правильно. Наказывать его не за что. И все равно, происходящее плохо укладывается в моей голове. Спрашивается, за что незнакомые люди сделали мне такой чудесный подарок?! Да еще и благодарят меня за то, что я его приняла.

С того дня читаю Библию постоянно. Теперь не могу прожить даже один день без того, чтобы не прочитать то, что указано в молитвенных календариках. Не хочу кривить душой, утверждая что сразу поняла сокровенный смысл Книги Книг. Сначала меня, филолога по образованию, потрясла необычайная красота и поэтичность Старого и Нового Заветов. Восприятие их было чисто эмоциональным, эстетическим. С досадой думала: «Изучали литературу всех времен и народов. А чем мифы Древней Греции лучше Библии?» Со временем, каждое слово Священного Писания приобрело для меня смысл и ценность золотого зерна, посеянного Богом в мое непокорное, усталое, настрадавшееся сердце, душу, разум. Наверное, так и должно быть, когда твоими незримыми собеседниками становятся Псалмопевец Давид, царь Соломон, с его чувственно- целомудренной «Песни Песней», мудрец Иисус Навин и многострадальный Иов. А Евангелисты – Матфей, Марк, Лука, Иоанн! Интересно, какой такой «опиум для народа» усмотрели в Мудрости и Любви Божией классики марксизма –ленинизма? Чего боялись? Почему, ради своих бредовых идей, они упорно отказывались признать в самих себе подобие Божие? Мне их по - человечески жалко.

Сколько радости я нахожу в своем общении с Богом, когда размышляя, читаю Библию! Не ищу совпадений со своим настроением. Но получается так, что Слово Божие само отвечает на мои вопросы, поиски и сомнения. Потому что я несу их Отцу, «Которому открыто каждое сердце.» Значит, и мое сердце, переполнено радостью от того, что я могу свидетельствовать о Боге искренне и открыто. Вот она, подлинная внутренняя свобода, обретенная верой в Пресвятую Единую Троицу! Думаю, со мной согласятся мои братья и сестры во Христе. И мои друзья, прошедшие путь от зыбкого советского атеизма до Истинной Веры. А тем, кто так и остался на атеистических позициях, в силу привычки или иных причин, спасибо за то, что они нас понимают. Их понимание рождено все тем же чудом Великой Любви Создателя к каждому человеку.

Как-то в разговоре с Меджеком Чарыевы сказала ему: -Да земли тебе готова поклониться за тот твой ночной звонок по телефону. Смугился, сердито насутился, махнул рукой: -Не нужны мне твои поклоны. Я рад, что ты счастлива. Видно, давно твоя душа к Богу стремилась. Ты с детства не такая, как мы все. Не подумай, не о здоровье речь, душой другая. Вот и поговори с таким! Всегда он прячет свою доброту и отзывчивость. Зачем, и сам, должно быть, не знает. Почему мы все стесняемся хорошего в себе, а плохим нередко бравуруем? А потом каемся. Предпочитаем раскаиваться публично. Особенно склонны к этому русские люди. С пронзительной точностью отразил это истеричное, близкое к патологии покаяние, Федор Михайлович Достоевский. Наделил этим свойством, почти всех героев, своих произведений. Это и есть, так называемая, «достоевщина». А по -моему, Богу милее и дороже тихое покаяние и тихая молитва. Ибо в Писании сказано: «...служите Господу с веселием», то есть с покоем на сердце и в душе, с просветленным разумом. Кажется, я медленно приближаюсь к такой внутренней гармонии. Знаю, что до духовного совершенства мне еще очень далеко, и все же надеюсь его достичь. Кто, как ни я, десятки лет собственной жизни потратила на всякий вздор? На пустую суету «ярмарки тщеславия». Имею в виду свои безрезультатные попытки сделать научную карьеру, перевоспитать мужа. Да мало ли, чего еще... Того, что породилось уязвленным самолюбием, от которого до греховной гордыни всего полшага. Грешила я перед Господом, противясь Его плану на мою жизнь. По своей глуповатости, искренне верила: делаю добрые дела, а люди этого не понимают. Муж, например, он – слабый, а я сильная. Значит, ради своего блага, он должен мне подчиняться. Пришло время, и Господь рассудил нас обоих, по Своему счету оценив, кто и в чем «...был и не был виноват» (С. Есенин – Т.А.).

Приходит отец Войцех Пеля, приносит мне книги из библиотеки Апостольской Нунциатуры. Их авторы: Джакомо Баффи и Александр Мень, архиепископ Тадеуш Кондрусевич и Джордж Вейгель, биограф Иоанна Павла II, Генрик Сенкевич и Жак Лев, Сергей Соловьев и Тимоти Рэдклифф. И многие, многие другие, без «общения» с кем, я не стала бы тем человеком, который есть сейчас. Впервые я посетила нашу милую, маленькую, по-домашнему уютную церквушку 10 ноября 2002 года. Накануне, в субботу, к нам пришел Виталий Мальчевский: - Вы бы хотели поехать завтра в церковь? Отец Войцех приглашает. От радости даже растерялась: - А мне можно? Ведь я не крещеная. Взглянув на мое лицо, Виталий улыбнулся: - Конечно, я для этого и пришел. На всякий случай, интересуюсь: - Как мне одеться? Можно ли быть в брюках и обязательно ли надевать косынку? Понаслышке знала, что в Православную церковь в брюках и без головного убора женщину никогда не пустят. - Маму можно с собой взять? Отвечает: - Да. Оденьтесь так, чтобы вам было удобно.

Всю ночь не могу сомкнуть глаз. Перебираю свою жизнь, как - будто именно завтра мне предстоит ответить за все, что в ней было, перед Самим Господом Богом. За час до приезда Виталия, уже сидела на стуле у двери, почти не дыша. Восемнадцать лет до этого я не покидала своей квартиры. И, конечно, несмотря на то, что приходили и звонили друзья и подруги, а в последнее время моим другом стал отец Войцех, -затворничество поневоле наложило отпечаток на мой и без того не идеальный характер. Едем по городу, вижу как он изменился, но замечаю это как-то мельком. Все мои мысли уже там, в церкви. Подъезжаем к обычному городскому дому, рядом с медицинским институтом. Зеленые ворота с номером «20-А», и с неброской золотистой

табличкой слева от них. В чисто выметенном аккуратном дворике стоит отец Войтех в песочно-коричневом нарядном костюме. Под воротничком синей рубашки белеет квадратик. На солнце его золотисто-каштановые, коротко остриженные волосы, отливают червонным золотом. Серо-синие внимательные глаза излучают дружелюбие и радость.

От волнения и от того, что Виталию невероятно трудно приспособиться к моему, с позволения сказать, движению, меня слегка знобит. Вижу, мама волнуется ничуть не меньше, потому что в церкви она тоже не была уже много лет. Слава Богу! Никто не смотрит на меня с унижающей жалостью или с испугом! Взгляды людей приветливы и доброжелательны. Улыбки искренние и открытые. Чтобы не привлекать к своей персоне лишнего внимания, прошу посадить меня поближе к двери. Мне и отсюда все будет хорошо видно и слышно. Рядом сидит высокая худощавая женщина. Кого она мне напоминает? Ах, да! Анну Ахматову, в годы ее человеческой и поэтической зрелости. Женщина шепотом сообщает: - Служить сегодня будут отцы Анджей и Томаш. Голос ее мне знаком по телефону: - Вы – Рая? - Да, а вы -Татьяна? Киваю в ответ. Начинается служба. Новизна впечатлений от происходящего настолько потрясает меня, что лица священников расплываются перед глазами, полными непролитых слез. Ясно, что старший, и есть Ординарий, отец Анджей Мадей, а младший, конечно же, отец Томаш.

В дверь несколько раз заглядывает отец Войцех. Ободряюще улыбается. Немного успокоившись, стараюсь не пропустить ни одного слова священников. Но с первого раза не могу воспринимать все, как должно, хотя и волнуют меня их слова, затрагивают самые живые струны сердца и души. Маленькая часовенка полна людей всех возрастов. Есть люди постарше меня, есть и мои ровесники. Но удивительно много молодежи и даже детей. Необычным показалось то, что перед началом службы, отец Анджей приветствует гостей, двух монахинь Ордена Матери Терезы Калькуттской, а еще тех, кто пришел в церковь впервые. Две хрупкие, изящные женщины – темнокожие, с огромными глазами – несут к алтарю статуэтку Девы Марии. Отец Анджей говорит несколько слов о них, сестрах Марии и Лилит, уроженках Индии, живущих в Ташкентской Католической общине.

Ближе к концу службы, Рая предлагает помолиться лично за меня. Я совершенно потрясенная, даже не думаю, а только эмоционально ощущаю: «Боже, кто я ей? Кто я всем этим женщинам и мужчинам, юношам и девушкам, и совсем маленьким детям? Они молятся за меня коленопреклоненно, как за близкого человека!». Ничего подобного за всю мою жизнь со мной ни разу не случилось. Служба кончилась, но никто не спешит по своим делам. Выходят в библиотеку, оживленно разговаривают и даже негромко смеются. Книжные шкафы заполнены до отказа. Как хочется к ним подойти! Мама удивленно шепчет: - Православные разбежались бы сразу, кто-куда. Я не знаю, как православные и поэтому молчу. Отец Войцех подводит к нам, двух непривычно одетых монахинь. У меня фигура не из крупногабаритных, но по сравнению со мной, они выглядят, как девушки -подростки. Обе целуют нас, улыбаются. Что-то спрашивают по-английски, а я и немецкий едва помню. В глазах монахинь, полных кротости и любви, можно утонуть. Языковой барьер преодолеваем с помощью отца Войцеха, который переводит наши реплики, то с английского на русский, то с русского на английский.

Подходит высокий, стройный отец Томаш. Осторожно берет меня за руку: - Вам у нас понравилось? – акцент заметнее, чем у отцов Анджея и Войцеха. – Трудно ответить одним словом, отец Томаш. Радость, потрясение... По взгляду прозрачных, очень светлых серых глаз, по задумчивой, немного грустной улыбке, ясно: он понимает, что происходит со мной именно сейчас. Отец Томаш совсем тихо говорит: – Бог радуется за вас. Да, радуется, наверное, даже больше, чем я сама. На следующий день, во второй половине, 11 октября, к нам приезжают отец Войцех, Мария и Лилит. Я не понимаю, почему гостям нельзя выпить даже по чашке чая. Уговариваю их. Но им нельзя. Отец Войцех посмеивается: - Когда мы к вам шли, соседи сверху... как? – он на секунду задумывается, подбирая русское слово. Потом говорит по-польски: «похилились» с веранды. Я его поняла: стало быть, «наклонились». Спрашиваю: - Никто не выпал? Смеется: - Нет. Удивительно, как тонко вписалось в русскую фразу польское слово!

Отец Войцех переводит наш краткий диалог Марии и Лилит. Когда я провожаю гостей, на перилах лестницы уже «висит» пятилетняя Кристина, соседка со второго этажа. Девочка взирает огромными черными глазами на отца Войцеха, Марию и Лилит, потом вприпрыжку провожает их до «Джипа». Вернувшись, восхищается с детской непосредственностью: - Ой, какие тети!!! А дядя кто? Сыночек твой, да? Заныло сердце: «Ох, деточка, если бы!». А язык произносит: - Сыночек, Кристиночка! – Большой какой! А где он у тебя был? – Далеко. Учился. Прости меня, Господи, за эту невольную ложь ребенку, за присвоение сына, рожденного не мной! Господи, не обманула я маленькую Кристину. Отец Войцех Пеля служит сейчас в Украине, в Славутиче. Он – мой сын во Христе. И молюсь я за него, вместе с его родителями, Богданом и Кристиной. Мы просим Тебя, Боже, дай ему силы, здоровья, крепости духа служить Тебе «достойно и праведно». А он, молится за нас. Писем не пишет. Потому что взрослые дети не очень любят писать письма. Дел у них и без того много. Я восхищаюсь нашими священниками, Облатами Марии Непорочной. Трудно им живется вдали от родного дома, принимая на себя все наши беды и радости. Почему мы не всегда понимаем, как много своей любви они отдают нам, служа Господу?

2.

25 декабря 2003 года, впервые праздную Рождество Христово в церкви. На душе светло и радостно заранее. Жду Виталия, не сомневаюсь, придет вовремя. Но отец Войцех, будто чувствуя мое состояние, звонит: - Виталий уже поехал за вами. Настроение у нас с мамой не просто праздничное, умиротворенное, а приподнято-торжественное как ожидание чуда, которое обязательно произойдет в эту ночь. Подумать только: не ребенок же я в самом деле, а вот радуюсь, как не радовалась никогда в жизни. Священники уже в праздничном, особенно торжественном облачении. Их лица озарены каким-то золотистым светом, исходящим из глубины их сердец, и от облачения. Эти знакомые, милые лица в Рождественскую ночь особенно прекрасны. Сияют огнями Рождественские елки. Нарядно одетые прихожане тоже красивы необычайно! К сожалению, я не смогу вместе со всеми участвовать в Крестном Ходе. Но меня это не особенно огорчает. В часовне темно и тихо. Со двора слышится негромкое пение. У меня в руках свеча. А губы шевелятся, шепча тихое благодарение Деве Марии за Рождение Божественного Младенца. Конечно же, эта молитва далека от канонических, общепринятых текстов. Молюсь, как Бог на душу положил. В строгом смысле, это и не молитва вовсе. Потому что я просто рассказываю Матери Спасителя о своей жизни и том, как хорошо у меня на душе сейчас.

Поющие голоса, приближаясь, звучат отчетливее. Слегка колеблется огонек большой красивой Рождественской свечи и огоньки маленьких свечек в руках прихожан. Не помню, от чьей свечи я зажгла свою, знаю только одно: это была одна из моих сестер во Христе, обретенных в церкви «Преображения Господня». Сердце забило сильнее: «Благодарю Тебя, Господи, благодарю! Благослови всех, кто сейчас здесь празднует Рождество Иисуса Христа, Искупителя Нашего. Спасибо Тебе, Боже, и Тебе, Пресвятая Мать Христова за ваш дар всем нам людям! Вот оно, чудо! В общности с Богом и с людьми, соединенными любовью Отца Матери и Сына. С той, Светлой ночи, во мне окончательно утвердилась жажда Бога и стала крепнуть день ото дня. Исчез разлад между недужным телом и сильной, мятущейся душой. Я охотно, с радостью подчинилась животворящей любви и власти Господа. Подчинилась, как личность, наконец-то нашедшая смысл и цель своей жизни. «Я взыскал Господа и Он услышал меня и от всех опасностей моих избавил меня»⁹¹.

---

⁹ Библия // Ветхий Завет, 4-е изд. Изд.-во «Жизнь с Богом», Брюссель, 1989, Пс. 34(35); 5, стр 728.

Всего три года назад, я была похожа на оцетинившего ежа, готового в любую минуту начать самозащиту. Что со мной произошло за это время? Почему я стала мягче, терпимее к людям? Почему мне все реже хочется «отбрить» любого за мнимую или настоящую обиду? Все люди, страдающие врожденные заболеваниями, особенно ранимы из-за физических страданий. Но еще больше мучаешься от сознания своей беспомощности. Поэтому мы, вольно или невольно, раним окружающих. И прежде всего, близких – родных и друзей – злыми словами. Теперь я этого делать не хочу. Воистину, полны чудес дела Твои, Господи! Мама говорит: - Переродилась ты, с тех пор как в церкви бываешь. Как -будто не я, а они, католики, тебя родили. И сама я понимаю: моя «поломатая» жизнь, это всего лишь результат моих собственных ошибок, порожденных сопротивлением Божьей воле. Слово Божие Христова Любовь исцелили меня от гипертрофированного эгоизма, порожденного болезнью. От прежних приступов гнева, доходившего иногда до слепой ярости, не осталось и следа. Отцы Анджей и Томаш называют это работой Святого Духа в человеке. Верно. Никто другой, при моем характере, справиться со мной не смог бы. Не хвалюсь я своим характером, потому что хвалиться нечем. Всего лишь честно констатирую факт. К тому же, перед Богом не слукавишь. Он все про нас знает наперед, а уж о прошлом и говорить не приходится.

С раннего детства, я почему-то начала мыслить образно, ассоциативно. Наверное, от- части в этом «повинна» моя девичья фамилия. Ведь известно, что в каждом имени и фамилии заложен определенный смысл. И эта семантика, каким-то сакральным образом влияет на характер и жизнь человека. Искала я долго во всех доступных мне словарях, просто ради интереса. Тем более, что фамилия у меня была редкая. Однажды отец Войцех принес мне книгу протоиерея Александра Меня «Исагогика». В ней, неожиданно для себя, я нашла то, что искала. Оказывается, фамилия «Целемецкая» этимологически восходит к древнееврейскому «целем» - (образ, подобие, идеал, к которому надо стремиться.) Получила я, таким образом, еще один духовный Рождественский подарок, поскольку читала эту книгу, как раз в Рождественскую Октаву. Не зря ждала чуда в Рождественскую ночь! Надо же, даже фамилия, унаследованная от польских предков указывает на творческий потенциал! Зачем, зачем я поменяла свою фамилию, выходя замуж? Если бы знать, что она означает! Мама и сейчас, нет-нет да и пожалеет об этом. Поделилась своими размышлениями по этому поводу с отцом Войцехом. Он сказал, что ничего случайного в жизни не бывает, потому что мне Бог дал дар слова. А зачем – Господь знает лучше нас. Правда, получилось в какой-то степени наоборот. Сначала Он привел меня на филологический факультет, а потом осчастливил Даром Предвечного Слова, и Даром Христовой Любви.

Об этом мы говорили с отцом Войцехом Пеля месяца за два до его отъезда в Украину, на новое место служения. В тот вечер он принес мне подстрочный перевод двух Гимнов Облатов. Интересно необычайно! Вот беда, польский язык я только понимаю. А переводы с оригиналов всегда значительно лучше, чем переводы с подстрочников. Но попытаюсь, Господь поможет. В процессе работы у нас возникла почти анекдотическая ситуация. По своему, тогдашнему невежеству, я решила, что «Облат» и «облатка» очень близки по семантике. Насмешливо глянула на отца Войцеха и ляпнула: - Ничего себе, «облаточка» выросла! Он не сразу понял, что я имела в виду его рост и комплекцию. А когда понял, смеялся до слез. Наконец и я, поняв, в чем дело, стала смеяться вместе с ним. Как оказалось, напрасно. Отец Анджей разъяснил мне, что глубинная связь между облаткой-гостией и священником - облатом существует. И облат, и облатка связаны с Искупительной Жертвой Христа и Таинством священства. Не знаю сама, как и почему, в моем сознании сложилось это единство. Хорошо читать духовную литературу, но еще лучше было бы заняться любимой работой, по которой давно истосковались душа и разум. Только где ее теперь найдешь? Русскоязычные издательства закрыты, а туркменский язык, к сожалению, так и остался для многих из нас «тайной за семью печатями». Вот он, результат непродуманной, жесткой русификации! Конечно, сами мы - тоже хороши! Из-за собственной лени не учили язык

народа, среди которого родились и живем. Стало быть, мое желание работать по специальности, не более, чем пустые мечтания.

Бог и на этот раз позаботился обо мне. Опять через наших священников, Облатов Марии Непорочной. Во-первых, кажется, удался перевод Гимнов Облатов, притом, что русский текст надо было, «вложить» в уже существующую мелодию. Во-вторых, в Рождественскую ночь, 25 декабря 2003 года, состоялось мое личное знакомство с Ординарием Анджеем Мадеем. Раньше все как-то не получалось: видела я его только со стороны. Потому, что каждую минуту, он был кому-нибудь нужен. Именно сию минуточку, немедленно! А тут подошел сам, присел на краешек журнального столика седой человек со светло-голубыми, по-детски ясными глазами: - Отец Войцех вас очень любит. – Взаимно, отец Анджей. Дальше пошел у нас разговор совсем дружеский, как бывает между хорошо знакомыми людьми - без малейшего «наигрыша» с обеих сторон. Случается такое не часто. Ни для кого не секрет, что в первой беседе, люди, вольно или невольно, прошупывают друг друга. Оказывается, отец Ординарий знает даже про наши бытовые проблемы. Сразу, по-братски просто, предлагает реальную помощь. Чей-то голос настойчиво взывает: - Отец Анджей! – Идите, Вас зовут.

Так вошел мою жизнь еще один человек. Вошел своей дружбой, братской любовью и поэтическим творчеством. Слуга Божий по призванию Господа и по своей человеческой сути. 6 мая 2003 года мы провожали в Украину отца Войцеха Пеля. Не скрою, нам с мамой было очень тяжело расставаться с этим молодым священником. Мне он стал сыном, а ей – внуком во Христе. Боялась расплакаться в церкви омрачить ему настроение. Рая тихонько тронула меня под локоть: - Ну что ты молчишь? Скажи хоть слово! - Не могу, сейчас заплачу. Собрала силы, сказала несколько слов. Закончила фразу пожеланием: - В добрый путь, сынок! И тут же спохватилась: - Можно мне так говорить? Отцы Анджей и Томаш в один голос выдохнули: - Можно. Сердцем почувствовал отец Анджей Мадей, что происходит со мной. Позвонил утром 21 мая. А днем приехал к нам с Гулей и Геной. С Геной мы быстро стали друзьями. Тема разговора с отцом Анджеем – литература, и это сближает нас еще больше. Отец Анджей интересуется, кто я по специальности и чем занималась раньше. Отвечаю: - Я – «литературный негр», и объясняю, что сие понятие означает. Отец Анджей радуется: - Как хорошо! Забресжил для меня лучик надежды: не любоваться же на меня они приехали. Дают мне желтую тетрадь большого формата, которую Рая Каримова привезла из Польши. Это дневник Надежды Нисковской, которая к тому времени переехала на жительство в Польшу. Любой дневник подобен окну в чужую жизнь, в которую иногда лучше не заглядывать. Много, ох как много в них человеческой боли и страданий, обид и разочарований! Господи, помоги мне максимально сохранить своеобразие Надиной личности! Прежде всего, необходимо точно определить свою сверхзадачу. Поразмыслив, решила: лучше всего, ограничиться текстовым редактированием, не вдаваясь в психологические нюансы. Удалось ли, не знаю, Надя, по каким-то причинам, не смогла ответить на мое письмо. Прошу Господа не оставить Своим Милосердием эту израненную душу. Прошу с состраданием, со смирением и надеждой на то, что молитва моя будет услышана Отцом Нашим.

Следующая работа – по специальности! – настоящий творческий пир. 6 октября 2003 года, во второй половине дня приезжают отец Анджей, Гена и Гуля. И сам по себе их приезд радует, а еще - в руках о. Анджея - солидная папка. Значит, новая работа. То, без чего мне жизнь не в жизнь. Так и есть! Подстрочный перевод книги Р. Буденса и Дж. Катзера о святом Евгении де Мазенде, основателе Конгрегации Миссионеров Облатов, к которой принадлежат отцы Анджей, Томаш, Войцех, священники церкви Преображения Господня в Ашгабате. Вцепляюсь в папку обеими руками, как - будто ее вот-вот у меня отнимут. Отец Анджей и Гуля понимающе улыбаются.

Утром следующего дня начинаю читать «Жизнеописание Святого Евгения де Мазенда». Двойной, очень точный, дословный перевод с немецкого языка – на польский, а с польского – на русский. Работу эту выполнял целый коллектив – отцы Анджей и Томаш, а также прихожане, владеющие польским языком. Уже после первого прочтения, совершенно ясно: Р. Буденс и Дж.

Катзер с любовью, но и с чисто немецкой скрупулезностью, работали по фактам биографии епископа Марсельского Евгения де Мазенода, канонизированного Иоанном Павлом II. В моем представлении оба этих человека наделены от Бога особой, возвышенной харизмой. Наши священники и прихожане проделали огромную работу. Однако, точность точностью, а читать подстрочники в «чистом виде» желающих найдется немного. У меня опыт редактирования и литературных обработок есть. К тому же, в центре повествования, настолько могучая личность, что кого хочешь «поведет» за собой.

Обдумываю, в каком жанре работать, что и как сделать, чтобы святой Евгений де Мазенод полюбился и другим людям, стал им понятен и близок. Молюсь долго и усердно: - Господи, помоги! Через Духа Святого пошли такие слова, чтобы они – идущие из глубины моего сердца – задели и согрели другие сердца!

Не могу оторваться от работы с утра до позднего вечера. Даже перерыв на еду вызывает досаду. Прежде, чем приступить к работе, молюсь, прошу Господа, через Иисуса Христа помочь мне. Видимо, кто-то еще молится обо мне, желая мне удачи всем сердцем. Благо, свободу мне предоставили полную. А если возникнут вопросы, проконсультируюсь у отцов Анджея и Томаша. Несмотря на свою невероятную занятость, они всегда готовы помочь. Не папка у меня в руках, а Дар Божий! Надо только реализовать его достойным образом. Начинаю с проблемы жанра. Лучше всего, в данном случае, подойдет беллетризованная биография. Она всегда читается с большим интересом, «держит» внимание от первой до последней строки. В переводе с польского есть письма Евгения де Мазенода. А что если там, где это возможно, придать им форму диалога, живой речи? Это поможет лучше «высветить» характер Евгения де Мазенода, его отношения с людьми. Ведь он был человеком, судя по всему, очень эмоциональным.

Далее... Французскую революцию мы с детства видели глазами Виктора Гюго. А потом изучали с позиций советской исторической науки. С этих позиций события Великой Французской революции и Октябрьского переворота в России «ставились на одну доску». А их деятели объявлялись только героями. Ну, а те, которые против, разумеется, враги. Здесь же, был взгляд с противоположной стороны баррикад. Взгляд человека крепкого своей верой в Бога., твердого в своих убеждениях и готового за них пожертвовать жизнью.

Позвонил Николай Николаевич Ершов. Поговорить любим оба. Но я не очень вежливо прерываю товарища по университету: - Коля, милый, некогда мне! Профессор, которого я знала еще аспирантом, крайне изумлен и, кажется, обижен: - Хотел тебя немного развлечь, а ты...

Подожди, вот вернусь из эмиграции... - Откуда?!?! – Из Франции, из Прованса. В телефонной трубке длительная пауза. Видимо, я так оглушила человека своими словами, что даже он не находит ответа. – Коля, не пугайся, «крыша» у меня не «поехала». Работа интереснейшая! Да, редакторская, с художественной обработкой текста. Нет, сейчас не скажу. Вот если получится... - Получится. Бог в помощь! – Спасибо. Он и так не оставляет меня без Своего присутствия. Коленька, извини еще раз! – Да что ты, это - святое дело! Успеха тебе! Работу стараюсь закончить к Рождеству Христову. Пусть она будет моим скромным подарком нашим священникам и всем, кто долго и терпеливо работал над подстрочным переводом.

За два с половиной месяца работы в радость, я почувствовала не усталость, а наоборот, прилив сил. Будто, святой Евгений де Мазенод делился со мной крепостью своего несокрушимого духа и пылкостью своего провансальского темперамента. Меня всегда интересовала эпоха, в которую жил этот человек. А он сам! Аристократ по рождению, отвергнувший сословные предрассудки и ставший одним из смиреннейших служителей Бога. Нет, далеко не каждый на это способен! Мне хорошо работалось еще и потому, что Прованс, вероятно похож на любимый Восточный Крым. Такие же пологие, невысокие холмы и горы, та же зелень лесов и трав, те же прозрачные, утренние туманы, пахнущие лавандой и морем. Должно быть поэтому, граф де Мазенод для меня - вполне реальная личность, полюбившаяся из-за своей незаурядности. Если он, всего себя без остатка отдал Богу, то и я почту это за величайшую для себя Благодать. Святой

Евгений де Мазенод и Иоанн Павел II, в моем представлении – родные души. И я прошу Господа, чтобы Он когда-нибудь позволил мне, хоть чуть-чуть уподобиться этим людям!

До марта 2003 года жду, стараюсь никого не спрашивать о результатах работы. Придет время, люди скажут сами. Видимо, у всех сейчас есть другие, более неотложные дела. Отец Анджей рекомендует обратиться к Гуле (Анне), поскольку ей текст хорошо знаком. Может, потому, что в тот день провожали отца Радослава, которого наши прихожане «со стажем» хорошо знают, конкретного разговора не получилось. Спрашиваю: - Гуля, читать было не интересно? – Нет, очень интересно, увлекательно... - Тогда в чем суть проблемы? – Точка зрения у вас не облатская. Отшучиваюсь: - Естественно, они – мужчины, а я – женщина. Ничего более конкретного от Гули не слышу. Мучаюсь, размышляю: «В чем дело? Ведь ни одного факта не искадила. Придала литературную форму -и все. Дура, я дура! Подвела надежда на собственный опыт. Тем более, все казалось понятным... Отец Томаш пояснил то, о чем я спрашивала. Отца Анджея тревожить... Он и так покоя не ведает. В чем же дело?!». Все-таки решилась, спросила отца Анджея. Он, подумав, говорит: - Точно надо. – Куда уж точнее... И факты, и даты. Форму постаралась придать литературную, образную, логико-эстетическую. Что в этом плохого? – - Просто надо...

Нет, ничего-то я, бестолочь, не поняла! Но покоя мне нет. Время от времени, осторожно пытаюсь выяснить, в чем моя ошибка. Понимаю я нашего Ординария всей душой, вижу, как трудно священникам с нами. Ведь большинство из нас, давно оторванных от христианства – самые настоящие язычники. Правда, современные, цивилизованные. Я-из их числа, вот и приходится путь к Богу начинать с нуля. Нагружаем священников, как малые дети, множеством проблем. Решила я «разгрузить» и ... ничего из этого не вышло. Так мне и надо, Господи, за гордость мою дурацкую!

Во время служб не пропускаю ни одного слова священников, потому что каждое из них полно лично для меня глубочайшего смысла. Также, как полон Любви и Милосердия взгляд Иисуса Христа на моей любимой иконе «Милосердие Господне». Конечно, очень важную роль в моем духовном возрождении играет отношение ко мне окружающих – священников, братьев и сестер во Христе. Как бы высоко не воспаряла смиренная душа, живем мы пока на земле. А Бог через Иисуса Христа присутствует в наших жизнях. Мне иногда нелегко обратиться за помощью, но сестры и братья во Христе и без моих просьб помогают очень деликатно и естественно. Назову лишь некоторые имена Татьяна Жукова, Татьяна Давыдова, Тамара Жадан, наш милый врач Оксана, Марина Белова, Сахра Ходжатова... О мужчинах – разговор особый. Они, в самом буквальном смысле, носят меня на руках. Сама я ходить не могу. Кто это? Тимур и Мурад Клычеы, Виктор Мочалов, Равиль, Игорь, Сергей, Гена, Мамед, Довран и даже наши гости. А первыми стали -отец Войцех Пеля, и отец Анджей Мадей. Спасибо вам, мои дорогие, за то, что вы есть! Богом данные братья и сестры. Родные не по крови, а в Иисусе Христе. Родные по душе и Духу. Такое родство ближе многих кровных связей, которые в наше время разрываются людьми с необычайной легкостью. Прошу Тебя, Господи, дай им всем, чего люди просят для себя! Лишнего никто, никогда не попросит. Разве что, для детей попросим немного побольше...

Со многими интересными людьми я познакомилась в нашей маленькой, но открытой всему миру церкви «Преображения Господня» в Ашхабаде. Кроме уже упомянутых монахинь Марии и Лилит, назову двух краковянок, журналистку Марию, и художницу Иоанну Галецкую, отцов Марека и Томаша, Павла и Петра, подарившего по красной розе всем, кто был на его прощальной реколлекции. С Марией, мы говорили, в основном, о делах профессиональных. Она неплохо говорит по-русски. Иоанна, как и все живописцы, выражается красками. Колорит ее работ ярок, насыщен, и в то же время, по-женски тонок и загадочен. Она познакомилась с Меджеком Чарыевым. Во уж порадовались их родственные души! Пишу стихи, они снова рождаются как бы сами собой.

Нет-нет, да и кольнет мысль: «А что же Евгений де Мазенод?» Сроднилась я с ним, не отпускает он меня никак! Казалось бы, ну какое мне дело до французского графа, епископа

Марсельского, жившего две сотни лет назад? И почему то он меня так «зацепил?» Поработала себе в удовольствие - и успокойся. Пройденный, как говорится, этап. Редко выпадает счастье, творчески реализоваться таким образом, такой «мерой переполненной».

Каждое, даже очень короткое общение с отцом Анджеем для меня - радость, даже если это просто телефонный разговор. Оно и понятно: поэт, родная душа. Очень жаль, что сам он настоящим поэтом себя не считает. Этот талант дан этому человеку от Бога, дан особым мироощущением и мировосприятием, которое, по моему мнению, у отца Анджея есть. 15 июня позвонил вечером. Сказал, что приедет утром и привезет меня на адорацию. Обычно я бываю в храме по воскресеньям, а тут – четверг, рядовой день недели. Сердце подсказало: предстоит что-то необычное! Как недавний трогательный подарок отца Анджея, сборник его стихов «Предчувствие рассвета». Вот я и предчувствую, но что? В церкви, кроме меня и еще одного прихожанина, нет никого. По просьбе отца Анджея, Гена сажает меня не на мое обычное место, а в первом ряду от алтаря. Тихо звучит духовное песнопение... что-то знакомое и любимое. Что именно, вспомнить не пытаюсь. Потому что прошу Господа: - Дай мне смелости снова заговорить с отцом Анджеем о «Жизнеописании Евгения де Мазенода!» Дал, отважилась, когда отец Анджей вез меня домой. И что я за человек такой?! Совсем забыла, кто - он и кто - я. Спорю, отстаиваю свою точку зрения на переводческую работу. Отец Анджей деликатно напоминает о простоте. Но меня уже «понесло», остановиться не могу. Разговариваю с ним, не как со священником и дипломатом, а как с поэтом. Запальчиво возражаю: - В литературе вообще, а в поэзии, тем более, бывает простота, которая хуже воровства. Боже мой, как он только терпел мои речи! Доживу, думала, как-нибудь остаток жизни. Подъезжаем к нашему подъезду. Машина останавливается. И вдруг происходит настоящее чудо. Вместо того, чтобы обидеться на меня за все, что я сгоряча наговорила, отец Анджей предлагает мне писать свидетельство о Боге! А заодно и творческое сотрудничество. Смею ли я даже думать об этом? Кто я такая? - Твоя задача – собрать свои стихи и сделать авторизованный перевод моих. Вот так, взял да и подарил счастье! С изумлением, вытаращив на него глаза, напоминаю: - Я ведь некрещеная. - Ну и что с того? Душа твоя давно с Богом в мире и согласии. Мама сразу увидела: произошло что-то особенное. А мы с отцом Анджеем сели за стол и очень быстро написали краткий план нашей общей работы. Вот когда я по-настоящему почувствовала огромное, ни с чем не сравнимое счастье. Но и такую же ответственность перед Богом, перед Его служителем, который мне полностью доверяет, и перед своей совестью.

Господи, благослови людей за чудо моего духовного воскресения! Благослови всех до единого! Меджека Чарыева, священников-облатов: Войцеха Пеля, Анджея Мадея, Томаша Кошчильского! Всех моих братьев и сестер во Христе, которых Ты дал мне в общине церкви «Преображения Господня». Именно там преобразилась моя душа. Прошу тех, чьи имена я не назвала, кто остался «за кадром», не обижаться на меня! Я всех вас люблю, и каждый день прошу Бога, подать вам Духа Святого, а через Него – здоровья, счастья и радости, благополучия в каждой семье. А все вместе мы молимся за нашу духовную семью. Просим о скорейшей регистрации нашей церкви. Кончается мой катехуменат. На Пасху я приму Святое Крещение. Стану еще на один шаг ближе к Богу. Славлю Тебя Господи, что я, еще до Крещения получила возможность свидетельствовать о Тебе, о Твоем присутствии в моей жизни, и о Твоей любви, на которую я отвечаю всего лишь малой искоркой своего сердца.

Иисусе Христе, славлю Тебя во всех, кто мне дорог. И в помощниках моих! Без них – без о. Анджея, Тимура, Мурада, Сахры, Гены, Мамеда, Доврана и многих других: – я не смогла бы ни начать, ни завершить свое свидетельство о Тебе. Пусть оно будет смиренным дочерним ответом на Твою Любовь, на Твое Милосердное присутствие в моей жизни! Присутствие, позволяющее человеку вынести все удары, которые земная жизнь наносит ему. Благодарю Тебя, за Дар Слова и дар памяти, которой Ты меня наделил, пожалуй, даже сверх меры. Я свидетельствовала о Тебе с радостью, а о своей жизни - с болью душевной. Преодолевая горечь разочарований, стыд и боль. Спасибо Тебе за это преодоление! У меня уже есть восприимчики. Ими согласились быть Татьяна

Давыдова и Тимур Франциск Клычев. Немного странно, потому что они значительно моложе меня. Но и радостно – не у каждого такие молодые крестные. Услышь меня, Господи! Благослови их, Отче! Полагаясь на свою память, я всем сердцем и разумом ежедневно благодарила Тебя за этот чудесный Дар потому что в памяти – правда, в правде – жизнь. А жизнь – в Господе Иисусе Христе.

***

Сегодня 12 марта 2006 года. До моего Крещения осталось немногим более месяца. Чем ближе этот светлый день Пасхального Воскресения, тем сильнее волнение. Не сплю по ночам. Думаю: так ли я жила и живу, как подобает Божьему чаду? Что принесу я Господу в ответ на Его Великую Любовь? Свою немощь телесную, свои ошибки, разочарования и грехи? Конечно, но не только это. Отче, я приношу Тебе светлую память обо всех, кто был в моей жизни. И любовь к тем, кто есть в ней сейчас. Прошу Тебя: даруй им всем Духа Святого, как даровал его мне в минуты счастья и часы творчества! Услышь каждого из нас!

Слава Тебе за участие моей жизни! За то, что боли и страдания не убили во мне веры, надежды, любви и ощущения Божественной красоты в Слове, поэзии, музыке. Музыка... . Как часто эта душа молитвы исцеляла и исцеляет наши души! Окончательно убедилась в этом на духовных упражнениях в период Великого Поста. Отец Анджей, размышляя вслух, говорил о смысле жизни и смерти, о неизбежности встречи с Богом на Его Праведном и Милосердном Суде. Пастырь замолкал, и начинала звучать музыка, какой раньше я не слышала никогда. (Генрих Гурецкий – «Симфония №3»; З.Прайснер. – «Requiem dla mojego przyjaciel»). Такое предельное напряжение всех чувств бывает не часто! Казалось, сердце не выдержит, разорвется от восторга и печали, от боязни опоздать на встречу с Единственным, Любящим и Любимым, с Иисусом Христом. И Огонь Чистилища уже не страшен. Потому что, очищая душу «от всякой скверны», избавляет ее от Ада, который мы сами, своими грехами создаем себе на Земле.

А боль души и тела? Что она такое? Почему с такой страстью мы взываем к Богу, когда нам особенно трудно? Во время испытания собственной совести, музыка сильнее любых слов. Только ей дано приподнять душу над житейской суетой и возвысить ее до совершенства. Она и Слово Божье не позволяют мне, слабому человеку, остановиться на пути полного, безоговорочного примирения с Творцом, вплоть до встречи с Ним на Небесах, когда Он того пожелает.

ЭПИЛОГ

Утро 15 апреля 2006 года. Завтра – Святое Христово Воскресенье. День моего духовного рождения во Христе. Волнуюсь совсем по-особому, с необыкновенно тихой радостью в душе, с кротостью и смирением. О чем думаю? Об Иисусе Христе, о Его земной жизни и Его Искупительном страдании. О Личности - Красоте, спасшей мир, исцелившей своей Любовью мою израненную душу. Боялась не дожить до Крещения. Дожила. Слава Тебе, Господи! Вечером приедет мой крестный Тимур Клычев и мы поедem в церковь. Приедет вовремя, как всегда, но все равно пребываю в эмоциональном состоянии, которое не с чем сравнить. Почему? Потому, что не смогу подойти к купели вместе со всеми катехуменами, не смогу обойти алтарь.

Тимур усаживает меня на стул около амбона. Подходят нарядные, красивые Диана и Карина. Диана говорит: - Мы весь месяц молились за вас. Немножко встревожено и ободряюще смотрит о. Томаш. Рядом со мной – крестные Тимур Кылычев и Татьяна Давыдова. Их руки легко лежат на моих плечах. Тимур, бледный от волнения чуть слышно шепчет: - Не волнуйтесь, Епископ к вам подойдет. На некоторое время церковь погружается в темноту. Со двора слышится пение священников и прихожан. В Пасхальный это вечер торжественное пение имеет ко мне

самое прямое отношение. У меня на коленях лежит аккуратно сложенная крещальная рубашка и крещальная свеча необыкновенной красоты. Душа и сердце рвутся навстречу приближающимся поющим голосам братьев и сестер во Христе. Через минуту церковь, как и все мое существо, наполнится светом. А еще, через некоторое время, загорится моя Пасхальная свеча Крещения, которую вместе со мной держат Тимур и Татьяна. Они волнуются и радуются не меньше, чем я. Как же я благодарна им за любовь, дружбу и понимание! За то, что сегодня мою радость делят со мной все наши прихожане.

Жаль, что мама не здесь, не со мной! Возраст и болезнь делают свое дело. Но она все равно знает, зримо представляет все, что происходит сейчас со мной. Приеду домой, расскажу подробно. Она и сама все увидела по моему лицу, сердцем поняла. Как понял о. Анджей Мадей. Понял по двум словам: - Хорошо-то как! Больше я не смогла сказать ничего. Да и зачем, если именно эти простые слова, в те минуты оказались самыми точными!

Пасхальную Мессу служили четыре священника: Его Высокопреосвященство, Архиепископ, Апостольский Нунций Антонио Лучибелло, отцы Марек, Анджей и Томаш. Архиепископ говорит на своем родном итальянском языке. «Вживую» итальянскую речь раньше в слышать не приходилось. Звучит как музыка, радостно и светло. Краем глаза вижу слегка побледневшие от внутреннего волнения и сияния белых крещальных одежд лица тех, кто сегодня вместе со мной принимает Таинство Крещения. Как прекрасны они сейчас!

Ко мне подходят о. Томаш и Архиепископ Антонио. Дают мне изящный, очень красивый маленький сосуд. Это и есть моя крещальная купель. Держу её на уровне своего склоненного лица, руки слегка вздрагивают. Слушаю слова священников, а сердце стучит: «Вот оно! Вот оно – главное событие моей жизни!!!». Потом, когда мы все поздравляли друг друга со Светлым Праздником и Крещением, сказала кому-то: - Никогда в жизни ничего подобного не испытывала. И правда, разве можно сравнить с Крещением защиту диплома или свадьбу? Конечно, нет! То и другое, дела, как говорится, житейские, а Крещение – акт высочайшей духовной важности. Принятие Божьей Любви с дочерней смиренной радостью.

Авва Отче, славлю Тебя через всех, кто был со мной все три года катехумената, кто помогал мне свидетельствовать о Тебе. Эта Святая Пасхальная ночь стала для меня в полном смысле Слова, началом моей жизни «во Христе и со Христом». Когда придет мой последний час, я вслед за Спасителем, повторю: «Отче! в руки Твои предаю дух мой...»¹⁰. А от себя добавлю: «Спасибо Тебе, Боже, за все и за всех, кого Ты дал мне в земной жизни! И «... да святится Имя Твое...»¹¹. Аминь.

---

¹⁰ Библия // Новый Завет, 4-е изд., изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель, 1989 г., с. 1618.

¹¹ Там же, // Нагорная проповедь, с. 1507.

Вместо послесловия.

Сегодня 9 мая, День Победы. По телевидению передают один из праздничных концертов. Звучит знакомя с детства песня « В лесу прифронтовом». Эту пронзительно – лиричную песню 26 – летний Кароль Войтыла, будущий Иоанн Павел II, впервые услышал в 1946 году. Пел хор Ансамбля песни и пляски Советской Армии под управлением Бориса Александрова. Песня запомнилась... И, много лет спустя, Его Святейшество уже тяжело больной, снова слушал ее со слезами на глазах.

А у меня на столе лежит Пресс – релиз очередной персональной выставки живописца Владимира Яковлевича Павлоцкого. Из – за своей болезни я не смогла ее посетить. Со слов своего друга художника Меджека Чарыева узнала, что «Павлоцкий стиль держит». Вкусу Меджека, его мнению доверяю полностью. По старой памяти от себя могу добавить: если так, то солдат, уставший от боев Второй Мировой войны, до сих пор хранит в своей душе по-юношески трогательное восхищение красотой мира сотворенного Богом. И, как щедрый рыцарь этой Красоты, делится ею с людьми.

Что же касается боевых наград Мастера, то первый из Польских орденов он получил в 1978 году. Эту поправку в Пресс – релиз вношу со слов самого близкого друга В.Я. Павлоцкого, Юрия Михайловича Волобуева, врача нейрохирурга, для меня человека дорогого, незабываемого. Могу добавить только несколько слов: спасибо Вам, Владимир Яковлевич, за твердость руки, за то, что краски на Вашей палитре не тускнеют. Низкий Вам поклон, победитель, поклон поколению наших отцов. И, да хранит Вас Бог - самый Великий Художник долгие-долгие годы.

Пресс -релиз

Министерство культуры и телерадиовещания
в Туркменистане
Союз художников Туркменистана
Посольство Российской Федерации в Туркменистане

**Выставка живописи Владимира Павлоцкого
Ашгабат**

– 17.05.2006 г.

Первый этаж Выставочного зала
Министерства культуры и телерадиовещания
Ул. Ассудалык, 33

Новая выставка туркменского художника Владимира Павлоцкого в этом году посвящается 80-летию со дня рождения мастера и Дню Победы во Второй Мировой войне.

Заслуженный деятель искусств Туркменистана, Лауреат премии Союза художников Туркменистана им. Бяшима Нурали. Заслуженный деятель культуры Польши, Почетный консул Польши в Туркменистане, ветеран Второй мировой войны, удостоенный многих наград и премий, в том числе к 60 – летию Победы присуждена вторя премия Союза художников Туркменистана за создание живописных произведений.

Владимир Яковлевич Павлоцкий в 2005 году был награжден высшей Правительственной наградой Польши «Кавалерским крестом ордена заслуги Речи посполитой Польской», медалью «Про мемориа» и Дипломом за выдающиеся заслуги в продолжении памяти о людях –борцах за независимость Польши во Второй Мировой войне и по ее окончании.

Включена биография В. Павлоцкого в издание Международного биографического центра «2000 выдающихся интеллектуалов XXI века» и награжден именной медалью Международного Биографического Центра - Кембридж, Англия, а также Почетный медалью Американского Биографического института.

Его картины знакомы зрителям многих стран по групповым и персональным выставкам как в Туркменистане, так и за рубежом (40 выставок). Значительная часть произведений находится в собраниях крупных музее таких как: Туркменский Государственный Музей

изобразительных искусств в Ашгабаде; Государственная Третьяковская галерея, Музей Восточных культур в Москве; Национальная галерея в Варшаве, музей г. Радома в Польше; Этнографический музей в г. Бергене, Норвегия; в фондах Союза художников Туркменистана, фондах Министерства культуры России. Во многих частных коллекциях в Туркменистане и за рубежом.

В творчестве В. Павлоцкого причудливым образом переплелись Восток и Запад, Европа и Азия. Живописец родился в Ашгабате, поэтому тема этого цветущего края, республики – сада стала одной из ведущих на протяжении всего его творчества. Традиционные, очаровательные и незатейливые мотивы, подчеркивающие прелесть Туркменской земли: узкие, извилистые улочки, стройные аркады караван-сараев, чаепитие убеленных сединами аксакалов, пейзажи родного Каспия, дворцы и мечети – гордость последнего десятилетия.

Особое место, целый пласт в творчестве Павлоцкого, занимает тема Второй Мировой войны, тема дружбы и сотрудничества Туркменистана, России и Польши. Картины «У мирных берегов», 1965 г.; «Закат», 1971г.; «Хлеб фронту», 1983г.; «Варшава – 1945г.»; «Варшава Вольна», 1986г.; «Газопровод «Дружба»», 1993г.; «Возвращение», 1989г.; «Польские дети войны в Ашхабаде», 1983г. и др. Этот цикл можно назвать летописью лихолетия военных лет, могучего единения наших народов, собравших воедино всю волю к победе над фашизмом.

Владимир Павлоцкий может с гордостью окинуть взглядом пройденный путь: детство и юность, мечты о призвании художника, годы войны, когда ему довелось освободить Минск и Варшаву училище в Одессе, и начинать самостоятельную жизнь в искусстве. И напряженные последующие годы, когда он десятилетиями оттачивал живописное мастерство, добиваясь виртуозного лаконизма и потрясающей емкости художественных образов. Итог этого пути – цельная направленность творчества художника, свой выразительный стиль, который ни с кем не спутаешь. Восхищает разнообразие форм и мотивов его произведений, удивительно гармоничных и ярко индивидуальных.

Будучи очень тонким и чутким колористом, В.Павлоцкий обладает особенным чувством композиции. Так рождаются лирические пейзажи, изысканные натюрморты, музыкальные абстракции. От его полотен исходит особая энергетика покоя и мудрости. Зрелый мастер сохранил молодую неуспокоенность, жажду познания жизни и оптимизм ее восприятия.

Богат искусствоведческий материал о художнике: изданы четыре иллюстрированных монографии, каталоги к выставкам, буклеты, открытки. Творчество В.Павлоцкого широко освещалось в журналах и газетах Туркменистана и за рубежом.

***

В то время, когда Владимир Павлоцкий был уже зрелым художником, в Кракове родилась Иоанна Галецка. На удивление милый человек, с которым легко и радостно общаться. Ее картины я видела на маленькой, камерной, почти домашней выставке. В Ашгабадской Нунциатуре не важно, что Ася не говорит по-русски, а я польский язык только понимаю. Все, кто видел ее нежнейшие акварели и работы написанное маслом, подтвердят: эти работы переполнены воздухом и светом. И что по-восточному загадочные женские портреты притягивают к себе взгляды очень надолго. Художница всем сердцем полюбила нас и наш суровый, своеобразно прекрасный край. Для нас Туркменистан – родина, а для неё, польки, краковянки - земля вдохновения и новых творческих открытий.

Какой человек Иоанна Галецка? Прекрасный, открытый на дружбу и ласку. Судите сами по её письму, которое Ася прислала нам в качестве поздравления к Светлому Христову Воскресенью. Такие письма присылают издали очень близким, горячо любимым людям.

Дорогие Друзья!

Извините, что я так долго не писала. Я хочу убедить Вас о том, что все время о вас думаю. Почти каждый день, разговаривая с людьми, вспоминаю Туркменистан, ваш гостеприимный и теплый прием. Для меня эта далекая страна, благодаря вам, стала близкий уже навсегда. Наша встреча была для меня очень значимой и впечатляющей в религиозном смысле. Кроме того, благодаря ей, я начала более внимательно следить за своим духовным развитием. Вы для меня – живое свидетельство веры, и я уверена, что вы могли бы стать образцом для многих католиков, даже тех, которые живут в Польше. Я очень сожалею, что мои близкие не пережили того, что я ощутила среди вас. Я пытаюсь рассказать им все, но слова, как известно, не могут описать всех чувств! Я надеюсь, что вы здоровы и всегда помогает вам Божья благодать.

Когда я возвратилась домой из Туркменистана, меня ждало много работы, связанной с учебой в вузе. Результатом этого является моя стажировка в Москве. Я буду здесь до половины мая, потому, что потом, к сожалению, я вынуждена вернуться в Польшу, чтобы сдать экзаменационную сессию. С радостью сообщаю вам, что именно о Туркменистане пишу свою дипломную работу. В связи с этим, я уже прочитала много литературы на эту тему (скоро буду знать столько о вашей стране, сколько уроженец Туркменистана). Я также очень довольна фактом, что профессора положительно отнеслись к моей работе и энтузиазму. Поэтому, в следующем году, я буду вести лекции о средней Азии вместе с одним из кандидатов филологических наук, в качестве специалиста по Туркменистану. После стажировки в Москве, меня ждут экзамены, а потом я собираюсь найти работу. Я, как всегда, полна оптимизма.

Подводя итоги, я хотела бы поздравить вас от всей души, в связи с приближающимся весенним праздником, Пасхи. Желаю вам приятных спокойных праздников, вкусных куличей, раскрашенных яиц и того, что важнее всего, многих благ от воскресшего Христа.

Христос Воскрес!

Во истину воскрес!

Аллилуйя!

Я постоянно молюсь о вас, о всем приходе, об отце Томаше и Андрее. Целую, ваша

Иоанна.

Рубежи и аспекты.

«В начале было Слово...» От этого Слова – Бог на протяжении двух тысячелетий развивалась и продолжает развиваться в третьем тысячелетии духовность и культура всего человечества. Это взаимодействие является определяющим фактором духовного ренессанса современности. В наше трудное время люди разных возрастов, социального положения и личных интересов обращаются к Единому Богу, ищут через Его Любовь свою веру и надежду. Одно из убедительных тому свидетельств – сборник материалов Ташкентской научной конференции, девиз который сформулирован так: «Духовная культура на рубеже третьего

тысячелетия.» В годы советской власти и представить было не возможно, чтобы открыто дискутировали по подобным проблемам священники, историки, филологи.

По структуре рефераты, вошедшие в сборник четко делятся на две части – историческую и филологическую. Но общая тональность задана выступлениями Православного протодиакона Николая Рибчинского и Ординария Римско-Католической Церкви в Узбекистане Кшиштофа Кукулки. «Мир на земле» (Н. Рыбчинского) логически дополняется великолепной статьей К. Кукулки «Христианство и культура». По жанру и эмоциональности эти статьи – экуменические послания духовных пастырей, написанные простым, понятным, высоким поэтическим слогом. Они тем более значимы, что прозвучали на земле Узбекистана, в регионе традиционно мусульманском.

Что касается исторических исследований они, как им и подобает, содержит в себе интереснейшую информацию. И потому сугубо точны и конкретны. Проблемности в них, на мой взгляд, меньше чем в докладах филологов. Но, возможно, по отношению к своим коллегам, я несколько субъективна. Их публикации отличаются многогранностью тематики и ярко выраженной концептуальной проблематичностью. Во - первых, звучание, библейских и коранических мотивов прослеживается в литературах разных стран и народов, начиная с XVIII века и до наших дней. А во – вторых, все проблемы ставятся и, по возможности, решаются глубоко и основательно, как маститыми учеными, так и студентами. Для примера сошлюсь на работы: А.С. Югай «Проблемы самоидентификации в современной фантастике (Иуда Дадзая Осамы.)» Своеобразным духовным и логико – эстетическим продолжением этой темы являются « Первое второе пришествие. Переосмысление христианских традиций». (А. Кучинского), « Образ Иисуса Христа в романе Чингиза Айтматова «Плаха» (П. М. Мирза- Ахмедовой) и « Библейские мотивы в романе – притче А. Кима «Отец –лес».

Таким образом, связь времен прослеживается не только через историю, но и через духовность которые человечество сумело сохранить и преумножить.

Т. Абраменко

***

Кармель – Кодень

Пасха 2006

И+М+И

Мир и радость в Духе Святом во имя Воскресшего Христа!

От имени нашей новой настоятельницы Марии – Станиславы от Евхаристии, а также от всей общины посылаю отцу самые сердечные Пасхальные пожелания.

Пусть Воскресший Спаситель «даст вам светлые глаза сердца» и в созерцании над тайной Пасхи позволит отыскать глубину надежды и жизни.

Он имеет силу внедрить Себя в человеческом сердце навсегда, в радости Святого Духа. Он имеет силу прикоснуться человеческого сердца, чтобы оно познало и поняло Его Любовь. Удивительно, поломанное человеческое сердце не знает само, что жаждет только обращения и жизни, само в своей тьме не распознает, что жаждет подойти даже к подножию креста, чтобы,

наконец, освободить себя, с нервного стеснения своей жизни и поверить в Воскресение, уже подаренного каждому.

Божия Матерь с иконы, обнимает своим нежным взглядом и с любовью ежедневно открывает Милосердие Божие, полноту благодати Иисуса, который желает жить в нас. Ежедневно, Божия Матерь говорит нам: «Молитесь за о. Анджея, помните вместе со Мной о Церкви в Туркменистане». И ежедневно эти слова, как будто псалом, как прославление совершаем за Церковь, а Мария молиться в нас.

Несколько дней назад, абсолютно неожиданно пришла весна. Солнце растопило снег и разбудило лес, который поет свое “Laetare”, радостное прославление.

Вместе с молитвой шлем Отцу эту коденскую весну, радость которой есть только подтверждение нашей тоски за Ним.

S. M- Габриелла от Св. Духа
ОСД

***

Слава Иисусу Христу, дорогие мои братья и сестры из Ашгабада!

Несколько дней назад я случайно узнала от нашего о.Епископа о том, что о. Анджей приезжает в Казахстан, и очень обрадовалась, а потом еще оказалось, что мы вместе будем ехать из Астаны до Кокчетавы на автобусе. Во время поездки, отец поделился новостями прихода: о том, как много важных событий произойдет на Пасху, видно, как сильно действует в Церкви Святой Дух, и сколько душ пробуждаются к новой, настоящей жизни.

Ваш небольшой, но живой приход как –то «запал» мне в душу, и я часто вспоминаю о вас, и как вы просили, молюсь о регистрации прихода. Моя мама тоже передает вам привет, недавно она сказала мне, что тоже часто вспоминает о вас, и что её тронула «семейная», открытая обстановка в приходе, что вы делитесь друг с другом, в то время, как это не всегда возможно, в больших приходах, где люди сразу расходятся по домам после Мессы.

Про нашу жизнь в Кокчетаве, надеюсь, вам расскажет о. Анджей, которой посмотрит на все более «свежим» взглядом.

2 слова про погоду:

Недавно у нас, в течение двух недель, морозы доходили до -45° без ветра.

Когда температура чуть –чуть поднялась, до -25° , ко мне позвонила моя тетя, и спросила, какая у нас погода, тепло ли у нас. Я сказала –да, да! Тепло, всего -25°

И когда я узнала, что у вас уже $+25^{\circ}$, то даже себе не представляю, как это.

С нами живет сестра, которая 2 года прожила в Израиле, она говорит, что там же такая погода, как у вас. Ну вот, заканчиваю это маленькое письмо.

Обнимаю вас в молитве перед Иисусом – Евхаристией.

с. Анна.

***

Иисус Уповаю на Тебя!

Не найдет ни одна душа

оправдания, пока не обратится с доверием к Милосердию Моему, и поэтому первое воскресенье после Пасхи должно стать праздником Милосердия»!

Слова Иисуса переданные для сестры Фаустины

Этот праздник является не только днём особого поклонения тайне Божьего Милосердия, но также моментом милости ко всем людям. «Желаю - сказал Иисус – чтобы праздник Милосердия был убежищем и спасением для всех душ, особенно для бедных грешников.

Если не обратятся к Моему Милосердию, погибнут навеки».

Величие этого праздника соизмеримо с необычайными обещаниями, данными Христом: *«Душа пришедшая к исповеди и Причастию, получит полное прощение вины и наказания, в этот день Бог будет щедр в своих милостях, так пусть же не боится приблизиться ко мне ни одна живая душа, даже если бы грех ее был очень тяжёл».*

Суть культа Божьего Милосердия является основой Христианской веры в Бога действительной любви к ближним. *«Всем душам, которые будут ценить Мое Милосердие и расширять поклонение Ему, призывая иные души к вере в Него, в час смерти не дано будет пережить потрясения. Милосердие Мое защитит их в этой последней борьбе»!*

Икона не только представляет Божье Милосердие, она также служит знаком, напоминающим о долге христианской веры в Бога и действенной любви к ближнему.

**«Желаю, чтобы каждая душа славila
Милосердие Божье, потому что каждый
познаёт действие этого Милосердия на
себе».**

С даром молитвы
Фаустина - Эджеша

***

В заключение хочется сказать, что свидетельства о Боге выражаются не только через творчество или научные изыскания. Есть и более простые, доходчивые формы свидетельств. Пример тому- письма сестер Габриеллы, Анны, и Фаустины Эджеша. Стилистика писем сохранена полностью.

Господь наделил Эджешу даром молитвы не случайно: 2 августа 2006 года, в Польше, в Лагевниках она примет монашеские обеты, выберет путь служения Богу раз и навсегда. Храни её, Отче! Молись за неё, Святая Фаустина, вместе с ее матерью Раисой Каримовой и с нами – священниками и прихожанами церкви «Преображения Господня» в Ашгабате. Здесь Эджеша

родилась физически. А в Лагениках она, сестра Фаустина –Лоретта обрела абсолютную полноту жизни в Боге, свое призвание служения Ему.

Письма, письма... Короткие, простые и ясные, они соединяют человеческие сердца нерасторжимой духовно–интеллектуальной связью. Свидетельствуют о нашей любви к Богу и друг к другу. Вот почему я не верю, что эпистолярный жанр изжил себя. Изменились лишь его формы и методы, но сердечность и доверие остались. Им нет и не будет конца.

Библиография

- 1. Библия. 4-е изд., Изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель, 1989 г.**
- 2. Вейгел Дж., Свидетель Надежды. Иоанн Павел II // 1 и 2. – М., АСТ, 2001 г.**
- 3. Мень А. (Протоиерей), Исагогика // Ветхий Завет, Фонд А. Мень, ОПУ, - М., 2001 г., с. 113.**
- 4. А. Мень // Трудный путь к диалогу, М.: 2001 г.**
- 5. Рэдклифф Тимоти. // «Я называю вас друзьями...», Беседы с Гийомом Губером. Пер. с фр. Ольги Дьячковой, Изд.-во «Кайрос», Киев, 2004 г.**
- 6. Журнал «Любите друг друга» // Специальный выпуск, посвященный семье., 2005 г.**

Содержание.

Предисловие.

Стр. 1

Т. Абраменко

Стихотворения.

I.

Эхо разных лет.

Маме.	стр.6
Ах, листья кленов.....	стр.7
Секретничают листья.....	стр.8
Дождь.	стр.9
Ковровщице.	стр.10
Меджеку Чарыеву.	стр.11
Мазурка фа-диез.....	стр.12
Как из песни.....	стр.13
В день Татьянин.....	стр.14
Долог день.....	стр.15
Мы – посев лихолетий.....	стр.16
Острота трагических предчувствий.....	стр.17
Письмо.	стр.18
Сонет.	стр.19
Я б хотела родиться.....	стр.20

II.

«Сотвори во мне сердце чистое.»

Иоанну Павлу II.	стр.23
О. Анджею Мадею.	стр.24
О. Войцеху Пеля.	стр.25
О. Томашу Кошчиньскому.	стр.26
Гимн Миссионеров Облатов I. (Пер. с польск. Т. Абраменко)	стр.27-28
Гимн Миссионеров Облатов II. (Пер. с польск. Т. Абраменко)	стр.29
О.М.І.	стр.30

Всем, замученным круговертью.....	стр.31
Безысходно горька моя Чаша.....	стр.32
Ты не падай с Небес, звезда!	стр.33
Нет, не смутят души моей печали.....	стр.34
«Сотвори во мне сердце чистое».....	стр.35
Жил Пилат несчастный человек.....	стр.36
«Да будет мне по Слову Твоему».....	стр.37
Созрей душа моя, для Бога.....	стр.38
Христос за нас прошел.....	стр.39
Чудо то, что я живу донныне.....	стр.40
Звездой рассветной Ты взошла.....	.стр.41

Анджей Мадей.

Стихотворения.

(авторизованный перевод с польского Т. Абраменко).

I.

Огонь любви и веры.

Монах.	стр.47
Разорванное небо.	стр.48
Кто?	стр.49
Иконы.	стр.50
Елиазаровский Избавитель.	стр.50
Андрей Рублев.	стр.51
Тесные Ворота в Царстве.	стр.52
Царские Врата.	стр.53
Крест из Майнца.	стр.54
Лагевники.	стр.55-56
У Бенедиктинок в Кшешове.	стр.56-57
Полночь в Мальме.	стр.59
Миссионеры.	стр.60

II.

Картины памяти моей.

Картинки из детства.	стр.63
Прежде. Сестре Барбаре.	стр.64
Старые фотографии.	стр.65
Чаек крик беспокоен..... ..	стр.66
На Волыни.	стр.67-68
Вечная память.	стр.69
Памяти Александра Меня.	стр.70
В Светлый праздник.	стр.71
На Русском базаре.	стр.72
Меню.	стр.73

Анджей Мадей.

Размышления.

стр.76-82

Татьяна Абраменко.

Мое сердце открыто Тебе.

Пролог.

стр.85-86

Глава первая

стр.86-107

Глава вторая

стр.108-117

Глава третья

стр.117-127

Глава четвертая

стр.128-147

Глава пятая

стр.148-157

Эпилог

стр.158-159

Вместо послесловия

стр.160-166

Библиография

стр.167

Паспорт гражданина Туркменистана I-AŞ 222705

Ф.И.О. Абраменко Татьяна Александровна

**Место жительства: г. Ашгабат, 11 микрорайон ул. Б. Аннанова,
дом 7, корпус 1, кв. 35
тел: 43-79-39**